*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

# БОЛЬШЕВИК

№ 15 МАРТА 5

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП

1 9 2 6
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 56926. Москва. Тираж 44.000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. набер., д. 23а.

# Хозяйственная обстановка и хозяйственная политика.

Продолжающийся под'ем нашего хозяйства сопровождается в текущем году рядом кризисных явлений. Обострившийся к осени прошлого года и проявляющийся теперь товарный голод на промышленные продукты, рост цен как на сельско-хозяйственные, так и на промышленные товары, связанное с этим некоторое понижение покупательной силы червонца, затруднения в области внешней торговли и острая нужда промышленных предприятий в капиталах,—таковы в основных чертах эти явления.

Мы не переживаем общего кризиса. Наше хозяйство находится в процессе под'ема, а не упадка. Основные показатели народного хозяйства свидетельствуют о продолжающемся его здоровом развитии. И эти кризисные явления вытекают и в значительной мере обусловливаются именно этими процессами хозяйственного роста. С полным правом их можно назвать поэтому «болезнями роста».

Однако, они таят в себе большие опасности, так как если они не будут преодолены, если им будет предоставлена возможность беспрепятственно развиваться, они из кризисных явлений могут вырасти в общий экономический кризис и приостановить дальнейший под'ем нашего хозяйства. Естественно поэтому, что внимание партии должно быть направлено на установление корней этих явлений и мер, необходимых для их устранения.

Более близкое рассмотрение переживаемых нами затруднений показывает, что мы имеем нарушение равновесия (диспропорцию) между отдельными отраслями хозяйства. Нарушение равновесия наблюдается прежде всего между сельским хозяйством и промышленностью. Хороший урожай, наличие излишков хлеба и других продуктов вместе с уменьшением сельхозналога создали условия для пред'явления крестьянством повышенного спроса на продукты промышленности, спроса в таком об'еме, который промышленность не в состоянии покрыть, не-

смотря на свое быстрое развертывание. Эта диспропорция была обострена нашей политикой хлебозаготовок, вызвавшей повышение цен на сельхозпродукты. Вместе с тем нарушение равновесия наблюдается и внутри промышленности: основное—между топливной промышленностью и остальными отраслями. Оно выражается в том, что потребности этих отраслей в топливе лишь с большим трудом удовлетворяются продукцией топливной промышленности. В прошлом году в этом отношении мы имели как раз обратное положение. Таким образом, эти нарушения равновесия протекают из неодинакового темпа развития отдельных отраслей хозяйства; они обусловливаются тем, что то одна, то другая отрасль забегает вперед и тем нарушает необходимую пропорциональность с остальными отраслями. Было бы, однако, непозволительной ошибкой видеть в этих диспропорциях, и прежде всего в диспропорции между промышленностью и сельским хозяйством *основную причину* стоящих перед нами затруднений. Свести всю сумму этих затруднений целиком к нарушению равновесия между сельским хозяйством и промышленностью никак нельзя. Правда, такого рода «приведение» подкупает своей внешней последовательностью и простотой, но эти простота и последовательность получаются в результате того, что остается вне поля зрения ряд весьма важных обстоятельств. Исходя из диспропорции никак нельзя об'яснить факта повышения цен на сельско-хозяйственные товары; точно так же нельзя об'яснить и затруднений в области внешней торговли. Эта внешне последовательная точка зрения может привести к заблуждениям и выводам, не отвечающим действительным условиям нашего хозяйства и нашей политики.

Для правильного суждения о сложившейся теперь обстановке необходимо иметь в виду наш летний просчет, выразившийся конкретно в «контрольных» цифрах Госплана. Мы переоценили летом имевшиеся у нас ресурсы и прежде всего хлебные излишки и переоценили темп нашего развертывания в текущем году. На основе преувеличенного расчета на хлебные излишки и возможность их реализации был построен план хлебозаготовок, учитывались перспективы развития товарооборота, был определен кредитный план и эмиссионные возможности, составлен большой экспортно-импортный план, определен рост промышленности и размеры капитальных затрат. Размеры урожая однако оказались ниже первоначальных предположений; с другой стороны, рост потребления хлеба сельским и городским населением оказался значительно недоучтенным. Таким образом, хлебные излишки в стране оказались значительно меньше тех, на которые мы рассчитывали. Вместе с тем крестьянство, которое не находилось в этом году под давлением налогового пресса, не спешило со сбытом хлеба. Все это привело к тому, что план



хлебозаготовок оказался преувеличенным; осуществление этого плана, базировавшегося на широком кредитовании, привело к росту хлебных цен и усилению товарного голода. Но ход хлебозаготовок в значительной мере определял размеры и темп развертывания внешней торговли и промышленности. Недовыполнение большого плана хлебозаготовок привело к тому, что экспорт оказался ниже предположений, рост товарооборота и вместе с тем эмиссионные возможности—точно так же. Но импорт уже начал проводиться в расчете на большой экспортный план, эмиссия и кредитование осуществлялись в расчете на рост товарооборота по первоначальным предположениям, к капитальным затратам в промышленности было приступлено в расчете на большие возможности получения средств по госбюджету и в порядке кредитования. Отсюда именно—из переоценки темпа развития — и возник тот ряд нарушений равновесия, который характеризует теперешнее положение.

*В общем этот ряд диспропорций сводится к тому, что наши планы и расчеты развертывания промышленности, производства капитальных затрат, роста внешней торговли и проч. оказались несоответствующими реальным ресурсам страны, а попытка выполнения этих планов привела к наблюдающимся теперь болезненным явлениям.*

* * *

В связи с этими затруднениями снова обсуждаются вопросы нашего хозяйственного курса.

XIV с'езд четко определил общее направление экономической политики, поставив перед партией задачу индустриализации страны и достижения ее максимальной хозяйственной самостоятельности. Однако, теперь, при анализе сложившейся экономической обстановки и затруднений, делаются кое-кем выводы, идущие вразрез с решениями с'езда, представляющие пересмотр этих решений, несмотря на то, что все это проводится под флагом всего лишь невинного «толкования» с'ездовских постановлений.

Наиболее далеко идущими в этом отношении являются выступления т. Шанина (см. № 2 «Большевика») и его соратников. Здесь выставленному с'ездом лозунгу индустриализации нашей страны фактически противопоставляется лозунг ее дальнейшей *аграризации*. Курсу на *развитие нашей социалистической промышленности* непосредственно противопоставляется *курс на развитие сельского хозяйства*, где господствует *мелкое товарное производство*. Все это мотивируется тем, что развертывание промышленности якобы

создает в теперешних условиях кризисные явления, что капитальные затраты в промышленности, могущие дать эффект через продолжительный срок, не под силу пока нашей стране и что поэтому мы должны ориентироваться теперь на развитие сельского хозяйства и сельско-хозяйственного экспорта, так как вложение наших средств в эти отрасли может дать более быстрый. благодаря господствующему здесь мелкому производству, и более ощутительный хозяйственный эффект. Вместе с тем развитие сельского хозяйства и установление большей связи его с иностранным рынком должно вывести нас из теперешних затруднений и обеспечить гладкий, бескризисный под'ем в дальнейшем.

Отсталость сельского хозяйства, господство в нем мелкого производства возводится этой теорией, таким образом, в особую «добродетель» и превращается в условие нашего хозяйственного роста и развития к социализму! Мелкое сельско-хозяйственное производство об'является имеющим преимущества в наших условиях над крупным, машинным хозяйством. Здесь мы имеем своеобразный рецидив тех мелко-буржуазных теорий превозносивших мелкое кустарное производство и крестьянское хозяйство над крупной промышленностью и крупным капиталистическим хозяйством в земледелии, с которыми боролись революционные марксисты.

Эта теория должна быть нами отвергнута со всей решительностью. Ибо такого рода курс ведет к ослаблению ведущего начала нашей экономики—социалистической промышленности, ибо он обеспечивает превращение нашей страны в «царство крестьянской ограниченности», в аграрный придаток высокоразвитых капиталистических стран.

Условия нашего сельского хозяйства таковы, что там минимальные затраты могут дать большие результаты и значительное повышение продукции. Переход к многополью, улучшение обработки почвы, очистки семян, и проч.,—одно это может дать большое увеличение сельско-хозяйственного дохода. Именно поэтому надо больше средств вкладывать в промышленность, которая благодаря высокому органическому строению капитала требует больших затрат для увеличения своей продукции. С другой стороны, преодолеть отсталость, рутину, раздробленность и хищническое расходование труда в сельском хозяйстве можно, только опираясь на крупную промышленность. Крупная промышленность и электрификация только и могут создать техническую базу для обобществления сельского хозяйства.

Индустриализация является, таким образом, одним из основных условий осуществления социализма в нашей стране. Вот почему индустриализация является осью нашей экономической политики.



* * *

Однако, когда говорят, что выход из теперешних затруднений обеспечивается индустриализацией страны, то это нас ни в коей мере удовлетворить не может. Индустриализация является элементом нашего большого плана движения к социализму. Ее нельзя «провести» одним махом. Она будет осуществляться в течение долгого ряда лет, требуя от нас больших усилий, выдержки, затраты соответствующих средств.

Этот большой план недостаточно и неправильно поэтому предлагать в качестве единственной меры, могущей вывести нас из того сложного переплета временных, своеобразных затруднений, в котором мы теперь находимся. Это было бы чересчур большим «упрощением» наших задач и на практике привело бы и часто приводит к неправильным выводам.

Ибо, если выход заключается единственно и просто в развертывании промышленности, то отсюда следует, что наша кредитная и эмиссионная политика, бюджет и проч. должны быть подчинены этой задаче. Если для развертывания промышленности нужна новая эмиссия, она должна быть осуществлена, не считаясь с обстановкой. Если для этого нужно увеличение бюджета, оно должно быть проведено, не считаясь с реальными нашими возможностями. Лозунг индустриализации превращается в такой постановке в лозунг максимального развертывания, т.-е. в то, против чего предостерегал в своей резолюции XIV партс'езд.

Вот почему неправильно, недостаточно выставлять индустриализацию в качестве единственной меры преодоления теперешних временных затруднений. Переплет этих затруднений чрезвычайно сложен, нам нужно гибкое маневрирование, умелое использование всех основных рычагов нашей экономической политики, чтобы выбраться из этих затруднений. Нам нужно добиться смягчения товарного голода и увеличения продукции промышленности. Надо добиться снижения цен внутри страны и укрепления курса червонца. Надо добиться расширения нашего экспорта, которое даст возможность увеличить импорт сырья и оборудования промышленности. Все это решается путем сложного сочетания системы мер развертывания промышленности, регулирования торговли, кредитной и эмиссионной политики.

Речь идет теперь именно о том, как конкретно осуществить индустриализацию в данный отрезок времени, при данном сочетании условий. Дело здесь заключается в точном расчете и учете этих условий и имеющихся у нас ресурсов. Нам нужно увеличение промышленной продукции, нам необхо-

создает в теперешних условиях кризисные явления, что капитальные затраты в промышленности, могущие дать эффект через продолжительный срок, не под силу пока нашей стране и что поэтому мы должны ориентироваться теперь на развитие сельского хозяйства и сельско-хозяйственного экспорта, так как вложение наших средств в эти отрасли может дать более быстрый, благодаря господствующему здесь мелкому производству, и более ощутительный хозяйственный эффект. Вместе с тем развитие сельского хозяйства и установление большей связи его с иностранным рынком должно вывести нас из теперешних затруднений и обеспечить гладкий, бескризисный под'ем в дальнейшем.

Отсталость сельского хозяйства, господство в нем мелкого производства возводится этой теорией, таким образом, в особую «добродетель» и превращается в условие нашего хозяйственного роста и развития к социализму! Мелкое сельско-хозяйственное производство об'является имеющим преимущества в наших условиях над крупным, машинным хозяйством. Здесь мы имеем своеобразный рецидив тех мелко-буржуазных теорий превозносивших мелкое кустарное производство и крестьянское хозяйство над крупной промышленностью и крупным капиталистическим хозяйством в земледелии, с которыми боролись революционные марксисты.

Эта теория должна быть нами отвергнута со всей решительностью. Ибо такого рода курс ведет к ослаблению ведущего начала нашей экономики—социалистической промышленности, ибо он обеспечивает превращение нашей страны в «царство крестьянской ограниченности», в аграрный придаток высокоразвитых капиталистических стран.

Условия нашего сельского хозяйства таковы, что там минимальные затраты могут дать большие результаты и значительное повышение продукции. Переход к многополью, улучшение обработки почвы, очистки семян, и проч.,—одно это может дать большое увеличение сельско-хозяйственного дохода. Именно поэтому надо больше средств вкладывать в промышленность, которая благодаря высокому органическому строению капитала требует больших затрат для увеличения своей продукции. С другой стороны, преодолеть отсталость, рутину, раздробленность и хищническое расходование труда в сельском хозяйстве можно, только опираясь на крупную промышленность. Крупная промышленность и электрификация только и могут создать техническую базу для обобществления сельского хозяйства.

Индустриализация является, таким образом, одним из основных условий осуществления социализма в нашей стране. Вот почему индустриализация является осью нашей экономической политики.



* * *

Однако, когда говорят, что выход из теперешних затруднений обеспечивается индустриализацией страны, то это нас ни в коей мере удовлетворить не может. Индустриализация является элементом нашего большого плана движения к социализму. Ее нельзя «провести» одним махом. Она будет осуществляться в течение долгого ряда лет, требуя от нас больших усилий, выдержки, затраты соответствующих средств.

Этот большой план недостаточно и неправильно поэтому предлагать в качестве единственной меры, могущей вывести нас из того сложного переплета временных, своеобразных затруднений, в котором мы теперь находимся. Это было бы чересчур большим «упрощением» наших задач и на практике привело бы и часто приводит к неправильным выводам.

Ибо, если выход заключается единственно и просто в развертывании промышленности, то отсюда следует, что наша кредитная и эмиссионная политика, бюджет и проч. должны быть подчинены этой задаче. Если для развертывания промышленности нужна новая эмиссия, она должна быть осуществлена, не считаясь с обстановкой. Если для этого нужно увеличение бюджета, оно должно быть проведено, не считаясь с реальными нашими возможностями. Лозунг индустриализации превращается в такой постановке в лозунг максимального развертывания, т.-е. в то, против чего предостерегал в своей резолюции XIV партс'езд.

Вот почему неправильно, недостаточно выставлять индустриализацию в качестве единственной меры преодоления теперешних временных затруднений. Переплет этих затруднений чрезвычайно сложен, нам нужно гибкое маневрирование, умелое использование всех основных рычагов нашей экономической политики, чтобы выбраться из этих затруднений. Нам нужно добиться смягчения товарного голода и увеличения продукции промышленности. Надо добиться снижения цен внутри страны и укрепления курса червонца. Надо добиться расширения нашего экспорта, которое даст возможность увеличить импорт сырья и оборудования промышленности. Все это решается путем сложного сочетания системы мер развертывания промышленности, регулирования торговли, кредитной и эмиссионной политики.

Речь идет теперь именно о том, как конкретно осуществить индустриализацию в данный отрезок времени, при данном сочетании условий. Дело здесь заключается в точном расчете и учете этих условий и имеющихся у нас ресурсов. Нам нужно увеличение промышленной продукции, нам необхо-

димо обновление основного капитала индустрии. Но как, в каких размерах это может быть проведено, решается тем, каким наличием рессурсов мы располагаем.

Ставить вопрос иначе это значит итти на новое увеличение эмиссии червонцев, что при теперешнем тяжелом положении червонца может привести лишь к дальнейшему понижению его курса вызвать новый рост цен, обострить еще более экспортные затруднения, вовлечь нас в русло новой инфляции. Средства для необходимого и возможного для нас теперь развертывания промышленности должны быть найдены. Но их надо создавать но путем инфляции, а путем строжайшей экономии, отказа от всех не абсолютно необходимых расходов, путем перераспределения кредитов между промышленными и торговыми организациями, путем новых кредитных операций, перераспределения бюджетных средств в сторону промышленности, путем повышения производительности труда. Только эти методы обеспечат здоровый и быстрый под'ем нашего хозяйства.

---

*Я. Яковлев.*

# Советы, как форма пролетарской демократии.

Опыт семнадцатого года сразу выявляет значение советов, как органов пролетарской диктатуры, в которых и через которые рабочий класс устанавливает сотрудничество с крестьянскими массами. Тем самым дается разрешение той проблемы, которая заполнила всю историю России за последние три десятка лет: кому вести за собой крестьянство—рабочему классу или буржуазии. В октябрьские дни рабочие ведут крестьян, завоевав крестьянскоо доверие декретом о земле. Этот декрет показал, что рабочий класс берет представительство «интересов трудящихся крестьянских масс», что он умеет при этом считаться с крестьянскими предрассудками, на опыте помогая их изживанию. Таких же «естественных представителей» крестьяне находят в рабочем классе в годы гражданской войны, когда союз пролетариата с крестьянством приобретает характер военного союза. И в октябрьские дни и во время гражданской войны крестьянская революция против помещика сочетается, сливается с пролетарской борьбой против буржуазии. Государственной формой этого сочетания являются советы. В этом сочетании—коренной источник непобедимости советов. В нем основное условие перерастания доведенной до конца буржуазной революции в революцию социалистическую. Советы явились формой государства, обеспечивающей влияние рабочего класса на крестьянство и на тех этапах революции, когда революция буржуазно-демократическая перерастала в революцию социалистическую.

И теперь, когда первостепенными становятся экономические задачи, советы продолжают играть роль того орудия, с помощью которого рабочий класс привлекает на свою сторону крестьян и отрывает их от буржуазии. Опыт подтверждает целиком ленинское утверждение, что советы наилучшим образом приспособлены к борьбе пролетариата против буржуазии за влияние и руководство непролетарскими трудящимися массами. Опыт всей нашей революции показал, что вне союза с крестьянами невозможна пролотарская диктатура, что союз с крестьянами, как это говорил Ленин на III конгрессе Коминтерна, означает усиление и укрепление пролетариата. «Высший принцип диктатуры—это сохранение союза пролотариата с крестьянством, дабы пролетариат мог удержать руководящую роль и государственную власть...» [1]). Поскольку союз рабочих и крестьян, осуществляемый советами, есть союз разных классов (союз рабочих

[1]) Н. Ленин, Собр. соч., том XVIII, ч. 1, стр. 331. Речь о тактике РКП на III конгрессе Коминтерна.

и бедняков с середняками), он предполагает длительную, на поколения рассчитанную работу перевоспитания крестьянской массы, которая постепенно на собственном опыте убеждается, что движение к социализму ей выгоднее, чем движение назад к капитализму.

Вопросы дальнейшего развития советов нельзя рассматривать вне реального соотношения этих двух классов, вне вопроса о том, какими путями и методами рабочий класс будет вести за собой крестьянские массы к социализму.

Величайшее значение советов в том, что они представляют собой орган связи авангарда—коммунистической партии—с массами. Всякая попытка рассматривать диктатуру пролетариата вне связи авангарда с массами, была бы в корне неверной, противоленинской. Ленин всегда рассматривал Советскую власть, как такую форму власти рабочего класса, которая обеспечивает поднятие миллионов трудящихся к управлению государством.

При всех условиях, при всех особенностях практической постановки вопроса (вытекающих из видоизменения условий от одного периода к другому) у Ленина все же не меняется определенно основных отношений.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть», написанной в 1917 году, Ленин, рассматривая советы, как форму пролетарского государства, на первое место выдвигает их роль аппарата связи авангарда с массами: Он показывает, как советы дают связь авангарда с массами наиболее «тесную, неразрывную, легко проверимую и возобновляемую», как советы дают возможность авангарду «поднимать, воспитывать, обучать и вести за собой всю гигантскую массу» рабочих и крестьян[1]).

В черновом наброске проекта программы Ленин рассматривает укрепление и развитие Советской власти, прежде всего, как об'единение авангарда угнетенных классов, «который должен воспитывать поголовно все трудящееся население к самостоятельному участию в управлении государством не теоретически, а практически».

В 1918 г. в статье «Очередные задачи Советской власти»— то же определение. Значение советов и Советской власти и здесь для Ленина прежде всего в том, что они создают наилучшую возможность руководства коммунистического авангарда широкими массами и их воспитания на собственном опыте, «ибо Советская власть есть не что иное, как организационная форма диктатуры пролетариата, диктатуры передового класса, поднимающего к новому демократизму, к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся и эксплоатируемых, которые на своем опыте учатся видеть в дисциплинированном и сознательном авангарде пролетариата своего надежнейшего вождя[2]).

В следующем 1919 году, в статье «Выборы в учредительное собрание и диктатура пролетариата» Ленин видит главнейший источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны II Интернационала в непонимании им того, что Советская власть, как форма власти рабочего класса, служит в руках этого класса орудием привлечения на его сторону непролетарских трудящихся масс.

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 229, ст. «Удержат ли большевики государственную власть?».
[2]) Соб. соч., т. XV, стр. 215, ст. «Очередные задачи Советской власти».



Еще через год, в «Детской болезни «левизны» в коммунизме», в 1920 году, Ленин рассматривает вопрос о том, чем держится, проверяется и подкрепляется дисциплина революционной партии пролетариата. Он выдвигает в качестве условия существования этой дисциплины, наряду с сознательностью пролетарского авангарда, его умение сблизиться с широкими слоями трудящихся пролетарских и непролетарских масс. Основным условием правильности практического руководства авангарда этими массами он выдвигает требование, «чтобы самые широкие массы собственным опытом убедились в этой правильности»[1]).

Перечисляя в тезисах об основных задачах II конгресса Коммунистического Интернационала в 1920 году условия победы над капитализмом, Ленин выдвигает на первое место создание сплоченной, закаленной, крепкой коммунистической партии и связь такой партии не только со своим классом, но и со всей массой эксплоатируемых. Вне этих условий не может быть самого захвата власти советами. И после 1920 года вытекающие из нэпа трудности заставляют Ленина все вновь и вновь возвращаться к мысли о связи массы и авангарда, как основном условии существования и развития Советской власти.

Можно ли в любом из этих определений диктатуры одну часть оторвать от другой? Можно ли изобразить Советскую власть только как прямую власть авангарда рабочего класса над трудящимися массами? Мы видим из ленинских формулировок, что это не по-ленински, что это грубейшим образом Ленину противоречит.

Именно потому власть коммунистической партии и власть рабочего класса совпадают, что власть коммунистической партии превращает весь рабочий класс в класс господствующий, поднимающий «к самостоятельному участию в управлении государством десятки и десятки миллионов трудящихся»[2]). Ленин разрабатывает неоднократно вопрос об источниках прочности Советской власти в разные исторические периоды, каждый раз подчеркивая, что сила и значение советов в правильном сочетании авангарда и массы.

Авангард может в иных случаях своим порывом, своей решимостью, а иногда дерзостью своего наступления, даже уйдя вперед от массы, в конечном счете эту массу увлечь за собой. Он может внезапным наступлением, иногда неожиданным по смелости, дезорганизовать ряды врага и тем самым расчистить пути для движения вперед основной массы, которая иначе бы не решилась двигаться вперед. Но сам авангард без массы и вне массы прочно победить не может, даже не может продержаться на уже завоеванных позициях.

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» Ленин подвел итог отношениям авангарда и массы в выражениях, не допускающих никаких перетолкований. «С одним авангардом победить нельзя». Больше того, Ленин считает не только глупостью, но и преступлением всякую попытку бросить один авангард в

[1]) Соб. соч., т. XVII, стр. 118, ст. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».
[2]) Соб. соч., т. XV, стр. 215, ст. Очередные задачи «Советской власти».

решительный бой, если ему не обеспечена либо прямая поддержка широких масс, либо, по крайней мере, такой благожелательный нейтралитет к нему, который одновременно означает полную неспособность масс поддержать противника.

В этой же связи Ленин раз'ясняет, что одной пропагандой и агитацией нельзя привести широкие массы к поддержке авангарда,—«для этого нужен собственный политический опыт этих масс» [1]).

Так складываются конкретные отношения авангарда и массы. Они во всяком случае не покрываются отношениями командования. Гораздо более точно отношения авангарда и масс определяются понятием руководства. Авангард—правящая коммунистическая партия—руководит массами не как учитель руководит учениками в школе. Его руководство прежде всего заключается в том, что он, ведя за собой рабочий класс и массы бедного и среднего крестьянства, помогает самим массам осознать свой собственный опыт, опыт своей собственной жизни и борьбы. Пролетарский авангард—учитель и вождь всех трудящихся, их руководитель в деле движения к социализму—отнюдь не похож ни на ученого пропагандиста, ни на командира, приказывающего массам производить то или иное движение, занять те или иные позиции. Он не проповедник и не командир, хотя, конечно, в его политику в любой момент составной частью входит и командование и проповедь, т.-е. убеждение. У Ленина руководство означает, прежде всего, воспитание масс на их собственном опыте.

Представление о руководстве только как о командовании или даже только как об агитации или пропаганде было бы опошлением ленинизма.

У Ленина мы не найдем ни одного места, где бы рабочий авангард выступал только в качестве такого педагога или командира. Ленинское руководство заключается в том, что правящая партия подводит самые массы, миллионы людей, на их собственном опыте к идее рабочего класса.

Но тут мы слышим голос, склонный возвести в принцип те из приемов непосредственного командования над массой, которые были величайшей добродетелью в военный период, в первые годы нэпа и которые начинают превращаться в величайший порок в настоящее время. Иной коммунист не прочь свести указание Ленина о воспитательной роли авангарда к предложению через школу, особенно школу политграмоты, через книгу подготовлять новых участников управления государством. Поэтому мы опять обратимся к Ленину для того, чтобы у него найти ответ на вопрос, что означает обучение авангардом масс, какими путями авангард учит массы, какие средства обучения он имеет в своем распоряжении.

На с'езде крестьянских депутатов в 1917 году Ленин призывал учить народ искусству государственного управления не только книжкой, а немедленным повсеместным переходом к практике... В 1918 году в своем докладе об изменении партийной программы и названия партии основное значение советов Ленин видит в том, что они дают возможность воспитывать массы,

[1]) Соб. соч., том XVII, стр. 179, ст. «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».



а суть этого воспитания он раз'ясняет заявлением: мы хотим, чтобы русский крестьянин учился из собственного опыта, а не из книг. Советы воспитывают массы, потому что через них массы непосредственно учатся управлению государством. Заслугу партии Ленин видит в том, что партия помогает массам самим взяться за управление государством и за введение социализма вместо того, чтобы «учиться этому из книг, из лекций»...

В своем докладе о годовщине пролетарской революции на VI Всероссийском С'езде Советов Ленин характеризует сознательность масс не тем, что они взяли и прочли книжку или брошюру, а тем, что они собственными руками строят фундамент социализма. В 1919 году в речи на II Всероссийском С'езде Профсоюзов он в том же—в обучении масс практикой управления, не митингами, не книжками, не речами—видит основное условие прочности социалистического переворота. В тезисах об основной задаче II Конгресса Коминтерна он обобщает это положение до международного масштаба, заявляя: «Только в советах начинает масса эксплоатируемых действительно учиться не из книжек, а из собственного практического опыта делу социалистического строительства» [1]). Такое же обобщение он делает и в «Детской болезни «левизны» на опыте России и Германии, доказывая, что только собственный политический опыт масс может обеспечить необходимую для победы революции поддержку этих масс пролетарскому авангарду. Соответственно, в своей речи о задачах Союза молодежи, Ленин называет грубым и недостаточным такое определение коммунизма, которое считает, что учиться коммунизму—это значит усвоить сумму знаний из коммунистических учебников, брошюр и трудов. Обучение только из книг и брошюр могло бы повести к созданию «коммунистических начетчиков или хвастунов». Настоящего коммуниста и строителя Советского государства может создать только опыт практического советского строительства. (Мы не хотим, конечно, умалить значение коммунистического образования, но нельзя к книжному образованию сводить ленинское понятие обучения масс авангардом).

Меньшевики всего мира в ответ на этот ход ленинских мыслей, и еще больше в ответ на практику советского государства, указывают на ошибки, которые в деле управления совершают неопытные строители из рядов рабочих и крестьян. Им Ленин дает ответ в докладе о деятельности Совнаркома на III Всероссийском С'езде Советов:

«Мы знаем лишь один путь пролетарской революции... научиться власти на опыте, на своих ошибках» [2]). В письме же к американским рабочим Ленин раз'ясняет, что эти ошибки действительно перестраивающих свою жизнь рабочих и крестьян стоят тысяч и миллионов успехов буржуазии. Каждая такая ошибка учит рабочих и крестьян обходиться без капиталистов. На ошибках авангард учится вместе с массами.

У массы нет опыта,—пугают меньшевики. Научатся на деле управления,—отвечает Ленин. Нужно только развивать веру

[1]) Собр. соч., т. XVII, стр. 233. Тезисы об основных задачах II конгресса Коминтерна.

[2]) Собр. соч., т. XV, стр. 84. Доклад о деятельности СНК на III Всероссийском С'езде Советов.

самих масс в свои силы, ибо эти массы еще мало освоились с тем, что рабочий класс господствует. На том же III С'езде Ленин решительнейшим образом борется со старым буржуазным предрассудком, будто рабочий и крестьянин не могут управлять государством. Больше доверять массам, внушать им веру в себя,— таков был ленинский путь всегда. Еще в 1917 году в статье «Один из коренных вопросов революции» Ленин указывал, что величайшим грехом меньшевиков и эсеров является их неверие в массы, их боязнь почина, самостоятельности и революционной энергии масс. Этой меньшевистской боязни масс Ленин противопоставляет доверие авангарда к их инициативе, самодеятельности, самостоятельности.

В ответ на меньшевистские жалобы на отсталость массы, на ее некультурность, дикость, Ленин показывает, как удесятеряется революционный энтузиазм масс, когда они видят, что власть им верит, им помогает, на них опирается. Корень такой постановки вопроса Лениным в том, что опыт самих трудящихся масс толкает их к доверию пролетарскому авангарду. Только собственным опытом масс проверяется правильность тактики и стратегии пролетарского авангарда. Только когда сами широкие массы на собственном опыте убедились в правильности пролетарского руководства, может быть прочна пролетарская диктатура и может быть крепким и сплоченным сам пролетарский авангард.

Если Маркс основным условием действительно народной революции считал разрушение государственной машины буржуазии, то Ленин это положение Маркса дополняет, вводя основным признаком подлинной народной революции огромное увеличение числа лиц, принимающих участие в управлении государством. При этом степень углубления и укрепления революции может характеризоваться степенью расширения числа рабочих и руководимых рабочим классом крестьян, ее строящих, в ней принимающих участие. Успехи революционного пролетариата, успехи подлинной народной революции могут измеряться степенью вовлечения масс в строительство. В конечном счете, тем была велика французская революция и в еще большей мере великой действительно является наша революция, что они привлекали массы в масштабе еще невиданном.

Что требует такое ленинское соотношение авангарда и массы от самого авангарда, Ленин раз'яснял десятки раз во всех своих работах. Единство, централизация, дисциплина авангарда Лениным рассматриваются не только как основное условие захвата, сохранения и укрепления власти пролетариата, но и как важнейшее условие сохранения правильного соотношения авангарда и массы.

Роль дисциплины, единства, решимости пролетарского авангарда, как условий, вне которых невозможна пролетарская победа, Лениным выяснялась с особой ясностью на каждом историческом повороте, требовавшем особо четкого выявления этих качеств авангарда (в революции: Октябрь, Брест, переход к нэпу). Без такого авангарда пролетариат не может удержать и развить победу, как это полностью вскрыл и опыт Парижской Коммуны и опыт любого исторического поворота во время революции, когда малейшее ослабление дисциплины, единства, твердости авангарда явно грозили гибелью революции. Больше того, в известные



моменты революции, борьба с настроением упадка, ликвидаторства, с рецидивом доверия к буржуазии делается обязательной для пролетарского авангарда. Такого рода рецидивы неизбежны в более или менее широких слоях крестьянства, представляющего собой, как говорил Ленин, силу колебания в виду его мелко-буржуазного классового характера. Более того,—и известная часть рабочего класса в некоторые моменты может заразиться крестьянским колебанием, поддаться мелко-буржуазной стихии.

Мартов в своей книге «О мировом большевизме» издевается над тем, что нынешняя форма советской диктатуры ограждает себя раз навсегда от всякого воздействия обывательских настроений широких масс. Нужно ли Советской власти и коммунистической партии ограждать себя от возвращения обывательских настроений, обязана ли коммунистическая партия сдаваться настроениям пассивности, инерции, неверия или упадка, которые в те или иные тяжкие моменты могут охватить под воздействием мелко-буржуазной стихии даже и широкие пролетарские круги? Так это было весной и летом 1918 года. Следовало ли тогда в условиях непрерывно растущего голода передовым элементам рабочего класса поддаться временному настроению усталости, порожденной трудностями, и сдать власть? Сдать единственному, действительному претенденту на власть, которым были и могли быть только те или иные группы буржуазии, так или иначе связанные или с англо-французским или с германским капиталом? Очень короткие сроки господства этого капитала повернули бы решительно настроение рабочих снова в сторону Советской власти и коммунистической партии (так это было на Украине после гетманщины или деникинщины, на Урале и в Сибири после Колчака). Но этот поворот, конечно, не дал бы возможности восстановить Советскую власть, ибо совершенно своеобразная и исключительно благоприятная для рабочего класса ситуация октября 1917 года отнюдь не обязательно должна была повториться. Тем самым уступка временному колебанию, усталости, пассивности, инерции, частью отчаянию голодных означала бы, по существу, сдачу, поражение Советской власти на целый исторический период.

В праве ли были тогда передовые элементы рабочего класса уступать этим настроениям упадка? Достаточно этот вопрос поставить, чтобы на него дать совершенно точный и ясный ответ: с точки зрения интересов пролетарской революции они этого права не имели. Преодолев пассивность, а иногда даже враждебность некоторых элементов своего же класса, передовые элементы этого класса обеспечили не только сохранение, но и дальнейшее развитие власти советов, как формы такой демократии, которая во всяком случае и при всех условиях дает рабочему больше возможности действительно участвовать в управлении государством, чем самая демократическая буржуазная демократия, представляющая собой лишь форму господства капитала.

Как же преодолевается это временное противоречие авангарда и масс? Мартов в своей книжке навязывает нам умозаключение о необходимости для передового меньшинства, т.-е. для коммунистической партии, подавить мерами насилия пассивность или инерцию масс собственного класса, поддавшегося или отразившего колебания крестьянских масс. Наш опыт го

ворит совершенно иное. Противоречия, в такие моменты возникающие, преодолеваются главным образом расширением участия масс своего класса в управлении, в решении хозяйственных, политических и военных задач. Противоречия авангарда и масс весной и летом 1918 г. преодолеваются тогда же вовлечением новых отрядов рабочего класса в дело продовольствия, в дело войны, под'емом в деревне к власти новых слоев деревенской бедноты, сотни тысяч и миллионы которой решают не только частную задачу уничтожения кулака, но и общую задачу преодоления противоречия между авангардом, не знающим колебания, и массой, в тот или иной момент способной поддаться колебанию под воздействием голода или нужды, под бременем тяжести задач. В этом примере вскрывается коренное отличие диктатуры пролетарской от любой, наиболее радикальной буржуазной диктатуры. Последняя могла бы решить затруднения типа 1918 г. только беспощадным подавлением колеблющихся. Первая же его решила расширением участия широких народных масс в непосредственном разрешении тех или иных государственных задач, наряду с величайшей решительностью в деле подавления открытой войны или заговоров буржуазии. Конечно, это не исключает мер решительного подавления в отношении к тем слоям крестьянства, которые в тот или иной момент дают себя кулакам увлечь на путь восстания против Советской власти (например, Тамбовское восстание) и даже по отношению к тем единицам своего класса, которые переходят в лагерь врага.

Неизбежность временных расхождений между авангардом и массой об'ясняется, прежде всего тем, что новое общество еще является классовым обществом, которое «во всех отношениях—в экономическом, нравственном и умственном—носит еще отпечаток старого общества, из недр которого оно вышло»... (Маркс).

Ленин неоднократно возвращается к той же мысли, перечисляя остатки старого, встречающиеся на каждом шагу нового общества. Решающее значение здесь имеет экономическая структура советской страны, переходный к социализму характер экономики страны, на каждом шагу дающей сплетение начал социалистических с началами капиталистическими и докапиталистическими. Экономика советской страны определяет ее классовую структуру.

Почти 100 миллионов крестьян, уровень которых определяется, в первую очередь, условиями мелкого индивидуального хозяйства,—такова та живая масса, которую пролетарскому авангарду надо вести за собой, осуществляя союз пролетариата и бедного крестьянства с середняком. Руководство крестьянскими массами пролетарским авангардом к тому же затрудняется наличием интеллигенции, воспитанной дореволюционными общественными отношениями. Упорство предрассудков этого слоя тем больше, чем больше техническая и экономическая отсталость советского государства, чем могущественнее процесс, рождающий капитализм из крестьянского хозяйства, и, наконец, чем ниже культурно-политический уровень самого рабочего класса. И пролетарии не явились чудом какой бы то ни было пролеткультовской реторты, готовенькими людьми нового общества. (Не потому ли Владимир Ильич так ненавидел всегда пролеткультовские изощрения, что они подменяли настоящего пролетария, со всеми его недостатками, но зато и со всеми его достоинствами, пролетарием выдуманным, в действительности никогда не существовавшим, и тем самым мешали бороться с действительными недостатками и использовать действительные достоинства?). Эти недостатки в разной пропорции имеются не только у рабочего класса СССР—страны экономически и технически отсталой, но и у рабочих наиболее передовых капиталистических стран: кастовый дух верхушки рабочих (больше в передовых капиталистических странах, чем в России); неграмотность и некультурность низов (больше у русских рабочих, чем у рабочих передовых капиталистических стран); неверие в собственные силы,—в рабочих чересчур силен буржуазный предрассудок, будто управлять могут только специальные, предназначенные на то и специально для этого воспитанные люди (на этот недостаток Ленин неоднократно указывает, призывая пролетарский авангард всячески его преодолевать, привлекая все шире и смелее рабочих к государственной работе, не отступая перед их собственной боязнью этой государственной работы); недостаток критического отношения к органам власти—отзвук и остаток созданного буржуазным и добуржуазным строем взгляда на власть, как на нечто поставленное свыше над рабочими и крестьянами. Отсюда и недостаток критического отношения к мероприятиям советов, которые нуждаются не в отсутствии рабочей критики, а, наоборот, в ее развитии.



Ленин десятки раз возвращается к той мысли, что рабочий класс входит в социалистическую революцию не таким, каким бы его хотелось видеть каким-нибудь утопистам, фантазерам или мечтателям, а таким, каким его сделало буржуазное общество.

В ходе самой борьбы с капиталистическим обществом изменяется и сам рабочий класс: в ходе борьбы с военной опасностью создается школа связи рабочих с крестьянами, навыки сотрудничества с крестьянскими массами; на опыте хозяйственного строительства создаются навыки коллективной ответственности за государственное, т.-е. в последнем счете свое, имущество, навыки коллективной общественной работы. Совершенной фантастикой является лежащее в основе меньшевистской тактики желание иметь к моменту социалистической революции рабочий класс, всесторонне подготовленный во всей своей массе, в самых своих толщах, к руководству государством. Таким рабочий класс не может стать в недрах капиталистического общества. Больше того, в недрах капиталистического общества он не может не носить ряда следов этого общества с его индивидуализмом, анархией, с его много десятков раз приводимым Лениным правилом: каждый за себя, бог за всех. А сотни тысяч пролетариев, бивших Колчака и Деникина, организовавших затем трудовые армии, на их неудаче обучавшихся иным методам руководства крестьянскими массами, обученных под Кронштадтом, преодолевающих нэп методами нэпа, строящих социалистическую государственную промышленность, идущих к уничтожению торговли путем торговли, переводящих крестьянское хозяйство на рельсы социализма через кооперацию,—действительно изменяют свой собственный характер в меру и в связи с изменением той материальной среды, в которой они живут и которую они изменяют своей собственной борьбой-работой. Отсюда основной вывод. Для победы социализма необходима

величайшая переделка толщ народных масс, вошедших в эпоху борьбы за социализм с рядом черт капиталистического периода. Дело строительства социализма требует создания действительно общественного человека и строителя общественного дела, умеющего свои личные интересы не только сочетать с общественными, но и подчинять общественным.

Этот человек может быть создан только на опыте борьбы. Эту работу за народные массы никто не может проделать, и здесь революционный авангард в величайшей мере заинтересован в том, чтобы этот опыт расширялся всячески и всемерно. Нет иного пути к переделке оставшегося в наследство от капитализма человека, как непосредственное его участие в деле строительства и переделки условий его существования. Человек, рассчитывающий средства волостного бюджета, строящий ясли, организующий пионерские отряды, участвующий в управлении предприятием и, через пролетарскую власть, во всем управлении социалистической промышленностью, строящий кооперацию,—переделывает и материальные условия своего существования и самого себя. Отсюда ясна нелепость самого предположения, будто бы рабочий авангард может понимать свою миссию, как миссию господства над трудящимися массами. Прямое господство в форме подавления самодеятельности этих масс било бы в конечном счете, прежде всего, этот самый авангард, отрывая его от резервов, делая безнадежным его движение к социализму. Не в подавлении самодеятельности лежит преодоление отрицательных черт, внесенных и рабочим и крестьянином в новую эпоху от капитализма, частью вновь порождаемых условиями нэпа, а, наоборот, во все большем расширении их самодеятельности, активности и участия в управлении.

Ленин всегда учил строить социализм из тех кирпичей, которые оставил нам в наследство капитализм. «Мы знаем, что с неба ничего не свалится, мы знаем, что коммунизм вырастает из капитализма, что только из его остатков можно построить коммунизм—из плохих, правда, остатков, но других нет. Того, кто мечтает о таком фантастическом коммунизме, надо гнать из всякого делового собрания, и надо оставить на этом собрании людей, которые из остатков капитализма умеют дело делать» [1]).

Меньшевик из этого ленинского положения сделал бы вывод о том, что мы не доросли до коммунизма, что задача построить коммунизм из оставшихся нам в наследство от капитализма людей—задача фантастическая и неразрешимая. Ленин же отсюда делает другой вывод—о необходимости признания руководящей роли партии, ее воспитательных, организующих, ведущих задач в отношении к народным массам.

Советы являются той формой государственной власти рабочего класса, которая позволяет пролетарскому авангарду вести за собой массы, обучать их, перевоспитывать, но силами пролеткультовского фокуса, а повседневной, все расширяющейся работой привлечения рабочего и крестьянина к делу государственного управления. Советы, естественно, поэтому превращаются в органы, позволяющие ликвидировать и преодолевать те или иные временные колебания массы путями, отнюдь не похожими на пути буржуазные,—путями расширения ее участия в деле строительства советского государства.

От буржуазной демократии к пролетарской нет другого пути, кроме революции, кроме уничтожения старой государственной машины буржуазии. Пролетарская же демократия, развиваясь в социализм и коммунизм, отмирает как государство.

Пролетарская демократия, проведенная с наибольшей глубиной и охватом всего народа, превращается из пролетарского государства в безгосударственное общество. Какой же путь от мощного централизованного пролетарского государства, отбивающегося от жесточайших и беспощаднейших врагов, к тому строю, где по очереди каждый выполняет еще оставшиеся необходимыми на первой фазе коммунистического общества функции контроля и учета? Ленин на этот вопрос ответил с полной ясностью: это путь все большего развития пролетарской демократии в сторону все большего увеличения числа рабочих и крестьян, а затем и всего населения, фактически участвующих в управлении. По мере того, как все начинают управлять, умирает само управление. «Чем более всенародным становится самое выполнение функций государственной власти, тем меньше становится надобности в этой власти»... [1]). «Коммунизм один только в состоянии дать демократию действительно полную, и чем она полнее, тем скорее она станет ненужной, отомрет сама собой» [2]). «Чем полнее демократия, тем ближе момент, когда она становится ненужной» [3]).

В черновом наброске программы, Ленин также намечает переход через советское государство к постепенному уничтожению государства,—путем все более расширяющегося привлечения все большего количества граждан к непосредственному ежедневному управлению государством.

Программа партии рассматривает развитие пролетарской демократии, повышение числа участвующих в управлении, развитие выборности, ответственности, отчетности, развитие форм работы советов, сливающих их с населением, как путь к уничтожению государственной власти.

Отмирание государства состоит прежде всего в том, что все государственные функции начинают выполняться все большим количеством людей. Все большее количество рабочих и крестьян, а затем и всего народа привлекается к постоянному систематическому выполнению государственных функций,—такое развитие пролетарской демократии равносильно процессу ее отмирания. Дело управления советским государством становится доступным каждому гражданину страны, тем самым функции управления теряют свой характер принуждения, и государство, как государство, как особый аппарат насилия, исчезает.

И советская демократия не остается неизменной в основных своих чертах. Она развивается, как развивалась и развивается всякая другая государственная форма. Коренная разница в том, что буржуазная демократия на вершине своего развития означает максимальное отделение функций управления от народа и их сосредоточение в руках узкой клики финансового капитала.

[1]) Собр. соч., т. XVII, стр. 55. Речь на III Всероссийском С'езде рабочих водного транспорта.

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 330—331. «Государство и революция».
[2]) Там же, стр. 370.
[3]) Там же, стр. 380.

максимум же развития пролетарской демократии означает отмирание государства. В то время, как на известной ступени развития буржуазной демократии, вырастающий в ее недрах рабочий класс ломает буржуазную государственную машину,—на известной ступени развития пролетарской демократии, вырастающее на ее основе поголовное управление государством означает исчезновение всякого государства.

Все это предполагает, конечно, соответствующую техническую базу, соответствующий рабочий день, чтобы каждый, помимо своего производительного труда, мог еще принимать участие в управлении, и уровень культуры, который делал бы для всякого доступными, хотя бы, простейшие операции контроля и управления. Эти предпосылки будут непрерывно развиваться в связи и параллельно общему развитию пролетарской демократии.

Конечно, трудно делать какие бы то ни было научно-проверенные утверждения относительно того, на какой стадии развития отомрет необходимость в особой организации авангарда. Одно совершенно несомненно—и это показывают с исключительной ясностью последние два-три года—движение к социалистическому обществу, движение в сторону осуществления той советской системы, основные черты которой разрабатывал Ленин, неразрывно связано с тем, что авангард пополняется все новыми слоями рабочих и крестьян (конечно, в первую очередь рабочих). Ленинский призыв, давший небывалое количество рабочих в нашу партию; Комсомол, превратившийся в массовую организацию, насчитывающую больше членов, чем вся партия в годы наиболее жестокой гражданской войны; идущие за Комсомолом массы молодежи, подготовляющие будущие, более широкие массы авангарда,—все это определяет направление развития. Развитие пролетарской демократии означает и расширение авангарда, охват авангардом все больших слоев рабочих и передовых крестьян. Расширение советов, их оживление, вовлечение в советы новых слоев беспартийных предопределяет переход значительной части этих беспартийных в состав авангарда, т.-е. в самый состав коммунистической партии. (Конечно, постепенность этого процесса есть прямое условие сохранения партии, как руководящей силы, т.-е. условие сохранения и развития советской системы. Попытки перескочить через эту постепенность включением, напр., в партию сразу большинства рабочего класса, являются неленинскими и антиленинскими). Вместе с тем, как показал опыт всей нашей революции, черта, отделяющая авангард от массы, смывается целым рядом переходных организаций, представляющих ряд ступеней к беспартийной массе. Такие организации, как делегатские собрания работниц и крестьянок, секции и комиссии советов, беспартийные конференции, в которых рабочие и крестьяне участвуют в той или иной, хотя бы в небольшой области управления, создают ряд переходных ступеней от все расширяющегося количественно авангарда, к все более проникающей в советы и все более обучающейся через советы управлению беспартийной рабочей и крестьянской массе.

Отмирание авангарда состоит поэтому: 1) во все большем расширении участия в управлении государством беспартийных рабочих и крестьян, а затем и всего населения (проходящего под руководством авангарда), 2) во все большем количественном расширении авангарда и впитывании им в себя все новых слоев беспартийных, подымающихся через управление государством к уровню авангарда, 3) во все большем развитии и облекании авангарда (через советы и вокруг советов преимущественно) огромной системой организаций, через которые рядом ступеней авангард сливается с массой (профсоюзы, беспартийные конференции, комиссии и секции советов, делегатские собрания, селькоры, рабкоры и т. д., и т. п.). Это отмирание авангарда сливается с его постепенным расширением и укреплением его влияния, поскольку вне руководящей роли правящей коммунистической партии нет и не может быть и советской системы.



Развитие пролетарской демократии обеспечивается тем, что самое сохранение советского государства возможно лишь путем расширения числа людей его строящих. Нет иного пути для победы над врагами советского государства, как путь все расширяющегося привлечения народа к управлению. Мы это видели на опыте революции неоднократно. Неоднократно именно резервы народных масс спасали Советскую Республику в наиболее острые и опасные моменты, в наиболее опасном для нее месте. Не то ли происходит и теперь, когда подымается к делу улучшения советского аппарата из самого народа армия рабочих и сельских корреспондентов, дающих пример такого типа улучшения советской государственной машины, которого не знает и не может знать никакой строй, основанный на угнетении народных масс? Советский строй не может сохранить себя, не привлекая новые массы к решению той или иной задачи. Иначе говоря, самая структура государственной власти, которая борется с капитализмом, толкает эту государственную власть к привлечению все новых народных масс к управлению. Советы принуждены итти по пути расширения своих связей с массами и распространения своей массовой базы, потому что иначе они были бы разбиты более сильными капиталистическими врагами. Улучшить государственную машину Советская власть может только, привлекая трудящихся, и это—закон ее существования так же, как закон существования буржуазных государств—угнетение трудящихся масс. А увеличение числа управляющих государством есть закон отмирания советского государства. В этой связи особо понятным делается ленинское утверждение в «Государстве и революции» о том, что одной из составных частей борьбы за социальную революцию является «развитие демократии до конца, изыскание форм такого развития, испытание их практикой» [1]).

Конечно, главное в экономике:—социализм—это, прежде всего, общество, построенное на высшей технической базе, где общественным является хозяйство не только города, но и села. Социализм возможен только на основе новейшей машинной техники, более высокой, чем нынешняя, на основе электрификации не только промышленности, но и сельского хозяйства, на фундаменте которых строятся новые экономические отношения.

Вне этого не может быть социализма. Вне этого остался бы только рабоче-крестьянский союз, политическое сотрудничество рабочих и крестьян, оказавшееся бы в силах преодолеть политическое наступление противника, но не сумевшее бы построить новых социалистических экономических отношений. Ленин развивал эту мысль в ряде своих выступлений, в особен-

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 361. «Государство и революция».

ности в конце 1920 года и в своих последних статья[illegible]зывал, что подорвать капитализм окончательно мо[illegible] только перевод всего хозяйства страны (т.-е. и промышленности и земледелия) на базу крупного машинного производства, электрификации. Больше того, он доказывал, что такой переход возможен и в СССР, несмотря на наличие в нашей экономике капиталистических и даже докапиталистических отношений, что в нашей республике есть все нужное для построения социалистического общества. Того, кто готов забыть, что единственно возможная экономическая основа социализма—это крупная машинная индустрия, Ленин не считает коммунистом. Но ограничиваться лишь утверждением этого при рассмотрении ленинской теории государства не приходится. Вопрос стоит о связи этой переделки экономической базы нашей промышленности и нашего сельского хозяйства с развитием демократии. Какое соотношение между ростом машинной техники, электрификации и развитием пролетарской демократии? В условиях пролетарского государства, т.-е. пролетарской демократии каждый шаг по пути развития машинной техники, каждый шаг в деле замены единоличного хозяйства общественным, означает шаг по пути развития пролетарской демократии. Расширяется круг людей, воспитываемых техникой крупной индустрии, подымается их культурный уровень, растет их подготовленность к управлению государством. Всякий шаг по пути развития пролетарской демократии, об'единение людей, рост их организации, исчезновение распыленности и разбросанности, подталкивают, в свою очередь, экономику и создают условия, благоприятные для развития машинной техники. В «Государстве и революции» Ленин раз'яснил, что демократизм не может быть взят отдельно от преобразования экономического строя общества. Его нужно брать в связи с соответствующими экономическими преобразованиями, которые будут подталкиваться ростом пролетарской демократии, в свою очередь видоизменяясь под ее воздействием. Лучший пример здесь—кооперация: кооперирование крестьянина в какой бы то ни было форме есть развитие общественной организации крестьянина, есть один из элементов развития советской демократии в наших условиях, один из элементов развития социализма.

В то же время кооперирование в любой форме (и в области торговли, и сбыта) создает предпосылки для введения крупных машин в сельском хозяйстве, обучая людей навыкам общественного труда, научая их сочетанию интересов частных с интересами общими. В свою очередь, введение соответствующих машин создает новую базу для кооперированного труда, подводит под организацию советской демократии могущественную материальную базу. Так же и электрификация. Ее нельзя в условиях советского государства брать вне связи с теми формами общественной организации людей, которые вокруг нее складываются. Ибо каждая, действительно крупная, дающая электричество земледельческому хозяйству районная электрическая станция будет перестраивать общественные отношения людей, будет создавать условия для развития советской демократии, будет превращать советы в коммуны, организующиеся и развивающиеся на базе вводимой машинной техники. Поэтому соображения относительно того, что важнейшее, если не основное, значение в осуществлении социализма имеет реорганизация нынешней технической базы



слоев бесп[illegible]ти и сельского хозяйства, но только не противо[illegible]речит, н[illegible]оборот, подчеркивает всю правильность ленинского соображения о развитии пролетарской демократии и роли этого развития в движении к социализму.

Здесь нужно иметь в виду, что мы говорим все время о том, что Маркс и Ленин называли первой фазой коммунистического общества. На этой фазе ряд функций государства остается. Несмотря на то, что все средства производства принадлежат обществу и каждый получает от общества предметы потребления согласно его труду, еще сохраняются некоторые государственные функции, еще существует государство, охраняющее «равенство труда и равенство дележа продуктов».

Окончательно, согласно теории государства Маркса и Ленина, государство отомрет только на высшей стадии коммунизма, с уничтожением классов, с исчезновением всякого противопоставления труда умственного физическому, с превращением труда в потребность человека, с слиянием города с деревней, с осуществлением идеала «с каждого по способностям, каждому по потребностям». Такое коммунистическое безгосударственное общество, конечно, также не появится вдруг готовым, а вырастет в результате развития общества социалистического на его основах. Ленин рисует процесс вырастания этого общества, как процесс нарастания количества привычек к общественной организации труда и жизни. Когда все управляют, число «привычек» людей, делающих ненужным самое управление, растет непрерывно, и на известной стадии привычки заменяют то, что еще на первой стадии социализма достигается регламентацией со стороны продолжающих существовать остатков государства. Таким образом, процесс вырастания пролетарской демократии в социалистическое общество есть процесс, в первую очередь, развития до конца этой пролетарской демократии, превращения всех в управляющих. Процесс же развития этого социалистического общества в безгосударственное коммунистическое общество—это процесс нарастания привычек у всего населения поголовно, делающий излишними какие бы то ни было государственные функции и тем самым определяющий постепенное превращение общества социалистического в общество коммунистическое.

Каковы черты советской демократии, которые в развернутом виде обеспечивают ее дальнейшее развитие в безгосударственное общество? Ленин вскрыл эти черты в ряде своих произведений, разрабатывавших вопросы советского государства. (Тут особо важны все его работы, связывающие Советскую власть с Парижской Коммуной).

Наиболее существенными основными чертами советского государства Ленин считает: устранение особой, отделенной от народа полиции и армии; устранение чиновничества путем установления выборности, смены и права отзыва любого должностного лица в любое время; оплата должностных лиц не выше средней оплаты хорошего рабочего; сочетание в советах законодательной и исполнительной власти; неразрывная связь советов с массами; почин снизу; все развивающееся привлечение к управлению всех трудящихся, а затем и поголовно всего населения страны.

При рассмотрении вопроса о полиции и армии в советском государстве Ленин исходит из того, что советское государство

уже не будет государством в обычном смысле этого слова. На апрельской конференции так же, как и в ряде статей, Ленин доказывает, что советское государство, осуществляющее власть большинства над меньшинством, не должно будет вернуться к старому правлению через полицию, поскольку подавление огромным большинством меньшинства не потребует существования таких особых органов насилия,—сами массы, большинство народа силой своей государственной организации советов будут осуществлять это насилие. В своих апрельских тезисах он записывает требование устранения полиции и армии, раз'ясняя последнее, как замену постоянной армии всеобщим вооружением народа. В своем проекте изменений к программе Ленин указывает, что партия борется за такую более демократическую, пролетарско-крестьянскую республику, в которой полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией. Создание поголовной всенародной милиции он рассматривает, как единственное средство предотвратить восстановление полиции. (Брошюра «Задачи пролетариата в нашей революции», том XIV, ч. 1).

В тех же апрельских тезисах Ленин пишет: «Устранение чиновничества»... «плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех и в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего» [1])...

В проекте изменений программы Ленин пишет: «Все должностные лица становятся не только выборными, но и сменяемыми в любое время по требованию большинства их избирателей: плата всем без из'ятия должностным лицам определяется в размере, не превышающем среднюю плату хорошего рабочего» [2]). В книге «Государство и революция» Ленин, выдвигая те же требования полной выборности, сменяемости и установления чиновникам заработной платы рабочего, указывает, что эти мероприятия, отвечая интересам и рабочих и большинства крестьян, в то же время служат мостиком от капитализма к социализму. И в своей книге «Государство и революция» и в черновом наброске проекта программы Ленин раз'ясняет необходимость осуществления всех этих новых начал работы должностных лиц, как основной меры против превращения их в чиновников и бюрократов.

Вопрос о праве отзыва Ленин разрабатывает особо в статье «О праве отзыва и перевыборов членов учредительного собрания». В этой статье на ряду с очередными тактическими указаниями об использовании рабочими и крестьянами права отзыва для смены членов учредительного собрания, не отвечающих настроениям избирателей, Ленин развивает ряд мыслей о праве отзыва в системе пролетарского государства. Он ставит здесь знак равенства между правом отзыва и правом действительного контроля. Он указывает, что именно право отзыва любого депутата в советы лучше всего показывает истинно-народный смысл советов; он напоминает, что во все исторические революционные времена разрешение права отзыва проходило через все конституции.

[1]) Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 18.
[2]) Собр. соч., т. XIV, ч. 1, стр. 117—118. Проект изменений теоретической, политической и некоторых других частей программы.



Важнейшим преимуществом советов, с точки зрения осуществления действительной демократии трудящихся, Ленин считает сочетание в них законодательства и исполнения законов. Именно это соединение он считает важнейшим шагом вперед в области демократии по сравнению с демократией буржуазной. В советах сочетаются выгоды парламентаризма с выгодами непосредственной и прямой демократии. Управление сливается с законодательством. Вместе с тем, иное классовое содержание советов (парламент трудящихся вместо парламента буржуазии) предохраняет советы от развития в них отрицательных черт парламентаризма.

Очень настойчиво выдвигает Ленин неразрывность, гибкость, прочность связи трудящихся масс с советами. Особо подробно Ленин останавливается на этом в своей брошюре: «Удержат ли большевики государственную власть?» В ней он дает перечисление важнейших черт советской системы. Из шести пунктов, характеризующих советскую систему, второй, четвертый и пятый подчеркивают, что советы есть наилучшая форма связи авангарда с массами, посредством которой государственный аппарат связывается с самыми различными слоями трудящихся и ведет за собой всю гигантскую массу трудящихся классов. В черновом наброске проекта программы Ленин, ссылаясь на эти же шесть пунктов из брошюры «Удержат ли большевики государственную власть?», особо подчеркивает тесную связь советов с производственными единицами (заводы, крестьянские и кустарные районы), позволяющую осуществлять наиболее глубокие социалистические мероприятия. С этим связана возможность строительства снизу, без надзора сверху, почином самих масс.

Наконец, особенностью советов, наиболее важной, которую Ленин постоянно выдвигает на первое место, является то, что через советы все трудящиеся массы поголовно становятся участниками государственного управления. В 1917 году самое соображение о том, что любая кухарка сразу не может управлять государством, служит Ленину для вывода о необходимости не отказа от ее привлечения к управлению, а, наоборот, о необходимости сугубого обучения любой кухарки и любого чернорабочего делу управления государством на практическом опыте.

Уже из этого видно, насколько ошибочным является сведение государственного аппарата Советской Республики только к нескольким стам тысяч коммунистов. Попытка отождествить государственный аппарат Советской Республики с коммунистической партией была бы безусловно искажением ленинизма, вытекающим, прежде всего, из коренного непонимания соотношения авангарда и масс. Такое искажение ленинизма было бы тем вреднее, что по существу оно представляет собой повторение меньшевистских разговоров насчет ничем не ограниченной непосредственной власти коммунистической партии над рабочими и крестьянами, якобы заменившей Советскую власть. Это прекрасно вскрыл тов. Сталин в своей брошюре «Вопросы и ответы». Тов. Сталин приводит в этой брошюре то место из брошюры Ленина «Удержат ли большевики государственную власть?», где Ленин утверждает, что 240 тысяч членов партии большевиков смогут управлять Россией в интересах бедных и против богатых. О тех коммунистах, которые готовы отождествлять коммунистическую партию с Советской властью, тов. Сталин совершенно спра-

ведливо замечает: «Некоторые коммунисты на этом основании
думают, что государственный аппарат может быть исчерпан
несколькими сотнями тысяч членов партии и что этого вполне
достаточно для того, чтобы управлять громадной страной. В
этих видах они иногда не прочь отождествлять партию с госу-
дарством. Это неправильно, товарищи. Это искажение мысли
Ленина. Говоря 240.000 членов партии большевиков, Ленин
вовсе не хотел сказать, что этим исчерпывается или может исчер-
паться численный состав и общий размах советского государ-
ственного аппарата. Наоборот, в состав государственного аппа-
рата он включал, кроме членов партии, еще один миллион голо-
сов, поданных тогда, перед Октябрем, за большевиков, заявляя,
что у нас есть средство одним ударом удесятерить наш госу-
дарственный аппарат, т.-е. довести его, по крайней мере, до
10 миллионов, путем привлечения трудящихся к повседневной
работе управления государством» [1]).

В соответствующей главе своей брошюры Ленин, указав на
имеющееся у нас чудесное средство удесятерить государственный
аппарат путем привлечения трудящихся к управлению государ-
ством, дает ряд примеров таких государственных функций,
которые могут быть с успехом выполнены любым сознательным
рабочим и крестьянином. Перечислив примеры такого револю-
ционного демократизма, Ленин пишет: «К управлению государ-
ством в *таком* духе мы можем *сразу привлечь государ-
ственный* аппарат миллионов в десять, если не в двадцать,
человек,—аппарат, невиданный ни в одном капиталистическом
государстве. Этот аппарат только мы можем создать, ибо нам
обеспечено полнейшее и беззаветное сочувствие гигантского боль-
шинства населения. Этот аппарат только мы можем создать, ибо
у нас есть сознательные, дисциплинированные долгой капитали-
стической «выучкой» (недаром же мы были на выучке у капита-
лизма) рабочие, которые в *состоянии* создать рабочую мили-
цию и *постепенно* расширить ее (начиная расширять мед-
ленно) во *всенародную* милицию. Сознательные рабочие
должны руководить, но привлечь к делу управления они в состоя-
нии настоящие массы трудящихся и угнетенных. Разумеется, не-
избежны ошибки при первых шагах этого нового аппарата. Но
разве не было ошибок у крестьян, когда они из крепостного
права выходили на волю и начинали сами вести свои дела?
Разве может быть иной путь к обучению народа управлять
самим собой, к избавлению от ошибок, как путь практики?» [2]).

Таким же искажением ленинизма явилась бы попытка вы-
читать из ленинской речи на совещании политпросветов «теорию»
отождествления партии с государственным аппаратом советов.
В этой речи Ленин говорил: «Вся юридическая и фактическая
конституция Советской Республики строится на том, что партия
все исправляет, назначает и строит по одному принципу» [3]).
Толкователи» этой цитаты совершенно упускают из виду так
же, как и в случае, нами приведенном выше, то соотношение
между авангардом и массами, которое в той же речи развивает
Ленин так же, как и во всех других своих речах и статьях.

[1]) И. *Сталин*, «Вопросы и ответы», стр. 6 и 7.
[2]) Собр. соч., т. XIV, ч. 2, стр. 238—239. «Удержат ли большевики госу-
дарственную власть?».
[3]) Собр. соч., т. XVIII, ч. 2, стр. 181—182.



Основную задачу партии Ленин (в этой речи) видит в воспи-
тании и образовании трудящихся масс с целью преодоления
навыков и привычек, оставшихся в наследство от старого строя
(том XVIII, ч. 2, стр. 179). Ленин выдвигает в качестве важ-
нейшей задачи борьбы с буржуазией превращение привычек,
навыков и убеждений, выработанных рабочим классом в про-
должение многих десятилетий, в орудие воспитания всех тру-
дящихся (том XVIII, ч. 2, стр. 180). Ленин бичует тех, кто
не понимает необходимости коммунисту превратиться из агита-
тора и пропагандиста в руководителя агитаторами, в руково-
дителя гигантской политической организации. В виде примера
такого руководства он приводит работу коммуниста по привле-
чению сотен тысяч учителей к делу коммунистического просве-
щения. Тот пропагандист и агитатор необходим партии, который
работает, не ограничиваясь партией, но умеет руководить сот-
нями тысяч преподавательского персонала (том XVIII, ч. 2,
стр. 183).

И, наконец, как заключение: «В чем состоит коммунизм?
Вся пропаганда его должна быть поставлена так, чтобы дело
свелось к руководству практически государственным строитель-
ством. Коммунизм должен стать доступным рабочим массам, как
собственное дело. Это дело ведется плохо, с тысячами ошибок.
Мы этого не скрываем, но сами рабочие и крестьяне должны
при нашей помощи, при нашем небольшом и слабом содействии
выработать и выравнять наш аппарат: для нас он уже пере-
стал быть программой, теорией и заданием, для нас это дело
сегодняшнего фактического строительства. На примере этого
строительства, повторяя его большое количество раз, мы до-
бьемся того, что из плохих начальников-коммунистов мы созда-
дим настоящих строителей, прежде всего, нашего экономиче-
ского хозяйства». Коммунизм, который должен быть доступен
рабочим массам, как их собственное дело; рабочие и крестьяне,
которые должны сами выработать и выравнять наш государ-
ственный аппарат, при содействии партии; коммунисты, кото-
рые должны быть превращены из плохих начальников в настоя-
щих строителей хозяйства,—все это ни в какой мере не похоже
на отождествление партии и государственного аппарата советов,
которое позволяют себе некоторые товарищи.

*П. Коломойцев.*

# К вопросу об индустриализации СССР.

«Возможно ли развитие крупной советской промышленности в условиях капиталистического окружения без кредитов извне.

Да, возможно. Дело это будет сопряжено с большими трудностями, придется при этом пережить тяжелые испытания, но индустриализацию нашей страны без кредитов извне мы все же можем провести, несмотря на все эти затруднения».

И. Сталин.

## I.

Вопрос об индустриализации нашей страны принадлежит к числу тех вопросов, рассмотрение которых неотделимо от рассмотрения перспектив всего нашего строительства, неотделимо от более общей проблемы построения социализма в одной такой стране, как наш Советский Союз.

В самом деле, ни построение промышленного плана в узком смысле этого слова, ни вопрос о переоборудовании и расширении основного капитала советской промышленности нельзя удовлетворительно решить, не дав себе ясного отчета в том, каковы цель и назначение этого плана и этого переоборудования, каковы источники и ресурсы необходимых для индустриализации средств, каковы экономические предпосылки и перспективы всего процесса индустриализации и каковы, наконец, те взаимоотношения с капитализмом внутренним и капитализмом внешним, в какие вступит наше государственно-социалистическое хозяйство в процессе решения одной из труднейших задач пролетарской диктатуры—задачи индустриализации СССР при существовании враждебного капиталистического окружения.

Грандиозность проблемы индустриализации СССР, т.-е. проблемы превращения страны преимущественно аграрной в страну преимущественно промышленную заключается в том, что это одновременно будет означать превращение нэпа в социализм, так как только крупная промышленность и механизация всех видов народно-хозяйственной деятельности составляют настоящую базу социализма. Даже такая величайшая организационно-производственная задача, как замена через кооперативную систему распыленного крестьянского труда хозяйством коллективным и общественным в условиях диктатуры пролетариата, решается положительно лишь при наличии известного уровня механизации сельско-хозяйственных работ. Успех советской кооперации, ставящей в отношении крестьянства своей целью перейти от кооперирования процессов обращения к кооперированию процессов производства, находится в прямой зависимости от того, удастся ли авангарду рабочего класса повести страну по пути восстановления и расширения государственной социалистической промышленности, удастся ли нашей крупной промышленности стать во главе всего нашего хозяйственного движения вперед.



Но не только в плоскости теоретических и логических построений может и должна обсуждаться проблема индустриализации СССР. Вся нынешняя хозяйственная обстановка, вся практика производственной работы настоятельно требует ответа по основному, коренному вопросу нашей экономической политики: как и когда, говоря словами Ленина, мы начнем пересаживаться с лошади мужицкой, обнищалой, на лошадь, которую ищет и не может не искать для себя пролетариат, на лошадь крупной машинной индустрии. Этот вопрос, как увидим далее, далеко не праздный, ибо на этот счет существуют весьма серьезные разногласия.

Еще недавно главная забота советской власти заключалась в том, чтобы какой угодно ценой пустить в ход главнейшие из бездействующих предприятий, загрузив их необходимым минимумом сырья и топлива.

Это нужно было сделать, чтобы консолидировать распылившийся рабочий класс, чтобы «разогреть» замирающие от передряг гражданской войны промышленность и транспорт, хотя бы самый процесс производства и не давал бы прибавочного продукта. Это был период «организованного проедания» основного капитала.

Несколько позже наступил момент п р о с т о г о  в о с п р о и з в о д с т в а, когда «проедание» сменилось равновесием растрат и пополнений основного капитала.

Ныне, после внедрения твердой валюты и введения регулярной амортизации, мы вступаем в полосу р а с ш и р е н н о г о  в о с п р о и з в о д с т в а, характеризуемого тем, что капитальные затраты ремонтного и восстановительного свойства опережаются капитальными затратами, идущими на новое промышленное строительство. Вот табличка, наглядно показывающая этот весьма важный процесс движения основного промышленного капитала за период 1917—1924 г.г.

| Годы: | Восстановительные затраты: | Новые вложения: | Всего: |
|---|---|---|---|
| 1917—18 | 73 м. р. | — | 73 м. р. |
| 1918—19 | 56 » » | — | 56 » » |
| 1919—20 | 36 » » | 4 м. р. | 40 » » |
| 1920—21 | 33 » » | 6 » » | 39 » » |
| 1921—22 | 42 » » | 24 » » | 66 » » |
| 1922—23 | 54 » » | 30 » » | 84 » » |
| 1923—24 | 69 » » | 60 » » | 129 » » |

Продолжая эти данные, взятые у тов. Струмилина [1]), сведениями за 1924—25 г., когда сумма капитальных вложений уже равна 375—400 м. р., можно сказать, что именно в этом году «новые вложения» обгоняют «восстановительные затраты», и уже совсем резко выступает это начало в плане 1925—26 года, имеющем в виду общую сумму в размере 800 м. р.

[1]) «Проблема промышленного капитала», 1925 г., стр. 58.

Таким образом, если в 1921—22 г. намечается перелом в отношении «проедания» в сторону постепенной его ликвидации, то в 1924—25 г., т.-е. спустя три года, мы уже имеем отчетливую картину намечающегося процесса расширенного воспроизводства. Контрольные данные за текущий 1925—26 год еще более подчеркивают эту здоровую тенденцию нашей промышленности. По опубликованным до сих пор данным намечено на новое капитальное промышленное строительство 130 м. р. Переход от отрицательного воспроизводства к расширенному, есть гигантский успех пролетарской власти. Это означает, что в пыльный архив сдаются все зловещие «пророчества» и пораженческие сомнения относительно возможности промышленного развития нашей страны в условиях пролетарской власти, страны, которая якобы «не дозрела» до социализма, и власти, которая, якобы, является «оковами» производительных сил страны.

Однако, это только первая, хотя и чрезвычайно важная, так сказать, «принципиально важная» ступень наших достижений. Было бы величайшей ошибкой успокоиться на этом достижении, ибо следующей ступенью должно явиться достижение нами необходимого темпа расширения производительных сил нашей промышленности.

Вопрос «темпа» также имеет свои «оттенки». Во-первых, нам надо и в области расширения воспроизводства основного капитала догнать сначала довоенный размер. Эту величину наращения основного капитала русской промышленности в предвоенные годы тов. Струмилин определяет округленно в 300 милл. руб. в год. Стало-быть «настоящего» довоенного уровня в области промышленности мы достигнем не только тогда, когда размер ее продукции будет отвечать довоенным нормам, но лишь тогда, когда к этому мы будем иметь еще и «довоенный прирост» основного капитала нашей индустрии.

Лишь после прохождения этой «станции» перед нами реально станет задача достижения темпа передовой капиталистической страны. Эти успехи дадут нам об'ективное основание сохранить нашу политическую самостоятельность во вне. Но этот темп зависит, главным образом, от того, как скоро и в каких размерах удастся нам привлечь в нашу промышленность (и транспорт) новые капиталы. В противном случае мы, наша страна и наша промышленность, окажемся в хвосте экономического роста Европы, вследствие чего, при затяжке мировой революции, мы легко можем попасть в кабалу к европейской (и американской) буржуазии. Наконец, наше хозяйственное развитие должно совершаться еще и такими путями, которые полностью и надежно обеспечивали бы преобладание социалистических командных высот во внутренней экономике страны, т.-е. гарантировали бы прочность и устойчивость власти пролетариата внутри СССР.

Переход к расширенному воспроизводству у нашей промышленности начался ранее того времени, когда все более или менее здоровые наличные предприятия стали в строй работающих предприятий, т.-е. ранее окончания, так называемого, восстановительного процесса. Окончание этого процесса ныне уже наступает. Имевший до сего времени место (за последние 3—4 года) порядок включения в ряды работающих предприятий из числа законсервированных по существу означал также небывалый по темпу своеобразный процесс расширенного воспроизводства, своеобразие которого заключалось в том, что эти новые «капитальные вложения» происходили не за счет нынешнего накопления и не в форме вновь возводимых сооружений и вновь произведенного оборудования, а черпались из «кладовой социальной революции», за счет фонда, отвоеванного в открытой и очень упорной войне с буржуазией.



Ныне этот «революционный фонд» кончается. Перед нами во весь свой рост становится проблема промышленного капиталонакопления, в свою очередь упирающаяся в проблему государственного (социалистического) накопления и в его основу—проблему роста национального фонда и его распределения. В этой же связи вырастает вопрос и о практических взаимоотношениях нашего государства с государствами, которые богаче нас капиталами, с государствами капиталистическими, взаимоотношениях, обусловленных тем вынужденным «сожительством», которое создала старуха история.

Когда мы говорим о проблеме расширения основного капитала, не надо упускать из виду, что речь может и должна итти не только о промышленности. Все отрасли хозяйства СССР нуждаются в восстановлении и расширении своего основного оборудования. Возьмем ли мы сельское хозяйство или транспорт, коммунальное хозяйство или хозяйство связи, везде мы встретим отсталость, везде мы найдем кричащую необходимость воспроизводства основных материалов, материальной базы, обслуживающей производственные процессы данной отрасли, везде мы увидим техническую отсталость и рутину, питаемую незначительностью новых капитальных вложений [1]).

Вспомним, что наше сельское хозяйство нуждается в восстановлении живого и мертвого инвентаря, в обширных мелиоративных и ирригационных сооружениях. Железнодорожный транспорт хромает из-за обветшалости строений и путей и грозит стать «минимальным звеном» всего хозяйства СССР. В речном и морском транспорте ощущается острый недостаток судов для возросшего грузооборота, при чем возраст наличных судов подходит к предельному. Не менее острая нужда в восстановлении наших городов, а также в разрешении вопроса с рабочим жилищным строительством, без чего не может удовлетворительно решиться и вопрос рабочей силы для новых производств. Также нуждается в индустриализации и торговля, так как дальнейшее развитие товарооборота упирается в постройку холодильников, вагонов и судов-ледников, возведение элеваторов, боен, постройку товарных складов, механизированных амбаров, современных магазинных зданий и т. д.

Но именно эта отсталость и это огромное разнообразие наших хозяйственных потребностей настоятельно ставит вопрос, в чем же заключаются «ведущие силы» нашего развития, где то «звено», за которое нам теперь надо ухватиться всеми силами, чтобы с наименьшими жертвами и риском двинуться по пути возведения социалистического строя.

Таким образом, выбор пути движения, правильное определение «ведущего колеса» перед нами ставит ребром вся сложив-

[1]) См. об этом содержательную статью С. Молчанова „Техническое состояние и издержки производства советской промышленности", «Социалистическое хозяйство», 1925 г., книга V.

шаяся обстановка. И вот оказывается, что именно в этом вопросе, в котором с исключительной сложностью переплетаются многие другие, связанные как с историей нашего государства, так и с перспективами его развития, не все достаточно ясно. но все было и теперь еще остается бесспорным [1].

Один из распространенных на этот вопрос взглядов заключается в том, что такой «ведущей силой» нашего хозяйственного развития и, в частности, индустриализации страны является *иностранный капитал*. Эта концепция имеет, несомненно, буржуазные источники.

Представителем подобной идеологии является, например, такой сторонник необходимости быстрейшей индустриализации России, как проф. Гриневецкий, автор известной и чрезвычайно содержательной книги «Послевоенные перспективы русской промышленности». Гриневецкий далеко не сторонник прогнившего помещичье-царского режима, и хотя он слово «социализм» обычно заключает в иронические кавычки (книга писалась им в первой половине 1918 года), тем не менее в конце своей работы в числе «благоприятствующих факторов» хозяйственного развития страны он видит как в «глубокой революционной встряске всех народных масс», так и в «жизненном решении аграрного вопроса в смысле перехода земель преимущественно в руки хозяйственного мужика» [2].

Подводя итоги возможной емкости русского рынка в отношении промышленной продукции, Гриневецкий подчеркивает, что «*ключем к восстановлению рынков промышленно-технического, а через это и городского потребления*, является привлечение иностранных капиталов для воссоздания и развития добычи сырья и топлива, восстановления и развития транспорта и т. д.» [3]). Двумя страницами выше он развивает целую «концепцию» о том, «что привлечение иностранных капиталов должно стать основной задачей экономического возрождения и развития России», но что на это привлечение «на здоровых началах» способен будет лишь «мелко-буржуазный строй» (!?), а не «социалистический», при наличии какового пойдет в страну лишь «хищнический, авантюристический капитал» [4]). Упомянутый «мелко-буржуазный» строй, по мнению нашего автора, вообще способен «к гораздо большей социальной устойчивости, чем политический строй в странах чисто промышленного типа, и с этой стороны будет привлекателен для капитала, если сумеет справиться с налоговой системой и с вспомогательными условиями для развития промышленности» [5]).

Увы, история не подтверждает мысли проф. Гриневецкого. Напротив, она говорит о том, что именно «мелко-буржуазный строй», т.-е. власть мелкой буржуазии, во-первых, вообще власть крайне непрочная и недолговечная, а во-вторых, что эта «демократическая власть» там, где она удерживается на более или менее продолжительный срок, может служить превосходной ширмой для ограбления страны крупным иностранным капиталом и вместе с тем не плохим прессом по выжиманию сверхприбылей для «привлекаемых» капиталистов. Поэтому никаких «новых» перспектив Гриневецкий не открывает, указывая на средства иностранных капиталистов, как на единственный «ключ», который только и может отомкнуть стране дорогу вперед.

Мы уже говорили, что на этот счет у автора «Послевоенных перспектив» нет никаких сомнений. Так, говоря о том, что «область металлических производств будет как барометром для оценки экономики страны, так и ключом к разрешению всей задачи возрождения промышленности», он не забывает прибавить: «при чем воспользоваться этим ключем удастся *лишь* при помощи иностранных капиталов» [1]).

Итак, совершенно ясно, что цитируемый нами автор предал полному забвению внутренние силы страны, что хозяйственная активность населения, внешняя торговля, перспективы роста национального дохода, образование промышленных капиталов путем внутреннего накопления,— все это осталось для него книгой за семью печатями.

Замечательно, что такое же *абсолютное игнорирование внутренних сил и возможностей* и преувеличение роли иностранного капитала мы встречаем и «на другом берегу»: в лагере кредиторов России.

Характерная в этом отношении книга двух американских авторов о русских долгах и восстановлении России целиком проникнута сознанием полной безвыходности Советского Союза без иностранной помощи. Эти авторы, например, твердо уверены в том, что «у русского крестьянина отсутствует то интеллектуальное развитие, которое необходимо для быстрого роста сельско-хозяйственного производства». Вследствие этого, по их мнению, в области сельского хозяйства «в лучшем случае можно надеяться на медленное постепенное восстановление, которое в *будущем поколении* (!!!) могло бы достигнуть приблизительно довоенного уровня» [2]). Почтенным экономистам, видимо, придется значительно переработать свою книгу уже для ближайшего нового издания, если они не захотят, чтобы их посчитали слепыми. Такого же сорта их предсказание и в отношении нашей валюты. «Мы верим,—пишут они,—(«блажен, кто верует!») в возможность действительной стабилизации русской бумажной валюты лишь при условии возобновления размена на золото», а для этого, по их же словам, России потребуется ввести значительно больше, чем на 500 м. руб. золотого металла. Вот как далеко некоторые буржуазные американцы решили отложить нашу денежную реформу [3]).

Пасвольский и Моультон задались целью в отношении России развить ту часть «большого плана», который в общих чертах сводится к овладению щупальцами американского капитала государствами Европы. Этот «план», как известно, фактически уже проводится в отношении побежденной Германии под именем плана Дауэса. Овладеть Советским Союзом американская буржуазия считает возможным и удобным для себя через посред-

---

[1]) См., например, вновь появившуюся статью тов. Л. Шанина «Вопросы экономического курса», «Большевик» № 2 за 1926 год.

[2]) Проф. В. И. *Гриневецкий*, «Послевоенные перспективы русской промышленности». Москва, 1919 г., стр. 208.

[3]) Там же, стр. 184.

[4]) Там же, стр. 182.

[5]) Там же, стр. 182.



[1]) Стр. 174.

[2]) *Пасвольский и Моультон*, «Русские долги и восстановление России», изд. НКФ, стр. 139.

[3]) Стр. 143.

ство других стран Европы и, главным образом, через посредство Германии, которая, при поддержке американских банков, должна завладеть гигантским внутренним рынком СССР. «Экономическое восстановление России,—пишут Пасвольский и Моультон,—тесно связано с экономическим восстановлением Германии». Спрашивается, в каком случае могла бы платить свои репарации Германия? Несомненно, в том случае, если бы она как можно больше экспортировала в Россию и как можно меньше ввозила бы к себе заграничных товаров. Вся разница по торговому балансу могла бы пойти на уплату репараций с тем, конечно, условием, чтобы эта разница одновременно проходила бы по германскому государственному бюджету, как превышение доходов над расходами. Таким образом, по этому плану Германия (а с ней и другие европейские страны американского влияния) превращалась бы в гигантскую усовершенствованную машину по выкачиванию из германского и русского народа дани Антанте и Америке. Моультон и Пасвольский считают этот план несбыточным без предварительного хозяйственного восстановления России. Это же условие они считают обязательным и для уплаты Россией своих долгов. Но каким путем бывшая Россия может выпрямить свое положение? Мы уже указывали, что Моультон, который близко участвовал в разработке «плана Дауэса», и мысли не допускает о возможности сделать это внутренними силами страны. Выход он видит единственно в том, что «России должен быть предоставлен заем в целях восстановления ее экономической системы» [1]. Размер этого предварительного займа авторы-американцы определяют в сумме 1.400 милл. р.

Моультон и Пасвольский представляют себе Советский Союз, как своеобразное коммерческое общество, которому предстоит расплата по его прежним долгам, но которое в настоящее время оказывается «несостоятельным должником». И вот, «при отказе от непосредственного уничтожения долгов (а это и есть исходное, отправное положение наших экономистов. *И. К.*) единственным выходом для того, чтобы Россия могла завязать новые кредитные сношения с внешним миром, является длительный мораторий, при котором средства России в виде активного сальдо ее торгового баланса пойдут в первую очередь на покрытие займа на восстановление» [2], а затем, конечно, и на покрытие многочисленных миллиардов царских займов.

Итак, к Советскому Союзу идеологи кредиторов царской России подходят, как к обанкротившемуся предприятию, хотя, в общем, и очень доходному, но которое без посторонней помощи абсолютно не в состоянии выпутаться из затруднений, к тому же, по их мнению, усложненных революционным аннулированием прежних долговых обязательств. При чем от поднятия хозяйства Советского Союза ждут погашения своих долгов не только кредиторы царской России, но и кредиторы Германии.

Поэтому по отношению к СССР считается возможным проведение той «финансовой реорганизации», которую до войны проводили не так редко капиталистические банки по отношению к тому или иному промышленному предприятию, впавшему в безвыходное положение вследствие невозможности платить, и каковую «реорганизацию» после войны стали практиковать буржуазные правительства в отношении разорившихся и обанкротившихся стран.

[1] Стр. 115.

[2] Стр. 132.



Мы хорошо знаем, чем пахнет такая «финансовая реорганизация» в отношении Советского Союза, хотя некоторые страны, как Польша, настойчиво ее добиваются, засылая своих министров к богатым дядюшкам. Мы в корне отвергаем подход к нашей стране, как к банкроту. Если кто и обанкротился, так это те буржуазные правительства, которые, затеяв невиданную войну, ныне никак не расхлебают ее последствий, никак не выпутаются из золотых сетей задолженности, наброшенных американским «союзником». Истинными банкротами, поэтому, являются именно эти европейские правительства. Поэтому и сделки наши с ними отнюдь не могут и не должны иметь элементов финансовой кабалы. У нас нет никакой к этому нужды.

Таким образом, то, что представлялось проф. Гриневецкому в розовом свете, как «оплодотворение» добродетельным иностранным капиталом девственного хозяйства России, имеющей «мелко-буржуазный строй», то в представлении капиталистических дельцов будет означать фактическое закабаление страны, а для населения последней—и возвращение к тройному гнету платежей по старым и новым займам. К тому же сами возможные «реорганизаторы» являются убежденными противниками индустриализации СССР, о чем не один раз высказывались языком своих журналистов в соответствующей прессе.

Из всего этого отнюдь не вытекает, что мы должны игнорировать проблему привлечения иностранного капитала в наше народное хозяйство вообще, и проблему кредита со стороны иностранных капиталистов, в частности. Для нас представляется несомненным, что благоприятное разрешение этой проблемы ускорило бы процесс восстановления нашего хозяйства и дальнейшего укрепления социализма в нашей стране.

## II.

Итак, ставка на иностранный капитал, как на основную ведущую силу развития хозяйства СССР и его индустриализации, есть ставка на план Дауэса для Советского Союза. А принимая во внимание враждебность буржуазных правительств всего мира против социальных порядков нашей страны, следует признать, что это есть еще и ставка на ликвидацию диктатуры пролетариата, ставка на замену социалистического режима «мелко-буржуазным строем».

Эта очевидная невозможность войти в новое будущее через двери иностранной «помощи», естественно, порождает необходимость искать «ведущую силу» внутри СССР.

Попытку таких «поисков» представляют не так давно развитые в нескольких выступлениях взгляды тов. Сокольникова, которые «дополнил и углубил» в ряде своих статей тов. Шанин.

Основным произведением, где т. Сокольников наиболее полно и выпукло формулировал свои мысли, является его статья [1] ... время пытается сделать обратное.

[1] См. «Вестник Финансов», № 10 за 1925 г. Впоследствии вышла отдельным изданием НКФина.

Тов. Сокольников исходит из той совершенно правильной мысли, что для превращения нашей страны в такую, которая могла бы равняться со странами, имеющими высоко развитую машинную индустрию, нам необходимо произвести *переоборудование* нашей промышленности, построить ее на новой, более высокой технической базе, чем это имеет место в настоящее время. «Но,—думает дальше тов. Сокольников,—попытка решить эту задачу за счет своих собственных ресурсов (?), за счет промышленности, которая есть налицо, предполагала бы организацию целого ряда циклов производства и воспроизводства, которые для своего осуществления потребовали бы десятки и десятки лет. Поэтому, задача переоборудования нашей промышленности должна быть решена путем ввоза наиболее совершенных машин и оборудования из-за границы. Это даст выигрыш во времени на десятилетие» [1]). Как и за счет чего мы можем получить из-за границы все это огромное количество потребного для нас оборудования, не за счет ли заграничных займов и кредитов? Нет, не за счет займов и кредитов. Это оборудование мы сможем получить за счет расширения и интенсификации нашего экспорта и в первую очередь за счет расширения экспорта сельско-хозяйственной продукции.

Однако, как же мы расширим экспорт без предварительного оборудования нашего хозяйства, спрашивает тов. Сокольников. Ответ его таков: «Оно (расширение и развитие экспорта), возможно в таких отраслях хозяйства, которые не требуют сейчас для развития экспорта предварительного, очень значительного технического переоборудования, и такой отраслью является, прежде всего, сельское хозяйство. *Поэтому ключ к ускорению процесса под'ема всего хозяйства Союза заключается в перспективе быстрого под'ема сельского хозяйства*» [2]).

Упомянув далее, что его взгляд представляет «вопиющее противоречие» с обычными взглядами о том, что у нас промышленность отстает от сельского хозяйства и что в этом отставании «наша беда», тов. Сокольников, продолжает: «Но это не так. Именно то обстоятельство, что наше сельское хозяйство может «обогнать» промышленность, что оно есть мелкое хозяйство, которое не требует больших затрат для того, чтобы быстро подняться,—*это и есть, к большой выгоде для страны, динамическое начало в нашем хозяйстве*» [3]).

Итак, стало быть, ведущей силой всего хозяйства СССР или—по терминологии т. Сокольникова—его динамическим началом оказывается... *крестьянское сельское хозяйство!*

Если бы эта «философия динамического начала» была бы простым афоризмом, своего рода «острым словом», эффектно определяющим своеобразие нынешнего *момента* хозяйственной эволюции СССР, если бы из этого «афоризма» не делалось бы никаких «глубоких», «принципиальных» и «деловых» выводов, то аллах с ним. Но в том-то и дело, что этот афоризм, оказывается, положен в основу целой «платформы», да еще какой!

Возьмем к примеру статью Л. Шанина «Экономическая природа нашего бестоварья». Мы уже указывали, что он взял на себя

[1]) «Вестник Финансов», стр. 17.
[2]) Стр 19. Подчеркнуто мною. *П. К.*
[3]) Та же страница, подчеркнуто мною.



обязанность «дополнить и углубить» основные мысли т. Сокольникова. Вот что, например, мы читаем в указанной статье: «Корень того бестоварья, которое мы констатируем, заключается не в том, что промышленность недостаточно быстро развертывается, а в том, что она *развертывается слишком быстро и, кроме того, развертывается неправильно*, т.-е. что в ее развитии отдельные отрасли участвуют не в тех долях и пропорциях, в которых их участие необходимо» [1]).

Какие же отрасли промышленности «участвуют не в тех долях и пропорциях», которые бы отвечали потребностям времени? Оказывается, речь идет о тяжелой, основной промышленности. «Именно потому, что мы бросаем главные средства не в легкую, а в тяжелую индустрию, и получается явление длительного бестоварья, признаки чего мы наблюдаем в настоящее время».

Дальше мы узнаем, что «все зло» не только в развертывании тяжелой индустрии, но и в том, что основной капитал всей промышленности расширяется слишком быстро.

Мы знаем, что на этом скользком пути очень легко катиться вниз. Так это с неизбежностью и происходит с т. Шаниным. Он договаривается до того, что всякое развертывание промышленности не облегчает, а увеличивает наши хозяйственные затруднения, ибо благодаря развертыванию промышленности, «через заработную плату и последующие закупки сырья, промышленность передает свою покупательную способность рабочим и крестьянам», «происходит перемещение покупательных ресурсов от промышленности к широким массам», и спрос, созданный промышленностью, «вступает в конфликт с ее предложением». Вот на почве этих рассуждений, для подкрепления которых был притянут... Маркс, рождается и «деловая», «практическая» программа по затушевыванию необходимости индустриализации СССР. Создание относительного перепроизводства продукции крестьянского труда—вот выход из положения. Вследствие этого,—пишет тов. Шанин,—«наша экономическая стратегия должна быть такова: в первую очередь сельско-хозяйственный экспорт, во вторую—вложение капиталов в те отрасли, которые обслуживают сельско-хозяйственный экспорт. На ряду с этим мы должны всемерно форсировать развитие отраслей промышленности, перерабатывающих сельско-хозяйственную продукцию. Только на базе товарных запасов мы сможем сказать: в таком-то году, помимо легкой индустрии, можно бросить такие-то средства на развитие тяжелой индустрии», ибо ведь только «через ряд производственных звеньев тяжелая индустрия приведет в движение производство машин, а еще позже эти машины дадут производство предметов широкого потребления».

Итак, перед нами законченная и заманчивая программа развития пшенично-ситцевого царства: сельско-хозяйственный экспорт плюс легкая индустрия. Уже не говоря о том, что рассуждения о «ряде производственных звеньев» (Шанин) и об организации «целого ряда циклов производства и воспроизводства» (Сокольников), которые, якобы, должны лечь между затратой капитала в тяжелую промышленность и готовым потребительским товаром, в подавляющем большинстве случаев не верны, не отвечают действительному ходу производства и приведены больше

[1]) См. «Экономическое Обозрение», ноябрь 1925 г., стр. 27.

в целях «припугнуть», чем доказать,—вся постановка вопроса получает глубоко антиленинское, антимарксистское, а если знать историю промышленного развития России, то и антиисторическое содержание. Пресловутая шанинская «стратегия», отодвигающая тяжелую промышленность куда-то «на задворки истории», игнорирующая *перспективу* нашего строительства, отвергающая мысль об основной промышленности, как о базе всей хозяйственной жизни страны и ее политической независимости, на самом деле представляет попытку *отписаться* от рассмотрения коренной, центральной проблемы хозяйственного упрочения диктатуры пролетариата в мелко-крестьянской стране. Но при этом оба автора бьют гораздо дальше своей цели: развивая до конца свои мысли и делая из них соответствующие выводы, они должны были бы сказать «новое слово» и в отношении главнейших положений нашей общей политики.

В самом деле, ставя «во главу угла» своей программы и стратегии развитие сельско-хозяйственных культур, дающих экспорт, надо себя спросить о двух вещах: какому крестьянскому хозяйству должны были бы в первую очередь и всеми средствами помочь оба автора и, во-вторых, чем бы они компенсировали эти дополнительные сельско-хозяйственные экспортные излишки при условии, что промышленность наша уже теперь в полной мере не удовлетворяет ни потребительских, ни производственных нужд крестьянства.

Нет сомнения, что исходя из развитой выше программы, на первый вопрос можно дать лишь один ответ: помогать в первую очередь и всеми силами надо таким крестьянским хозяйствам, которые могут дать максимум товарной продукции, т.-е. наиболее зажиточным, наиболее «крепким» крестьянским хозяйствам. А в целях компенсации и стимулирования должны быть брошены внутрь страны заграничные товары крестьянского потребления. Однако, к чему же сведется тогда роль хозяйственного аппарата советской власти? Надо ли говорить о том, что это будет роль пособничества в первую очередь кулаку, пособничества прежде всего крестьянской буржуазии. Но не потребует ли тогда сельская буржуазия и соответствующей «реформы» этого посреднического аппарата, не потребует ли оно «прямой связи» с капиталом западных стран. А ведь это и будет означать начало «плана Дауэса» для нашей страны. Нет сомнения в том, что проблема импорта средств производства есть слишком важная и ответственная проблема, чтобы ее можно было обойти молчанием. Но никто этого ведь и не делает. Пытаться же разрешить ее столь элементарно-простой формулой, как это сделано было т.т. Сокольниковым и Шаниным, значит допустить грубейшую ошибку в основном вопросе построения социализма в СССР.

В недавно опубликованной статье т. Л. Шанина [1]) последний присоединяет новые аргументы и развивает старые в подкрепление своей позиции. Если отбросить всякие оговорки, «принципиальные формулы» и т. д., то на чем основном и главном настаивает автор этой статьи? Опираясь на прошлое, на первый период нэпа, когда «мы шли на замедленное развитие крупной (и в частности тяжелой) промышленности и ускоренное развитие сельского хозяйства (в сочетании с кустарной и мелкой про-

[1]) См. «Большевик» № 2 за 1926 г.



мышленностью)», тов. Шанин спрашивает: «Что же, курс этот привел нас к отходу от социалистического строительства или к исключительному усилению его»? [1]).

Да, тов. Шанин, *тот* курс, действительно, привел к усилению социализма, к хозяйственному овладению нами прежним основным капиталом страны, в первую очередь—капиталом промышленности и транспорта. Но в нынешних условиях, когда закончился процесс восстановления, этот курс начала нэпа надо видоизменить, ибо нам нужно теперь обратить серьезнейшее внимание на организацию производства средств производства, организацию той тяжелой промышленности, от которой вы отмахиваетесь и о которой еще в конце 1922 года *Ленин* сказал, что без нее мы, не только как социалистическая страна, но и как цивилизованное государство, погибнем.

Еще довоенная Россия в своем хозяйственном развитии подошла к тому пределу, когда на пути этого развития стала слабость национальной тяжелой промышленности, а вовсе не недостаток экспортной массы или товарный голод на предметы потребления. В нынешний период времени, при совершенно ином социальном строе, мы снова упираемся в то же самое препятствие, а вовсе не в отставание сельско-хозяйственной продукции от спроса на нее со стороны внутреннего потребления и экспорта. Затруднения, имеющиеся здесь в настоящее время, есть затруднения скоропреходящие, т. к., с одной стороны, они вызваны тем, что деревня форсированно образует необходимые и нормальные для нее натуральные фонды, растраченные в предшествующие годы, с одновременным непринятием еще форм денежного накопления; с другой стороны, деревня не использовала еще тех «добавочных капиталов», которые дала ей Октябрьская революция, открыв перед нею новые пути хозяйственного под'ема. «Нельзя сказать,—отметил т. *Сталин*, в своей с'ездовской речи,—что все возможности, таящиеся в сельском хозяйстве, уже исчерпаны. Сельское хозяйство, в отличие от промышленности, может двигаться на известное время быстрым темпом и при нынешней технической базе. Вот почему дальнейшее развитие земледелия не встречает пока что таких технических затруднений, какие встречает наша промышленность». Верно это или нет? Безусловно, это так. Но о чем тогда все это говорит? Конечно, не о том, что утверждает тов. Шанин. Эти слова, на которые он также пытается опереться, говорят против всей шанинской концепции, ибо их смысл в том и заключается, чтобы предостеречь от недооценки нужд тяжелой промышленности и нужд всей страны в тяжелой промышленности и чтобы вследствие этой недооценки не проморгать *нужный и максимально для нас возможный темп ее развертывания*. А т. Шанин все время пытается сделать обратное.

[1]) Стр. 84.

*И. Д. Левин.*

# Система двух партий и развал либерализма в Англии.

Английская буржуазия недаром пользовалась славой самой умной в мире. Никакая другая буржуазия не смогла с таким искусством, с такой виртуозностью и с такой тонкостью пропитать рабочие массы своим влиянием, своими идеями и взглядами, внушить им такое благоговение перед атрибутами своей власти, как это сделала английская буржуазия. Она сумела включить рабочий класс в свою политическую систему, задержать и отдалить на многие десятилетия возникновение самостоятельного политического движения рабочего класса, возникновение самостоятельной рабочей партии. Ей удалось привить рабочим массам ту мысль, что никакой классовой борьбы не существует, что стачки и другие конфликты между трудом и капиталом являются частным делом свободных граждан или об'единений свободных граждан и что ее классовое государство, ее парламент, ее суд стоят над классами, являясь верховными, беспристрастными арбитрами, держащими чашу весов между различными классами в равновесии в соответствии с «высокими» принципами «человечества», «разума» и «справедливости». Прокатившаяся в XIX веке по Европе волна революций не вызывает революционных потрясений в Англии. Революционное движение чартистов кончается крахом, а после этого наступает относительная тишь да гладь, тянувшаяся до наступления мировой войны. Неудивительно, что вся буржуазная Европа завидовала английской буржуазии.

Чем об'ясняется этот удивительный успех?

В основе здесь лежали экономические факторы: небывалый расцвет английской промышленности, начавшийся в середине прошлого века, усиление колониального могущества Англии, ее первенствующее положение на мировом рынке. Все это дает английской буржуазии возможность делать уступки рабочему классу в вопросах заработной платы, рабочего дня и других условий труда, а непрерывное падение цен на предметы первой необходимости, продолжавшееся до конца прошлого века, укрепляет и улучшает материальное положение английского рабочего класса.

На этой основе и сложилось то своеобразное взаимоотношение между английской буржуазией и английским рабочим, которое до самого недавнего времени отличало Англию от континента. У английской буржуазии годами и десятилетиями вырабатываются особые приемы и методы обволакивания рабочего класса и его вождей, вырабатывается особое чутье, особая интуиция и умение во-время остановиться, отступить и уступить.

Так, например, во время угольного кризиса в 1925 году, премьер Болдуин сдается накануне об'явления всеобщей забастовки углекопов и после того, как он в течение целых месяцев твердо заявлял, что никаких поблажек не будет и что рабочие должны принять условия хозяев. Другой пример, отказ со стороны Болдуина в поддержке законопроэкта, внесенного консервативным членом парламента Маквистеном и направленного против взимания профсоюзами с своих членов сбора в пользу рабочей партии. Нет никакого сомнения, что если б Болдуин не воспротивился, этот закон прошел бы голосами не только консерваторов, но и многих либералов. Этот закон в корне подорвал бы финансовую основу рабочей партии и выбил бы ее на время из строя, но вызвал бы неимоверное возмущение рабочих масс. Или возьмем пример 1920 года во время нашей войны с Польшей, когда в ответ на угрозу английского правительства пойти на нас войной, Англия стихийно покрывается сетью рабочих «Комитетов действия», ставящих себе целью парализовать военные мероприятия правительства и подготовить всеобщую забастовку. Английское правительство тогда сразу отступает. Приведенные нами примеры взяты из практики послевоенного периода, когда в Англии в результате войны и нашей революции происходят новые сдвиги, тем не менее они характерны, так как доказывают, что английская буржуазия и в новых условиях продолжает свою старую тактику в надежде удержать рабочие массы от дальнейшего полевения и дальнейшего революционизирования.

Когда же крайняя необходимость заставляет ее взять «твердый курс и она не может иначе», со стороны кажется, что она провоцирует рабочих. Но это скорее результат ее уверенности в своем господстве над умами рабочих и в своем умении заставить рабочих «внять голосу разума». Даже в таких случаях ее излюбленный метод не прямая атака, а окольные пути, обходные движения. Так, в конце прошлого столетия английская буржуазия, теснимая на мировом рынке своими соперницами Германией и Америкой, готовится повести наступление на рабочий класс. Однако, удар в самое сердце тред-юнионистского движения наносится не прямо в виде закона против права союзов или стачек, а в виде постановления какого-то местного суда по поводу иска, возбужденного акционерным обществом железной дороги Тафской долины в Валисе, присудившего союз железнодорожников к уплате возмещения за убытки, причиненные забастовкой акционерному о-ву. В 1901 году суд в последней инстанции выносит решение в пользу акционерного об-ва и присуждает союз возместить о-ву 27.000 фунтов стерлингов (около 270.000 рублей)! Этим неожиданным ударом, обрушившимся на рабочее движение, английские тред-юнионы оказались сразу отброшенными на 25—30 лет назад, так как завоеванное ими в 70-х годах право стачек и союзов данным решением свелось на-нет. Во время войны принудительная воинская повинность (небольшая английская армия до войны была вольнонаемной и вербовалась, главным образом, среди безработных) была введена постепенно небольшими дозами—и то после надлежащей патриотической обработки населения.

Английская буржуазия сумела в совершенстве использовать против рабочих всякие возможности «мирного» воздействия: переговоры, всякие согласительные и примирительные камеры, крючкотворство, обещания и полуобещания, выгадывание времени путем оттяжек, проволочек, назначения королевских комис-

ций, годами заседающих и «изучающих» тот или другой вопрос, волнующий рабочие массы и last but not least—компромисс, вошедший в английский быт со своими словечками «give and take» (брать и дать), «half a loaf is better than nothing» (лучше полхлебца, чем ничего), «one good turn deserves another» (услуга за услугу) и т. д., компромисс, сладкий яд, который разъедает и разлагает рабочее движение.

Политическая история Англии, начиная с «великой» избирательной реформы 1832 г. и до «великих» реформ Ллойд-Джорджа, это история искуснейшего надувательства рабочих масс английской буржуазией.

В результате—классовая борьба под сурдинку. Буржуазия с политикой кулака в бархатной перчатке, рабочий класс сначала без своей политической партии, т.-е. без политического жала, а затем рабочая партия с политикой беспринципного, бесхребетного, мягкого социализма, перемешанного с пацифизмом и империализмом, которая тащится на буксире у буржуазии.

### Английская система двух партий.

В XIX веке в Англии укрепляется так называемая система двух партий. Это означает, что в стране существуют лишь две традиционные правительствующие партии: консерваторы и либералы, и что государственная власть переходит от первых к последним и наоборот, в зависимости от того, кто победит на парламентских выборах.

Системе двух партий способствует английское избирательное право, как оно сложилось в результате «реформ», которые проводили то либералы, то консерваторы, то обе партии вместе. Реформаторское творчество обоих партий наградило Англию одним из самых отсталых избирательных законов в Европе. Этот закон не знал ни перевыборов (в тех случаях, когда более двух кандидатов борются за одно депутатское место, и когда победитель получает меньше голосов, чем его остальные противники, вместе взятые), ни оплаты членов парламента и даже требует от кандидатов оплаты расходов государственного аппарата по выборам (returning officers fees)! Участие в избирательной борьбе, даже в самых скромных размерах, требует огромных расходов. Как консерваторы, так и либералы цепко держатся за этот закон. Всякие попытки ввести изменения разбиваются о сопротивление либералов, а о консерваторах и говорить не приходится. Уже после войны в 1918 году коалиционное правительство Ллойд-Джорджа поливает поднявшиеся революционные волны маслом новой реформы избирательного закона. Лойд-Джордж «демократизирует» этот закон, дает право голоса даже женщинам, но... но дает перевыборов или пропорционального представительства, так как это могло бы способствовать возникновению значительных третьих групп и партий и, таким образом, взорвало бы систему двух партий, которая придает твердость и устойчивость английскому парламентскому режиму.

Увы, мудрый, проницательный Ллойд-Джордж не предвидел тогда, что отсутствие пункта о перевыборах или пропорциональном представительстве в его «пандемократическом» законе приведет к результату, которого он менее всего желал или ожидал, а именно к крушению либеральной партии, к положению, когда система двух партий остается, но место либеральной партии занимает рабочая партия. Это положение как раз сейчас перед нами вырисовывается, и выясняются очертания невиданной до сих пор в мире группировки: с одной стороны, единая партия буржуазии (остатки тающей либеральной партии переходят к консерваторам; а ее крайние, радикальные мелко-буржуазные элементы перескочевывают в лагерь рабочей партии), с другой—единая рабочая партия. Правда, рабочая партия погрязла в мелкобуржуазной тине и ее вожди большей частью мало чем отличаются от либералов, но она все же базируется на профессиональных союзах и по мере революционизирования рабочих масс, по мере усиления левого движения меньшинства и по мере проникновения коммунистической партии в широкие рабочие массы, рабочая партия должна стать на путь классовой борьбы. Во всяком случае, уже тот факт, что против пролетариата стоит его классовый враг, представленный политически единой партией, что между ними исчезли всякие промежуточные звенья, исчезли либералы и радикалы, мешавшие пролетариату осознать свое классовое положение,—этот факт должен действовать самым революционизирующим образом на английский рабочий класс. Но мы забежали вперед и должны вернуться к системе двух партий, как она существовала до образования рабочей партии.



Как мы видели, английское избирательное право делало крайне затруднительным и почти невозможным возникновение 3-ей партии. Третий кандидат на выборах не имеет почти никаких шансов на успех против кандидатов двух традиционных партий с их могущественным аппаратом и всесильной прессой. Все попытки маленькой слабой социал-демократической федерации в конце XIX века, а также «социалистической» независимой рабочей партии, пробить брешь в твердыне двух-партийной системы, неизбежно кончались крахом. Социал-демократические кандидаты, а также кандидаты независимой рабочей партии получали ничтожное количество голосов. Консерваторы и либералы вытесняют с общественного поля зрения третьи группы и зародыши третьих партий; они всецело заполняют политическую арену собой, своей междупартийной борьбой, своими лозунгами они втягивают в свою борьбу широкие народные массы, смазывая и затушевывая действительную подоплеку этой борьбы, выдавая ее за борьбу, которую они якобы ведут в интересах трудящихся масс. Глухое недовольство рабочих масс буржуазным режимом они искусно направляют на рельсы борьбы против той или другой из правительствующих партий. «Ты недоволен, тебе плохо живется,—говорит консерватор рабочему.—Это оттого, что у власти стоят либералы, которые ничего для тебя не сделали и не сделают. Ты дай нам свой голос, и мы тебе поможем. Мы введем покровительственные пошлины, защитим нашу промышленность от иностранной конкуренции, и ты избавишься от бича безработицы!»—«Неправда,—говорит либерал тому же рабочему,—вот Германия, страна, в которой господствует протекционизм, а безработица там все же существует. Если ты отдашь свой голос консерваторам, то они введут пошлины на хлеб и твое положение станет еще хуже. Что касается безработицы и других бедствий, от которых ты страдаешь, то у нас на этот счет имеется старая программа реформ, разработанная на многие, многие годы. Правда, ты упрекаешь нас, что наша программа реформ что-то вроде

«улита едет, когда-то будет», но нельзя же сразу. На что уж Вебб социалист, и тот говорит, что все надо делать постепенно, медленно, шаг за шагом. Дай нам время и поверь, что мы не забудем тебя». Перед рабочим стоял лишь один выбор, либо голосовать за либерала, либо за консерватора, третьего не дано. Не голосовать опять-таки означало, если не прямое, то косвенное усиление той или другой партии.

В тех редких случаях, когда на выборах в гармонию двухпартийной системы диссонансом врезывалась третья кандидатура революционного социал-демократа, старавшегося растолковать рабочему, что от обоих—и консерватора, и либерала—выражаясь по Гейне, воняет и что обоих надо послать к чорту и ввести социализм, то консерватор и либерал на перебой говорили рабочему: «Если этот человек не сумасшедший, то это несомненный чудак и фантазер, человек не от мира сего. Социализма еще нигде нет, нигде его не испытали, и неизвестно, окажется ли он жизненным. Это красивая мечта и фантазия. Но мы с тобою абстрактными вопросами не занимаемся, мы ведь люди практические, и перед нами сейчас стоит практический вопрос, который должен быть немедленно решен: покровительственные пошлины, или свобода торговли? Если ты против пошлин, то ты не должен голосовать за социалиста. Голос, поданный за социалиста, это все равно, что голос, поданный за консерватора, т.-е. за пошлины, так как все равно он пройти в парламент не может. Следовательно, все голоса, поданные за него пропадут даром, а благодаря этому может пройти консерватор. Твой долг поэтому голосовать за либерала. Если же ты за пошлины, то по тем же соображениям ты должен голосовать за консерватора, ибо твой голос, поданный за этого социалиста, которому ты сочувствуешь, потому, что он рабочий, только послужит к тому, что в парламент пройдет болтун-либерал, которого ты ненавидишь всей душой». И, как это ни печально, два голоса двуликого Януса английской буржуазии оказываются более убедительными для рабочего, чем голос социалиста. На всем протяжении последней половины XIX века рабочий голосует либо за либерала, либо за консерватора. Ненависть к очковтирателю-либералу у него часто так велика, что он голосует за консерватора даже при наличии третьего кандидата социалиста: он боится, как бы его голос, поданный за «неимеющего никаких шансов на успех» социалиста, косвенно не помог бы либералу пройти в парламент. Во время всеобщих выборов в конце 1923 г. на массовых собраниях, устроенных рабочей партией для об'явления результатов выборов, рабочие встречали извещения о победах консерваторов над либералами бурными аплодисментами и криками ура. Этот энтузиазм был вызван, конечно, не победой консерваторов, а фактом поражения либералов. Это показывает, какая глубокая ненависть существует среди широких рабочих масс к либеральной партии.

И консерваторы, и либералы ведут за собой огромные рабочие массы, которые подают за них свои голоса. За консерваторами идут, главным образом, самые отсталые и неорганизованные слои рабочих. Либералы, с другой стороны, пользуются огромным влиянием среди тред-юнионистских масс. Либералы культивируют дружбу с рабочими вождями и деятелями профессиональных союзов. Эти вожди и деятели почти поголовно члены либеральной партии; либералы проводят их под своим флагом в парламент



и дают им даже министерские портфели (Джон Бернс). Либералы пропитывают рабочее движение насквозь своим духом.

В первой половине XIX века консерваторы и либералы являются политическим выражением двух отдельных классов, и борьба, которую виги (впоследствии либералы) вели против тори (консерваторов) за избирательную реформу и против хлебных законов, была борьбой молодой английской буржуазии против земельной аристократии и остатков феодализма. В дальнейшем, однако, по мере того, как земледелие в Англии уходит на задний план, а земельная аристократия переходит в ряды промышленной буржуазии, грани между этими двумя классами стираются, а консерваторы и либералы становятся двумя партиями, отражающими интересы разных слоев единой буржуазии. Происходит перегруппировка социальной базы этих партий. Консерваторы опираются на крупную промышленность, главным образом на тяжелую, а либералы на мелкую буржуазию и некоторые отрасли промышленности, как текстильная, шерстяная, какао-шоколадная и т. п. Меняется и содержание борьбы между либералами и консерваторами, хотя лозунги остаются старые: свободная торговля и протекционизм. Раньше под протекционизмом подразумевались покровительственные пошлины на хлеб в интересах английских аграриев, теперь же под этим лозунгом понимаются пошлины на промышленные изделия для защиты отечественной промышленности от иностранной конкуренции, а поскольку вопрос идет о пошлинах на сельско-хозяйственные продукты, то здесь имеется в виду не защита местного земледелия, которое играет ничтожную роль в экономике Англии, а создание привилегированного положения на английском рынке для сельско-хозяйственных продуктов английских колоний, чтобы крепче связать их с метрополией и противодействовать развивающимся в них центробежным силам. С другой стороны, промышленные группы, представленные либеральной партией, как например, текстильная и шерстяная не боятся иностранной конкуренции. Вопрос о покровительственных пошлинах на фабричные изделия их поэтому не особенно интересует, но другое дело вопрос о пошлинах на сельско-хозяйственные продукты и сырье. Здесь либеральные промышленные группы, зависящие от привозного сырья, выступают решительными противниками протекционизма.

Тут перед нами противоречия между двумя основными группами промышленности, на основе которых разыгрывается партийная борьба между либералами и консерваторами. Но как глубоки эти противоречия?

Из внимательного анализа положения можно убедиться, что противоречия эти совсем не глубоки. И действительно, коренным яблоком раздора, как мы видим, являются покровительственные пошлины на сельско-хозяйственные продукты и сырье. Но здесь консервативные группы выдвигают покровительственные пошлины не ради своих собственных интересов,—в данном случае их интересы совпадают с интересами либеральных промышленных групп, ибо все они заинтересованы в дешевом продовольствии для своих рабочих и дешевом сырье для своих фабрик и заводов,—они их выдвигают в интересах британской империи, т.-е. в интересах английской буржуазии в целом. Здесь, несомненно, обе группы смогли бы давно найти общий язык, особенно, если примем во внимание, что счет по этим пошлинам пришлось бы

платить не им, а английскому рабочему. Что касается покровительственных пошлин на фабричные изделия, то, как мы указывали выше, либеральной промышленной группе они не нужны и постольку они для них не представляют интереса, но поскольку эти пошлины могут удорожить жизнь рабочих, постольку они их отвергают. Здесь обе партии при компромиссной складке английского человека и подавно могли бы найти общую линию на основе «give and take» (брать и дать). Впрочем, не надо далеко ходить за примером. Не кто иной, как сам Ллойд-Джордж провел закон о защите промышленности, являющийся протекционизмом в сокращенном издании. Что же сдерживало обе партии от такого компромисса? Да то, что это означало бы открытое признание, что между двумя традиционными партиями буржуазии нет больше коренных разногласий, что вся их борьба, весь их парламентский и выборный галдеж и возня сплошная фикция, театральная игра с заранее распределенными ролями, поставленная специально с целью привлечения рабочих масс на сторону одной или другой из двух правительствующих партий. Это означало бы конец стройной системы двух партий, с таким трудом и терпением созданной в течение целого века и служившей такой верной плотиной против напора рабочих масс и против создания рабочей партии. Пока рабочая партия не прорвала этой плотины, буржуазия и думать не могла о таком шаге, означавшем слияние обеих традиционных партий в одну единую партию буржуазии. Как ни заманчивой могла казаться для буржуазии такая перспектива, она все же инстинктивно чувствовала, что это значит развязывание революционных сил пролетариата, и поэтому она всячески поддерживала миф о существовании двух партий, когда в действительности существовала единая партия единой буржуазии. Только теперь, когда плотина двух-партийной системы прорвана рабочей партией, существование двух буржуазных партий становится для нее излишним, ненужным.

### Рабочая партия и прорыв системы двух партий.

Судебное решение по иску акционерного общества железной дороги Таффской долины, о котором мы говорили выше, оказалось роковым для английской системы двух партий. Право стачек и право союзов, завоеванное в 70-х годах, за которое рабочие боролись более полувека и которое, казалось, вошло в плоть и кровь английской конституции, одним росчерком судебного пера было поставлено под знаком вопроса. Правда, английская буржуазия, чтобы усыпить бдительность рабочих, не затевала никаких новых процессов против профсоюзов, несмотря на открывшуюся возможность широкого использования судебного решения по делу Таффской железной дороги. Консервативное правительство Балфура с своей стороны для успокоения рабочих назначает королевскую комиссию. Но рабочие не перестают волноваться, опасаясь за свои кассы и фонды, которые могли быть судом конфискованы. Парламент же молчал, молчали и патентованные «друзья» рабочих, либералы, а некоторые открыто даже высказывали свое одобрение судебному решению. Идея отдельного «рабочего представительства» в парламенте, туго прокладывавшая себе дорогу в рабочие массы, получает неожиданный толчок. Плимутский тред-юнионистский Конгресс 1899 г. вынес решение



созвать в 1900 году конференцию из представителей профессиональных союзов, кооперативов и социалистических организаций с целью образования «Комитета рабочего представительства» в парламенте. На этой конференции и создается «Комитет рабочего представительства», который впоследствии в 1906 году переименовывается в рабочую партию. Первые кандидаты новой рабочей партии, попавшие на выборах в 1900 году в парламент, были Кер-Гарди, вождь и основатель реформистской социалистической организации, известной под именем независимой рабочей партии, и Ричард Белл, вождь железнодорожников. К ним через некоторое время присоединился Шэклтон, вождь текстильщиков, прошедший в парламент на дополнительных выборах. Либералы, верные своей старой тактике, прикладывают свою руку к новому движению в надежде прибрать его целиком к рукам. Они не только не мешают кандидатам «Комитета рабочего представительства», но всячески помогают им. Они помогают не только Беллу и Шэклтону, выходцам из рабочих, матерым либералам, но и рабочему-социалисту Кэр-Гарди, большому путанику, но искренно стремящемуся к образованию рабочей партии, независимой от консерваторов и либералов. Все они проходят благодаря поддержке либералов. Шэклтон «побеждает» без всякой борьбы: у него нет противников: консерваторы и либералы не выставляют против него никаких кандидатов. У власти в это время находятся консерваторы: это полоса англо-бурской войны. Либералы готовятся к следующим выборам, которые наступают в 1906 году. На этих выборах рабочая партия выступает с 50 кандидатами. Борьба ведется вокруг лозунгов, выброшенных либералами и консерваторами. «Свобода торговли и долой китайское невольничество» [1],—клич либералов; «тарифная реформа»,—ответ консерваторов. Рабочая партия не вносит в разгоревшуюся борьбу ничего своего, а примыкает к либеральным лозунгам. Либералы продолжают свою тактику. В преобладающем числе округов, где выступают рабочие кандидаты, они не выставляют своих кандидатов, приглашая избирателей подать свои голоса за рабочих кандидатов, как верных союзников либералов. Рабочая партия проводит 29 своих кандидатов в парламент, главным образом, при помощи либералов. Успех либералов обеспечен. Уже дополнительные выборы, происходившие до 1906 года, указывали на предстоящее поражение консерваторов. Маятник явно качнулся в сторону либералов. Угар англо-бурской войны прошел. Ее финал—пресловутое китайское рабство в трансваальских рудниках, отрезвил английские рабочие массы, показав им истинные цели войны. Консервативное правительство, затеявшее эту войну, стало самым ненавистным для рабочих масс. Было ясно, что консерваторы должны будут уступить власть либералам и перейти до поры до времени в оппозицию. Либералы готовились к власти, но одержанная ими победа превзошла всякие ожидания. Поражение консерваторов было сокрушительное. Проваливаются почти все члены правительства с премьером Балфуром во главе. В парламенте либералы располагают абсолютным большинством над всеми остальными партиями: над консерваторами, рабочей пар-

[1]) После победы над бурами, магнаты бриллиантовых рудников в Южной Африке, виновники англо-бурской войны, распоясались и стали ввозить массами китайских кули для работы в рудниках, заключив с ними предварительно кабальные договоры.

тией и националистами [1]), взятыми вместо. Они получают 393 места, рабочая партия—29, националисты (ирландская партия)—83, а консерваторы всего-на-всего—152 места вместо 369, которые у них были в прошлом парламенте. «Успех» рабочей партии не вызвал у либералов никакого беспокойства. Этот «успех» был отчасти их успехом. Своей «расчетливой» поддержкой они произвели известное воздействие на состав и качественный отбор рабочей партии, они отсеивали более радикальные и социалистические элементы, либо поддерживая против них консерваторов, либо выставляя против них своих собственных кандидатов. Полученный в результате отбор в огромном своем большинстве не отличается от той стаи славных либералов-рабочих, которая обрела себе место в лоне либеральной партии и занимала свыше 20 мест на скамьях ее парламентской фракции. Между рабочей партией и рабочей группой либеральной партии устанавливается «контакт» (в 1910 году вся эта группа, состоящая почти исключительно из углекопов, переходит к рабочей партии). Либералы ухаживают за рабочей партией, поют ей дифирамбы в своей прессе в полной уверенности, что им удастся подчинить ее себе и включить ее в свою орбиту. После некоторого нажима со стороны рабочей партии, либералы проводят в парламенте закон о конфликтах с рабочими, которым всякая опасность для профсоюзных касс совершенно устраняется. Рабочие торжествуют победу и приписывают ее присутствию рабочей партии в парламенте. Престиж рабочей партии среди рабочих масс все растет. Сама же рабочая партия в парламенте совершенно не проявляет себя как оппозиция. Она плетется в хвосте либеральной партии и голосует вместе с либералами за правительство. Либералам как будто удается их план взять рабочую партию целиком на буксир. Чтобы обезвредить рабочую партию и свести ее на-нет, необходимо было погубить ее в глазах рабочих масс, доказав им на деле, что рабочая партия им не нужна, что лучшего представителя их интересов, чем либеральная партия, им и не надо. Либералы должны, как говорят на парламентском жаргоне, «dish the Labour Party», т.-е. перехитрить рабочую партию. Либералы выдвигают широкую программу реформ: тут и пенсии престарелым, 8-часовой рабочий день для углекопов, государственное страхование от болезни, безработицы и т. д. Пламенный «чародей из Валиса», как называли Ллойд-Джорджа, развивает колоссальную агитацию по всей стране. Он громит палату лордов, называет князей, графов и лордов тунеядцами и паразитами, говорит языком, каким не осмеливаются и не привыкли говорить наирадикальнейшие крохоборы из рабочей партии. На сей раз либералы не могут ограничиться одной лишь болтовней и должны кое-что проводить в жизнь. Буржуазия прекрасно понимает маневр Ллойд-Джорджа и аплодирует ему, хотя в то же время его агитация вызывает бешенство реакционных органов, сердцам которых дороги остатки английского владетельного феодализма.

[1]) Националисты — это буржуазная партия представителей Ирландии в английском парламенте, добивающаяся автономии (Гом-руль) для Ирландии. Эта партия появляется в английском парламенте в 1874 г. На всеобщих выборах в 1918 году эта партия терпит крушение. Ее побеждает партия Шин-Фейн, требующая полной независимости Ирландии. Выбранные в английский парламент 73 шин-фейнера отказываются принимать участие в заседаниях парламента.



Ничего страшного в этих реформах для буржуазии, конечно, нет. Большая часть их давным давно введена в Германии, затем их осуществление намечается в значительной степени за счет рабочих (страховые взносы и прочее), а отчасти за счет земельного налога, направленного против лордов. А самое главное то, что либеральная партия становится популярной среди рабочих масс. Нечего и говорить, что громы и молнии, расточаемые Ллойд-Джорджем против лордов, чисто опереточные, и только неискушенные рабочие массы принимают их всерьез. Земельный налог, направленный против земельной аристократии, был определен в ничтожном размере и приносил казне один лишь убыток, так как расходы по его собиранию превышали самый налог. Впоследствии под шумок, сам Ллойд-Джордж выбросил этот налог за борт и даже вернул землевладельцам полученные с них по этому налогу деньги. Но этих деталей массы тогда не понимали и не предвидели. С 1906 года до самой войны либералы заслонили собой рабочую партию: «чародей из Валиса» очаровал не только массы, он очаровал рабочую партию и даже Кэр-Гарди, самого честного из рабочих вождей. В 1909 и 1910 г.г. во время разгара борьбы между либеральным правительством и палатой лордов, отвергнувшей ллойд-джорджевский бюджет, главным образом из-за его земельного налога, Кэр-Гарди выступает пламенным защитником ллойд-джорджевских реформ и на грандиозной демонстрации, организованной либералами в Гайд-Парке, произносит речь в поддержку официальной либеральной резолюции.

Рабочая партия становится «послушным хвостом либеральной собаки».

Но если политически буржуазия вынуждена рядиться в радикальную тогу, то экономически она начинает все сильнее ощущать конкуренцию Германии и вынуждена показывать рабочим свой обнаженный кулак; тем более, что, в виду непрерывного роста цен на предметы первой необходимости, в стране подымается волна забастовок, не прекращающаяся с 1909 года до самой войны. В 1908 году буржуазия своим испытанным маневром наносит рабочей партии удар из-за угла. Некий г. Осборн предъявляет иск к своему профессиональному союзу за незаконное взимание с него сбора в пользу рабочей партии. Суд решает в пользу Осборна. Дело идет в высшую инстанцию, палату лордов, которая выносит свое решение о незаконности принудительного взимания сбора на политические цели. Палата лордов попутно поставила под знаком вопроса законность отобрания рабочей партией от своих кандидатов подписки в том, что они будут вести независимую от других партий политику. Это решение поставило под угрозу самое существование рабочей партии, жившей исключительно взносами тред-юнионов. Ее членами были профессиональные союзы и социалистические организации (фабианское общество и независимая рабочая партия). Несмотря на весь нажим, который рабочая партия производит на либералов, требуя от них узаконения права взимания профсоюзами с своих членов сборов на политические цели, либералы не двигаются с места.

Экономическая депрессия, непрерывный рост дороговизны, растущее недовольство и левение рабочих масс не дают либе-

ральной партии возможности пожинать плоды своей ловкой политики. Они теряют свое влияние на массы.

После проведения реформ, рабочие на опыте узнают всю их иллюзорность, мизерность и тяжесть нового бремени. Рабочие из своего скудного заработка должны оплатить большую часть стоимости государственного страхования от болезни и безработицы. Пенсии выдаются рабочим с 70 лет, т.-е. тогда, когда никакой пенсии им не нужно, так как редко, когда рабочие доживают до такого возраста. Звезда либералов закатывается. На выборах в конце 1910 года они терпят поражение. Вместо своих 393 мест они получают всего 270, в то время как консерваторы вместо своих 152 мест получают 274. Рабочая партия слегка усиливает свое положение в парламенте (42). К рабочей партии примыкает целиком группа углекопов около 12 человек, сидевшая на скамьях либеральной партии. Либеральная партия остается у власти, для чего вынуждена опираться на голоса националистов (84) и рабочей партии. Либералы должны теперь больше считаться с рабочей партией и, наконец, после угроз со стороны последней вынуждены в 1913 году провести закон, предоставляющий тред-юнионам право заниматься политической деятельностью и принудительно взимать со всех своих членов отчисления на политические цели, если большинство членов высказывается за такие отчисления.

Реформы либерального правительства и шумная агитация «чародея» Ллойд-Джорджа оказались лебединой песней либеральной партии. Наступает империалистическая война. На карту поставлен вопрос о британской империи и о мировом господстве. Английской буржуазии нужно единение всех своих сил, чтобы отстоять свою мировую гегемонию. Происходит национальное единение: 4 августа, после об'явления Англией войны Германии, Вил Круке, видный член рабочей партии, поет национальный гимн: «Боже, короля храни», сэр Эдвард Карсон, заклятый враг независимости Ирландии, кричит: «Боже, храни Ирландию», а Редмонд, вождь ирландских националистов отвечает: «Боже, храни Англию».

## Крушение либеральной партии.

Английская буржуазия выходит победительницей из войны. Ее опасный конкурент на мировом рынке, Германия, лежит окровавленная, обессиленная у ее ног. Версальский договор делает британскую империю еще более обширной и ее мировое господство еще более могущественным. Никто из старых соперников ей больше не угрожает. Разбита не только Германия, но и Россия. Из войны Англия приходит к победе под эгидой диктатуры Ллойд-Джорджа. Этому хитрому златоустому демагогу английская буржуазия вверяет свои судьбы. Война кончена, но континент пылает заревом революций. В самой Англии растут революционные настроения у широких слоев рабочих масс, растут симпатии к русской революции, к Советской России. Хитрый диктатор видит все эти опасности. Он настаивает на сохранении коалиции между либералами и консерваторами, достигнутой во время войны, ибо опасности послевоенной обстановки ничуть не меньше опасностей войны. Со свойственной ему решительностью, он немедленно после перемирия в 1918 г. распускает парламент и проводит выборы пока еще не прошел военный и победный угар, пока не вернулась с фронта революционно настроенная шинельная рабочая масса, на своей шкуре испытавшая прелести империалистической войны, и пока революционные настроения рабочих масс в самой Англии не успели вылиться в определенные формы и действия. В этих выборах впервые принимают участие женщины, получившие в начале года избирательные права (с 30-летнего возраста). Ллойд-Джордж ведет в бой об'единенную армию консерваторов и либералов. Небольшая часть либералов во главе с вождем партии Асквитом, которого Ллойд-Джордж в 1916 г. бесцеремонно спихнул с премьерского поста, потребовав себе диктаторские права и заняв его место, отказалась итти за Ллойд-Джорджем и под названием «независимых» либералов» выступила отдельно на выборах. Задача Ллойд-Джорджа отбить революционную волну. Со свойственной ему демагогией, он подхлестывает остывающий патриотический пыл, развивает бешеную кампанию и с лозунгом «кайзера повесим, а Германию заставим платить за войну», выходит триумфатором из сражения. Коалиция получает 478 голосов, а независимые либералы—28, при чем Асквит проваливается. Рабочая партия, вышедшая из коалиции после заключения перемирия, выставляет 361 кандидата, но проводит всего 57 человек в парламент. Она собирает, однако, 2.444.945 голосов, немногим больше 20% всех поданных на выборах голосов. Рабочая партия, шаг за шагом, неуклонно завоевывает себе место. После некоторого экономического под'ема, вызванного огромными закупками и заказами в Англии, посыпавшимися со стороны товарно-изголодавшегося континента, снова наступает депрессия и безработица. Недовольство и волнение масс снова усиливается. Снова идет волна забастовок. Усиливается тяга в рабочую партию. Дополнительные выборы доводят число членов рабочей партии в парламенте до 74. Третья партия становится фактором общественной жизни Англии. Этот факт не перестает беспокоить буржуазные партии. Либеральная партия, расколотая на коалиционистов, последователей Ллойд-Джорджа, и независимых либералов, последователей Асквита, отходит на задний план. Первые так слились с консерваторами, что их нельзя отличить друг от друга. Вторые представляют небольшую жалкую группу. Последующие выборы 1922, 1923 и 1924 г.г. лишь подтверждают, что мы имеем дело не со случайным явлением, что либеральная партия безнадежно больна и обречена на политическую смерть, на исчезновение. На выборах 1922 г. консерваторы получают 347 мест, рабочая партия -147, независимые либералы—64, национал-либералы (ллойд-джорджевцы)—53. Перед выборами 1923 г. происходит примирение между Ллойд-Джорджем и Асквитом, и их группы об'единяются. Но это не помогает. Либеральная партия снова попадает на 3 место. Консерваторы получают 254, рабочая партия—192, либералы—149. Рабочая партия составляет правительство. В 1924 г. оно распускает парламент и происходят пресловутые «зиновьевские» выборы. Консерваторы фабрикуют подложное письмо Зиновьева, и, нагнав смертельный страх и ужас на английскую обывательщину, искусно размалеванной картиной «тайной руки Москвы», подготовляющей восстания в армии и флоте и подбирающейся к домашнему очагу английского обывателя, чтоб осквернить это святилище, одерживают огромную победу. Консерваторы полу-

чают 402 места из общего числа 603. Рабочая партия получает 151 место, а либералы всего на всего—41 место; 9 мест достается диким. Следует заметить, что такая исключительная победа достается консерваторам, благодаря отсутствию в английском избирательном праве перевыборов и пропорционального представительства. При пропорциональном представительстве консерваторы не располагали бы большинством в парламенте, как это можно видеть из количества голосов, поданных за каждую партию:

| | | |
|---|---|---|
| Консерваторы получили | 7.385.000 | голосов. |
| Рабочая партия » | 5.487.000 | » |
| Либералы » | 2.982.000 | » |
| Дикие » | 265.000 | » |

Раньше всякие попытки ввести пропорциональное представительство разбивались о сопротивление как консерваторов, так и либералов, которые видели в английском избирательном законе надежную защиту от третьих партий и рабочего представительства. Теперь, когда этот избирательный закон, по иронии судьбы, обратился против самих либералов, последние подняли крик и вопль против несправедливости этого закона и стали горячими поборниками пропорционального представительства. И в 1924 и в 1925 г.г. они поднимают вопрос в парламенте, но, увы, их голос остается гласом вопиющего в пустыне. И консерваторы, и даже рабочая партия остаются глухи к нему. Рабочая партия, занявшая твердо положение одной из двух «правительствующих партий, больше не нуждается в пропорциональном представительстве, а провести его ради спасения либеральной партии у нее нет никакого намерения. Организованные массы, идущие за рабочей партией, ненавидят либералов. В их среде исчезновение либеральной партии будет встречено с ликованием. Выше мы привели пример этой ненависти к либералам, проявленной на послевыборных рабочих собраниях. Это и понятно. Либералы в двухпартийной системе играли роль главной плотины, сдерживавшей стихийное неосознанное стремление рабочих масс к независимому политическому движению. Что касается консерваторов, то они ясно понимают, что, при создавшемся положении, пропорциональным представительством делу не поможешь. Плотина безнадежно прорвана,—и никакой метлой пропорционального представительства не погонишь волны вспять. Время третьих партий прошло. Если для либералов еще есть возможность отвоевать свое старое место, то они должны это сделать и без пропорционального представительства. Консерваторы будут только приветствовать такой оборот; но если этого достигнуть нельзя, то надо покончить с комедией двух партий единой буржуазии; на этой мякине сейчас и политического младенца из рабочих не проведешь. Место действительных либералов—в рядах консервативной партии. Система же двух партий остается: с одной, консерваторы, с другой—рабочая партия. Теперешняя рабочая партия—смирное животное и еще долго будет на привязи ходить. Доказательство—опыт с недавним рабочим правительством. Против такой рабочей партии старых средств в «мирном» арсенале буржуазии хватит, если не «письмо Зиновьева», то что нибудь другое; а когда рабочая партия попадет в руки левых, тогда видно будет. Преимущества двухпартийной системы остаются в силе: прочность правительства и парламентской системы. На континенте, благодаря групповой системе и невозможности образования прочного правительства, парламентаризм обанкротился. Так или приблизительно так рассуждают консерваторы и отказываются бросить либералам спасительный пояс пропорционального представительства.



### Гальванизация либерального трупа.

Маленькая либеральная группа в парламенте раздирается внутренними неурядицами. Поклонники Ллойд Джорджа и последователи Асквита не могут забыть друг другу свои старые обиды. На выборах 1924 г. Асквит снова проваливается, а заботливое консервативное правительство дает ему титул лорда, и он попадает в Палату Лордов. Асквит остается вождем либеральной партии, но он уже не может быть вождем парламентской фракции в нижней палате. На это место намечается Ллойд-Джордж. Это означает, что номинальным вождем будет Асквит, а фактическим Ллойд-Джордж. Часть радикального крыла либеральной партии начинает бунтовать и заявляет, что они не будут подчиняться Ллойд-Джорджу. Пытливый ум Ллойд-Джорджа сразу постигает, что, если ему не удастся возродить либеральную партию, она погибла, и вместе с ней кончена его политическая карьера. Консерваторам он был нужен во время войны, когда его демагогия ослепляла рабочие массы и воодушевляла их на «войну до победного конца». Но теперь, когда его демагогия оказалась бессильной остановить рост рабочего движения и его имя служит для рабочих синонимом вероломного надувателя, он консерваторам больше не нужен.

В январе 1925 г. в Альберт Холле, самой большой зале в Лондоне, устраивается огромная либеральная демонстрация, которая должна влить бодрость в упавших духом либералов. На этой демонстрации Ллойд-Джордж напоминает слушателям, что в 1874 г. после того, как либералы пробыли 30 лет у власти, они потерпели страшнейшее поражение. Люди думали тогда, что консерваторы засели у власти лет на двадцать, однако, 1876 год увидел конец их власти. Ллойд-Джордж ни словом не обмолвился о рабочей партии. На этой же демонстрации с помпой возвещается об открытии подписки на фонд в 1.000.000 фунтов стерлингов для предстоящей избирательной кампании. Что же касается программы, то специальная комиссия, назначенная Асквитом, представила на январской конференции партии длинный доклад и предложила, как пункты программы, налог на земельные угодья, свободную торговлю, жилищное строительство, борьбу с алкоголизмом. Между прочим, некоторые делегаты на этой конференции требовали законодательства против взимания тред-юнионами сборов на политические цели.

Представленная программа показала, что разбитая либеральная партия не осознала обрушившегося на ее голову несчастья и продолжает жить в довоенных понятиях и довоенных формулах.

Консерваторы, с большим сочувствием следившие за этой кампанией «либерального возрождения», дают дружеские советы, а умная «Таймс» указывает на самое больное место и преподает либералам урок политграмоты.

«От длинного доклада комиссии, — говорит почтенная газета,—навряд ли можно ожидать много толку. Изложенные в нем

принципы и предложения, несомненно, правильны и являются общими для всех партий. Но в них нет ничего «либерального». Задачи либеральной партии—доказать, что имеется средняя линия, действительно дающая стране выбор чего-то третьего третью возможность... Когда страна отхлынула от рабочей партии, она не задержалась на либерализме, и навряд ли задержится на либерализме, когда она отхлынет обратно от консерваторов. Перед либералами—нелегкая задача, но если средняя линия не может быть найдена, то либеральная партия исчезнет. На европейском континенте перед народами большей частью стоит выбор между реакцией и социализмом. Суждено ли английскому либерализму разделить участь европейского либерализма? Возрождение английского либерализма представляется еще более трудным, ибо ему приходится тягаться, с одной стороны, с консерватизмом, у которого реакционное крыло очень слабо, а, с другой,—с социализмом, у которого умеренный элемент довольно силен... Вследствие этого имеется единомыслие между правым крылом либерализма и многими консерваторами, с одной стороны, и его левым крылом и социалистами—с другой... Резкие уклоны либо вправо, либо влево делу не помогут. Если страна захочет повернуться влево или вправо, то она знает к кому обратиться. Либерализм это либо средняя линия, либо он превращается в ничто».

Между прочим, в той же передовице от 29 января 1925 г., «Таймс», касаясь внутрипартийных раздоров и соперничества вождей, преподает либералам замечательный, мы бы сказали, классический совет: «Да будет нам позволено,—пишет газета,—хотя мы и не члены партии, но как люди, которые с радостью желают видеть возрождение либеральной партии, коснуться вопроса о соперничестве между вождями. В таких случаях в истории зачастую вождями избирались посредственности, как например, при наличии таких крупных сил, как лорд Розбери, Асквит, Морлей и Ллойд-Джордж, чтобы нейтрализовать их соперничание, вождем был избран сэр Генри Кампбел Банерман. Соперничанье между лордом Кастлри и Каннингом привело к избранию вождем заурядной посредственности—лорда Ливерпуля... Разве нельзя сейчас найти какую-либо заурядную посредственность среди либералов, которая дала бы либералам время забыть свои соперничанья и зависть, накопившиеся в течение последних 10 лет?... Пусть помнят либералы, что американские партии в настоящее время почти всегда спасаются, поставив какую-либо посредственность над головами враждующих знаменитостей».

Со своей привычной энергией Ллойд-Джордж раз'езжает по стране, выступает на больших собраниях. Агитация Ллойд-Джорджа имеет свое воздействие. Замечается оживление. Уже в мае 1925 г. на конференции партии кассир об'являет, что в миллионный партийный фонд уже поступило свыше 300.000 фунтов стерлингов. Настроение конференции чрезвычайно бодрое. Однако, ясно, что на одном настроении далеко не уедешь, что при создавшемся положении либеральная партия должна сделать что-то героическое, она должна сказать какое-то магическое слово, которое вернуло бы ей ее прошлое положение. В прессе проскальзывают слухи, что у «чародея» это магическое слово есть, что скоро оно будет произнесено во всеуслышание.

Наконец, в сентябре Ллойд-Джордж выступает с программной речью под открытым небом в громадном парке Коллертон под



Экзетером перед собранием в 25.000 человек. Громкоговорители передают его речь в самые отдаленные части парка. Какое же слово нашел «чародей», чтобы спасти от смерти либеральную партию? Оказывается, это слово—национализация земли с компенсацией не ее действительной ценности!

Суть этой программной речи сводилась к следующему. В Англии идет уже шестая зима экономического кризиса. Положение промышленности отчаянное, как это явствует из письма крупного судостроителя, сэра Джорджа Хунтера, на имя премьера. В Англии 1.342.000 безработных. Англия каждый год ввозит на 400.000.000 фунтов стерлингов продовольствия и леса, в то время как большую часть этих продуктов можно было бы, при почвенных и климатических условиях Англии, производить дома. Если взять количество человек, работающих в сельском хозяйстве в Германии, и сравнить с пропорционально занимаемой площадью в Англии, то последняя могла бы дать работу на земле 1.000.000 человек, по сравнению с Голландией—1.750.000, а с Бельгией 2.000.000 человек. Конечно, не сразу: нужно будет дать рабочим известную подготовку. Таким образом, Англия может легко избавиться от своей армии безработных и увеличить богатство страны. Расходы, которые государство должно будет произвести на такую схему и на разведение лесов, не дали бы и 1% на затраченный капитал, но все же это обошлось бы дешевле теперешней «подачки» безработным. Чтобы провести в жизнь эту схему, необходимо из'ять землю из рук частных собственников. Государство должно стать собственником земли годной к земледелию и сдавать ее в аренду фермерам, обеспечив им и их детям право непрерывного пользования ею до тех пор, пока они эту землю обрабатывают. Компенсация собственникам выплачивается не по искусственной оценке, которую земля получила благодаря земельной монополии, а по действительной ее стоимости, исходя из того справедливого процента, который он должен получить на свое хозяйство. Компенсация выплачивается не сразу, а распределяется на известное количество лет. Для батраков должен быть установлен прожиточный минимум.

Схема земельной реформы Ллойд-Джорджа была разработана особой комиссией, назначенной им для изучения этого вопроса. Нельзя сказать, чтобы эта схема была чем-то особенно новым или чем-то особенно «либеральным». К идее национализации земли пришли еще до обнародования своей схемы Ллойд Джорджем, два известных писателя, Ц. С. Орвин и В. Р. Пил, из коллегии Оксфордского института сельско-хозяйственных и экономических исследований, которые изложили свои мысли в книжке «The Tenure of Agricultural Land». Судя по сильной симпатии, которую авторы высказывают в своей книжке землевладельцам, можно безошибочно сказать, что они являются консерваторами. В своей книжке они указывают, что 100 лет тому назад больше 50% населения жило на земле, теперь же на земле живет лишь 20% населения. После наполеоновских войн много земли перешло в другие руки и в деревне появилась новая земельная аристократия, которых Кобетт прозвал «бумажными лордами», т. к. они разбогатели на военных займах. После теперешней мировой войны опять много земельной собственности переходит в руки новых владельцев. Однако, между той эпохой и теперешней существует большая разница. Тогда земля перешла к новым собственникам, осевшим на земле. Теперь же новые

собственники являются лишь спекулянтами, покупающими землю исключительно с целью перепродажи. Эти спекулянты принуждают фермеров, являющихся арендаторами, и не желающих быть собственниками, купить ее, угрожая в противном случае выгнать их из своих ферм. Между 1919 и 1924 г.г. более $3\frac{1}{4}$ миллионов акров земли перешли в собственность к арендаторам, так что количество собственников увеличилось вдвое. Хорошо ли,—спрашивают авторы книжки, что вместо 40.000 собственников будет 100.000? Нет,—говорят они,—это будет плохо. Землевладелец старого закала был не только простым получателем земельной ренты. Он заботился и об улучшении своей земли. В его обязанности входило проведение и содержание в порядке дренажных и ирригационных работ, и, вообще, он должен был найти средства для улучшения своей земли. Теперь же, с переходом земли в руки фермера, последний оказался без всяких средств на улучшение, ибо все свои сбережения он вложил в покупку земли. В аграрных странах имеются кооперативные общества сельско-хозяйственного кредита. В Англии же ничего этого нет. Прежнюю систему авторы считают своего рода «партнерством между землевладельцем, доставлявшим капитал, и фермером. Теперь землевладельца нет, а фермер сам себе хозяин, но у него нет капитала. Авторы считают, что исчезновение землевладельцев является «непоправимой потерей для общества». Какой же выход? И вот они предлагают, чтобы государство заняло место землевладельца. Государство национализирует землю, создает местные аппараты, которые сдают землю в аренду, следят за выполнением арендных договоров, производят необходимые работы по улучшению земельных участков и т. д.

В устах Ллойд-Джорджа национализация земли становится панацеей от всех зол современного общества. Исчезнет безработица, не будет больше скученности в городах, начнется новая эра жилстроительства и т. д. Каким образом его национализация может сделать земледелие рентабельным в Англии, и дать ему возможность устоять против конкуренции хлебопроизводящих стран, остается секретом Ллойд-Джорджа. Напрасно консерваторы (см. письмо Георга Кортхона в «Таймсе» от 5/II—26)—задают ему этот вопрос, который он считает самым кардинальным во всей этой проблеме. Ллойд-Джордж в своем ответном письме в «Таймсе» от 9/II—26 разбирает все другие вопросы, выдвинутые Кортхоном, но упорно обходит молчанием именно этот кардинальный вопрос. Национализация земли должна дать Ллойд-Джорджу голоса, это самое важное: и в городе, и в деревне, и голос рабочего, и голос фермера, и голос батрака, и голос безработного. «Тысячи людей,—восклицает он на собрании в Лидсе,—умерли в одном только Лидсе в этом году, которые жили бы в настоящий момент и разделили бы с нами радости рождественских праздников, если бы не было земельной эксплоатации. Вы не найдете изложения причины их смерти в свидетельствах врача, но, несомненно, факт, что они отравлены земельной монополией».

Агитация развертывается по всей стране. Ллойд Джордж доволен результатами. «Некоторые близорукие критики ожидали взрыва, т.-е. быстрых результатов земельной кампании», говорит он на одном собрании. «Но мы народ тихий. Мы только прилаживали провод. Взрывчатого материала достаточно; наш провод с часовым механизмом. Когда наступят выборы, будьте покойны, взрыв получится очень эффектный».



Все идет как будто хорошо, но вот вдруг гром и молния: на банкете, устроенном в начале декабря 1925 г., Ллойд-Джордж, обращаясь к Асквиту, говорит: «Либеральная парламентская фракция не может считаться счастливым семейством; она даже и не семейство. Мы сходимся на конференциях, принимаем единогласно программу, а потом расходимся, и каждый идет своей собственной дорогой. Это должно быть прекращено. И если это будет продолжаться, то я уйду». Асквит со своей стороны тоже заявляет: «Я не буду вождем партии, которая после горького опыта раскола не может забыть свои старые разногласия и не может об'единиться в интересах поддержания и укрепления партии».

Что же случилось? А случилось то, что либеральные промышленники никак не могли переварить ллойд-джорджевскую национализацию земли. Национализация для них—покушение на индивидуализм, чуть ли не социализм! Они потребовали радикального изменения этого проекта. Однако, чтобы заставить партию принять этот проект, Ллойд-Джордж угрожает отказом передать партии имеющийся у него фонд, собранный им, когда он еще был коалиционистом. Это еще более усиливает бурю. После угроз Ллойд-Джорджа и Асквита выйти из партии, шторм немного улегается. Начинается торг между промышленной группой и Ллойд-Джорджем. Ллойд-Джорджу приходится выбросить много из своего проекта за борт. Вопрос кажется совершенно улаженным, и Ллойд-Джордж снова берется за свою работу спасения либеральной партии. Но у него нет больше прежней уверенности. Тон уже совсем другой. «Предложенный план,—заявляет он на собрании в Ковентри 6 декабря 1925 г.,—не является скрижалями закона, он будет предложен собранию кандидатов партии в парламент для их утверждения. Но,—добавляет он,—утвержденный проект должен будет обеспечить имеющуюся в виду цель, иначе он будет совершенно бесполезен». Эта туманная фраза значит, что Ллойд-Джордж готов на компромисс, если только в проекте будут в том или ином виде включены пункты, которые могли бы служить приманкой для ловли голосов в городе и деревне. Но и эта готовность Ллойд-Джорджа на всякие компромиссы не может примирить промышленную группу. Она настроена яростно против национализации. Идет обмен любезностями. Сэр Альфред Монд, миллионер-промышленник, один из виднейших членов либеральной партии, в начале января этого года заявляет, что при всем своем уважении к Ллойд-Джорджу, он, а также его единомышленники, не могут согласиться с проектом, разработанным «самозванной» земельной комиссией (имеется в виду комиссия, назначенная Ллойд-Джорджем). С этим не могла согласиться и парламентская фракция, назначившая комиссию для рассмотрения этого вопроса под его председательством. Эта комиссия, в свою очередь, не могла притти к единогласному решению и вопрос пойдет на решение партийной конференции. После этого грызня внутри партии не прекращается. Наконец, не дожидаясь партийной конференции, сэр Альфред Монд в конце января оставляет либеральную партию и переходит к консерваторам. С ним переходит и его сын. За Мондом, несомненно, последуют и другие. Либеральная партия—разлагающийся труп. Никакая гальванизация даже «чародея» Ллойд-Джоржда не может его воскресить.

*И. Зорге.*

# Кризис германского хозяйства и план Дауэса.

### I. Настоящее положение германской промышленности.

Экономический кризис в Германии явно близится к состоянию, соответствующему тому, какое наблюдалось в середине 1924 г., накануне вступления в силу плана Дауэса; с тою, однако, разницей, что тогда можно было говорить о начале стабилизационного кризиса, между тем как настоящий кризис мы имеем полное право назвать кризисом стабилизации.

Положение угольной, железной и стальной промышленности характеризуется следующими данными:

| МЕСЯЦЫ. | Годы. | Железо. | Сталь (в тыс. тон.). | Уголь (в Рурской обл.). |
|---|---|---|---|---|
| Январь | 1913 [1] / 1914 | 914 / 600 | 1.015 / 762 | 9.786 / 6.471 |
| Сентябрь | 1924 | 600 | 762 | 9.159 |
| Декабрь | » | 803 | — | 8.968 |
| Январь | 1925 | 910 | 1.181 | 9.560 |
| Март | » | 991 | — | 9.047 |
| Май | » | 961 | — | 8.403 |
| Июль | » | 886 | — | 8.511 |
| Сентябрь | » | 735 | 879 | 8.732 |
| Ноябрь | » | 760 | — | 8.588 |

Эти данные показывают, что производство железа сократилось против мирного времени на 15%, производство стали—на 10% и угля—на 12% (приблизительно). Приведенная таблица показывает также, что в январе 1925 г. был достигнут уровень производства, почти сравнявшийся с довоенной нормой, а для стали даже превысивший ее. И если ноябрьские цифры не пали еще до низшей точки, какой был отмечен январь 1924 г., то мы

[1]) Средняя величина за месяц, вычисленная для нынешней площади германской территории.



во всяком случае видим, что с мая 1925 г. уже начинается движение по нисходящей линии.

Машиностроительная промышленность. С весны 1925 г. количество заказов в германской машиностроительной промышленности неудержимо падает. Оно оценивается сейчас об'единением германской машиностроительной промышленности в 15—20%, тогда как в мирное время иностранные заказы составляли по меньшей мере 30% всей германской машиностроительной продукции. В октябре и ноябре это сокращение оставалось, по данным названного об'единения, в полной силе. Единственное исключение составляет пока, пожалуй, производство ткацких машин. В виду сокращения работ на сталелитейных заводах, этой основной отрасли машиностроительной индустрии, об'единение германских машиностроительных предприятий считается с возможностью дальнейшего ухудшения в течение ближайших месяцев.

Текстильная промышленность. Положение текстильной промышленности, которая после довольно острого кризиса испытала осенью короткий сезонный под'ем, в течение зимы явно ухудшается снова. Ухудшение распространилось даже на шелковое производство, бывшее до сих пор единственным, в котором случаи банкротств были редки: во всей остальной текстильной промышленности цифры банкротств необычайно велики так же, как и цифры сокращенных рабочих часов. Германский союз текстильщиков зарегистрировал среди своих членов 20,8%, работающих по сокращенной норме; центральный союз христианских текстильщиков—16%. Это очень высокие цифры, превзойденные только союзом рабочих портняжного производства, т.-е. отраслью, которая находится в теснейшей связи с текстильной промышленностью; в этом союзе число членов, работающих неполное время, составляет 37,5%, при наличии безработных в количестве 16%.

Судостроительная промышленность. Положение этой отрасли тоже чрезвычайно плохое. Массовые заграничные заказы, сделанные летом, либо оказались невыполнимыми, либо принесли убытки. В результате осенью в целом ряде судостроительных верфей было назначено конкурсное управление.

Банкротства. Общее положение не только германской промышленности, но всего германского хозяйства вообще, яснее всего отражается в данных о конкурсах и администрациях по делам.

| МЕСЯЦЫ. | Годы. | Конкурсы. | Администрации по делам. |
|---|---|---|---|
| Средняя за месяц | 1913 | 811 | 0 |
| Январь | 1924 | 31 | 10 |
| Сентябрь | » | 817 | 255 |
| Декабрь | » | 572 | 204 |
| Январь | 1925 | 766 | 232 |
| Март | » | 744 | 288 |
| Апрель | » | 755 | 311 |
| Июль | » | 797 | 359 |
| Сентябрь | » | 887 | 430 |
| Ноябрь | » | 1.320 | 838 |
| Декабрь | » | 1.589 | 1.317 |

Так как администрация по делам только более мягкая форма конкурсного управления, по существу же это одно и то же, то за декабрь мы имеем увеличение числа несостоятельных должников приблизительно в 360% против средней месячной нормы в 1913 г.

Торговый баланс. Если по данным производственной статистики германское хозяйство находится на пути к худшим временам 1924 г., то в отношении банкротств конец 1925 года уже обогнал 1924 год. То же самое приходится сказать и относительно торгового баланса. В 1924 г. пассивность чистого товарооборота составляла—за первые 11 месяцев—2,3 миллиарда марок, а пассивность всего торгового баланса (товарооборот плюс ввоз золота и серебра)—4,3 млрд. За первые же 11 месяцев 1925 г. пассивность чистого товарооборота достигла 3,7 млрд., а вместе с ввозом золота и серебра—4,3 млрд.

Мы имеем, таким образом, резкое увеличение пассивности торгового баланса. При этом важно еще обратить внимание на следующее обстоятельство: в 1925 г. ввоз готовых продуктов повысился на 22% сравнительно с тем же периодом в 1924 г., вывоз же готовых продуктов повысился за то же время на 30%. Стало быть, вывоз готовых продуктов, этой важнейшей статьи германского экспорта, улучшился только на 8% против 1924 г. И это несмотря на то, что в 1925 г. германский капитал получил крупные кредиты, приступил к рационализации производства и даже мог, с января 1925 г., вести самостоятельную политику по отношению к своим прежним военным противникам (до января 1925 г. последние пользовались в Германии, в силу версальского договора, односторонней привилегией наибольшего благоприятствования).

Правда, в сентябре 1925 г. наблюдается сильное сокращение избытка импорта. В сентябре пассивность чистого товарооборота составляла 294 милл., в октябре—228, в ноябре—только 65 милл. На декабрь можно даже довольно уверенно предсказать некоторую активность торгового баланса. Но это резкое улучшение только свидетельствует о размерах кризиса. Характерно в этом отношении чрезвычайно резкое сокращение ввоза при одновременном сокращении, но менее сильном, вывоза. Нечто подобное наблюдалось до сих пор при всех острых кризисах: неожиданно только, что во время настоящего кризиса вывоз все-таки тоже сократился. Вообще же при таких сильных кризисах бывает, вследствие понижения цен и лихорадочной конкуренции, легкое повышение вывоза. Временное улучшение торгового баланса является, таким образом, как бы автоматическим клапаном, который закроется сам собою при некотором смягчении кризиса. Важно, конечно, то, что благодаря функционированию этого автоматического аппарата, крушение плана Дауэса не есть еще вопрос ближайших дней, каким оно непременно было бы, если бы нынешний кризис осложнился пассивностью торгового баланса в несколько миллионов марок в месяц.

## II. Положение рабочего класса.

В соответствии с описанным положением германского капиталистического хозяйства складывается и положение рабочего класса Германии.



| 1) Безработица: | Количество получающих основное пособие. |
|---|---|
| 1923 г. (среднее в месяц) | 400.000 |
| 1924 г. август | 588.000 |
| » октябрь | 436.000 |
| 1925 г. январь | 535.000 |
| » март | 540.000 |
| » май | 320.000 |
| » июль | 195.000 |
| » сентябрь | 231.000 |
| » ноябрь | 364.000 |
| » 1 декабря | 669.000 |
| » 15 декабря | 1.057.031 |

Приведенные цифры показывают, что 15 декабря мы далеко оставили за собою не только самые тяжелые дни января 1925 г., но и времена наибольшего обострения стабилизационного кризиса в августе 1924 г.

Рабочие, организованные в профсоюзы, дают следующий процент безработных и работающих неполное время:

| 1925 г. | Безработные. | Работающ. неполное время. |
|---|---|---|
| | В процентах. | |
| Январь | 8,1 | 5,5 |
| Март | 5,8 | 5,1 |
| Май | 3,6 | 5,0 |
| Июль | 3,7 | 5,8 |
| Сентябрь | 4,5 | 5,8 |
| Ноябрь | 11,0 | 22,3 |

Особенно важны данные о сокращенном рабочем времени, ибо сокращенное рабочее время означает большей частью максимально 24 рабочих часа в неделю, вместо обычных 48 часов.

В капиталистических кругах Германии определенно считают, что безработица в лучшем случае не будет больше возрастать, но уж никак не сократится в течение зимних месяцев. А «Дейче Бергверкцейтунг», заявила даже, что германское хозяйство должно считаться с тем, что безработица, приблизительно в размерах английской, сделается в Германии постоянным явлением. Интересно, что и «Форвертс», центральный орган СПГ, стоит на той же точке зрения, но об'ясняет наступившую безработицу успешными мерами по рационализации производства и приходит к заключению, что если уж рабочим приходится помириться с постоянным отсутствием работы, то они должны по крайней мере

получать более удовлетворительное пособие, чем какое получают сейчас. Этот пессимизм или этот цинизм достаточно красноречив.

2) Заработная плата. О движении заработной платы германских рабочих со времени большого стабилизационного кризиса 1924 года дает понятие следующая табличка:

| МЕСЯЦЫ | Обученные рабочие. | Не обученные рабоч. |
|---|---|---|
| | (пфен. за час). | |
| Октябрь 1924 г. | 71 | 51 |
| Январь 1925 г. | 79,2 | 55,7 |
| Март » | 81,9 | 57,6 |
| Октябрь » | 92 | 65 |

Если принять во внимание наступившее со времени войны вздорожание и большую, чем прежде, обремененность немецкого рабочего налогами, податями и т. д., то получится уровень заработной платы, достигающий в лучшем случае только 70% довоенной нормы.

Все же нельзя не признать, что с октября 1924 г. произошло некоторое улучшение. Только нужно помнить, что уровень заработной платы после стабилизационного кризиса 1924 года был уровнем инфляционного периода. Дело в том, что во время стабилизационного кризиса 1924 г., и особенно после поражения в октябре 1923 г., рабочему классу не удалось согласовать заработную плату с золотым курсом; в то время, как товарные цены постепенно приспосабливались к новому курсу, заработная плата оставалась на уровне инфляционной бумажной марки. Соответствие между заработной платой и золотым курсом установилось только в течение 1925 г., чтобы теперь снова исчезнуть вследствие быстро возрастающей безработицы. Повышение абсолютной величины заработной платы отчасти сводится на-нет еще тем, что обремененность германского рабочего класса усиленными налогами возросла за то же время, по указаниям правых социал-демократических кругов, по крайней мере на 20%.

3) Рабочий день. Осенью 1924 г. об'единение германских профсоюзов доказало, на основании статистических данных, что фактически пользуются 8-часовым рабочим днем только 55% немецких рабочих. Эта цифра во всяком случае сильно преувеличена, потому что ОГПС ставило себе целью внести успокоение в массы, раздраженные фактической отменой 8-часового рабочего дня. С тех пор в вопросе о рабочем дне ничего не изменилось к лучшему. Даже «Форвертс» в общем и целом скрыто признает это в одной заметке от 30 декабря 1925 г.

Хотя реальная величина заработной платы немецких рабочих несколько повысилась сравнительно с 1924 г., все же необычайный рост безработицы свидетельствует о значительном ухудшении общего положения германских рабочих.

При самом осторожном расчете можно утверждать, что это ухудшение достигло по меньшей мере уровня весны 1924 г. Это



станет особенно правдоподобно, если вспомнить, что статистикой регистрируется только часть безработных—именно те, которые получают пособия. Даже «Франкфуртер Цейтунг» признает, что действительная безработица превосходит по крайней мере на 50% официально зарегистрированную. На основании личного опыта мы можем сказать, что число безработных, получающих пособие, составляет самое большее 40% всего количества безработных. Это приводит к фактическому количеству безработных по крайней мере в 1.600.000 чел.

### III. Причины кризиса и роль плана Дауэса.

В самой общей форме причиной нынешнего кризиса можно назвать плохой внутренний и внешний сбыт продуктов германской промышленности. Конкретно это общее выражение означает: неблагоприятный технический состав германского капитала, недостаток капиталов и высокую обремененность всего германского хозяйства. Все эти моменты вместе создают такой уровень цен, который отчасти превосходит международный рыночный уровень и уже во всяком случае не может прорвать границ, воздвигаемых международной торговой политикой—международным протекционистским движением, охватившим в последнее время и Англию. Ясно, что этими условиями определяется и недостаточность внутреннего сбыта. Было бы утопией пытаться разрешить вопрос внутреннего рынка сбыта при капиталистическом хозяйстве путем повышения заработной платы. Такое разрешение вопроса возможно только там, где техническое оборудование промышленности поставлено на американскую ногу и где заграничный рынок сбыта приносит такие прибыли, в которых может принять участие и рабочий класс через посредство высокой заработной платы. Вот где тайна высокого уровня заработной платы в Америке, а тем самым отчасти и мощного внутри-американского рынка. Расширение внутреннего рынка сбыта путем повышения покупательной силы рабочего класса будет возможно лишь после устранения указанных трудностей. Правда, и в Германии сельское хозяйство играет некоторую роль в образовании внутреннего рынка, и хороший урожай текущего года вызвал, с этой точки зрения, большие надежды в германских промышленных кругах. Но и тут тяжело дает себя знать сильный недостаток капиталов в германском сельском хозяйстве. Особенно, следует отметить тот факт, что мелкие и средние крестьяне должны были немедленно сбыть собранный хлеб, что привело к снижению хлебных цен и не создало для промышленности никакого оживления на крестьянском рынке. Реализация урожая пошла почти целиком на покрытие долговых обязательств. Из сказанного легко понять, какова роль плана Дауэса в нынешнем кризисе.

Как ни велико было значение плана Дауэса для стабилизации германской валюты, все же его выполнение привело к новым осложнениям, способствовавшим обострению кризиса. Это выразилось: 1) в общей обремененности всего германского хозяйства в связи с проведением в жизнь плана Дауэса, 2) в побочных следствиях, вызванных предоставлением кредитов, и 3) косвенно—в реакции международного капитала на разрешение германским капиталистам урегулировать заново свои торговые отношения с другими капиталистическими государствами:

а) Платежное бремя. Как велики финансовые обязательства, взятые на себя Германией в связи с планом Дауэса, видно из следующих цифр: в 1924 г. германское правительство собрало налогов на 4,455 млрд. марок, тогда как в 1914 г. общая сумма имперского налога составляла 1,9 млрд. Величина налогового бремени возросла, таким образом, на 127%. На 1925 г. имперский налог, пожалуй, несколько уменьшился. Но зато повысились коммунальные налоги, так что общее налоговое обложение 1925 г. можно без ошибки приравнять к обложению 1924 г. Коммунальное обложение повысилось в 1925 г. на 50% против мирного времени. Общее налоговое обложение составляет в 1925 г. 7,1 млрд., против 4,5 млрд. в 1913 г. Сюда присоединяется еще обремененность всего германского хозяйства теми суммами, которые должны быть внесены, согласно плану Дауэса, в 1925—26 г. из доходов железных дорог и промышленности в размере около 1 млрд. марок. А если прибавить к этому, что германский капитал в целом должен уплатить не меньшей мере 400 милл. в виде процентов по иностранным займам, то получится общая обремененность в 8,5 млрд. против приблизительно 4,8 млрд. мирного времени (в последнюю цифру включены проценты, которые германское капиталистическое хозяйство должно было уплачивать за границу). Следовательно, платежное бремя возросло примерно на 88% сравнительно с 1913 г.

Совершенно ясно, что это обстоятельство должно отразиться на уровне цен, а тем самым на конкурентной способности и на прибылях германского капитала. Тем более, что Германия несет сейчас гораздо более тяжелое финансовое бремя, чем тоже довольно тяжело обремененное капиталистическое хозяйство Англии. Та цель, которую преследовала планом Дауэса особенно Англия—недопущение слишком сильной конкуренции Германии на мировом рынке путем финансового нажима на германское хозяйство—эта цель, таким образом, достигнута.

б) Приобретенная германским капиталом возможность заново урегулировать с января 1925 г. свои торговые отношения с заграницей имела последствием то, что и английский капитал начал усиленнее прежнего повышать свои таможенные барьеры. Надежды на серьезное улучшение положения Германии, если не вполне, то в значительной мере, разбились об упорство, с каким Франция сохраняет свой высокий общий тариф. В конце концов германский капитал оказался вынужденным дополнить свою торговую политику таможенным протекционизмом. А таможенный протекционизм, затруднив доступ в страну заграничному капиталу, приведет вместе с тем к повышению цен и к ограничению возможностей германского экспорта, особенно экспорта готовых продуктов.

Таким образом, и этот второй результат плана Дауэса—новая торговая политика Германии—играет в лучшем случае двойную роль: наряду с некоторым улучшением, он приносит в то же время германскому капитализму новые трудности.

в) Иностранные кредиты. Общая сумма кредитов, полученная до сих пор Германией от иностранцев, оценивается в 3,5—4 млрд. Из них часть краткосрочных кредитов, правда, уже выплачена обратно. В общем кредиты предоставлены на очень тяжелых условиях. Средняя высота подлежащих уплате процентов даже буржуазными газетами оценивается, при учете низкого курса выпуска займов, приблизительно в 9—10%.



Хотя предоставление кредитов чрезвычайно облегчило стабилизацию германского хозяйства и даже впервые позволило пустить в ход производство в январе 1924 г., после тяжелых месяцев предшествующей весны,—все же не следует забывать, что главным образом действие этих кредитов проявилось в повышении ввоза в Германию. Увеличение избытка импорта в 1925 г. против 1924 г. связано с предоставлением кредитов непосредственной причинной связью. Интересны в этом отношении отзывы американских и английских капиталистов. Так, американский президент Кулидж заявил, что «интересы страны требуют чтобы предоставление кредитов загранице, в особенности же Европе..., проводилось по возможности только тогда, когда этим расширяется сфера возможностей для американского экспорта». («Дейче Бергверксцейтунг» от 23 апреля 1925 г.). Когда в Англии обсуждался вопрос об отмене запрещения предоставлять кредиты другим государствам, «Экономист» писал 7 ноября 1925 года: «В оживлении нашего экспорта мы нуждаемся больше всего для восстановления нашей хозяйственной жизни. Предоставление займов иностранцам бесспорно должно подействовать благоприятно в этом отношении, и мы должны поэтому приветствовать его». А во время прений по этому вопросу в нижней палате английский министр финансов Черчиль заявил: «Я доверяю здравому смыслу Сити и не сомневаюсь, что оно подойдет к этому вопросу так, чтобы преимуществом при получении кредитов воспользовались наиболее крупные заказчики».

Стало быть, при всей огромной жизненной важности иностранных кредитов для Германии, они все же оказали действие, которое может прямо-таки погубить весь план Дауэса; повысив избыток импорта, они в значительной степени создали настоящий кризис.

Если, однако, в первое время иностранные кредиты играли чрезвычайно важную роль в деле стабилизации валюты и оживления производства, то по мере дальнейшего предоставления кредитов все больше выдвигаются на первый план их отрицательные стороны. И если мы сравним избыток импорта с величиной кредитов, полученных Германией со времени вступления в силу плана Дауэса, то придем к тому парадоксальному результату, что наиболее выгодные кредиты оказались недостаточными даже для оплаты избыточного товарного ввоза в Германию. С октября 1924 г. (с этого момента мы можем считать начало фактического проведения плана Дауэса) избыток товарного ввоза в Германию составлял в круглых цифрах не меньшей мере 5 млрд. Кредитов же было предоставлено за то же время, по расчетам «Франкфуртер Цейтунг», на 3,5 млрд., а по нашим расчетам—4 млрд. Это значит, что для покрытия остающегося избытка ввоза в 1 млрд. пришлось частью прибегнуть к германским девизным резервам в самой Германии и за границей, частью же заключить долг, который можно обозначить как косвенное предоставление кредитов (т.-е. этот долг был формально обращен в кредиты). А если мы еще учтем те 800 милл. из дауэсовских займов, которые пришлось использовать не для оплаты ввоза, а для покрытия дауэсовских платежей за первый год и для обеспечения девиз-

ного фонда рейхсбанка, то окажется, что Германия должна была получить кредитов в какой-либо форме еще прибл. на 1 млрд. Общая задолженность Германии получается, таким образом, приблизительно в 6 млрд. марок. Из этой суммы только часть была употреблена производительно на рационализацию или восстановление производства. Тот факт, что в общем и целом все кредиты Германии пошли на оплату избытка импорта, имеет существенное значение. Эти кредиты явились, следовательно, как в случае частно-хозяйственного потребительского кредита, не кредитами на производительные цели, а были использованы для народно-хозяйственного потребления. Высоту одних процентов по этим долгам следует считать не меньшей мере в 450 милл.

### IV. Дальнейшие тенденции.

Описанный характер кредитов очень важен еще и в другом отношении. Поскольку торговый баланс пассивен, эти кредиты означают, что в наступающем году срочные заграничные платежи из резерва германского капиталистического хозяйства повысятся на 50%. А это значит, что в конце-концов придется затронуть и резервы рейхсбанка и что при дальнейшем сохранении пассивности торгового баланса их и хотя бы только при отсутствии его активности, и дауэсовские платежи придется, в конце-концов, покрывать либо из имеющихся еще резервов, либо за счет новых иностранных кредитов. Ясно само собой, что нелепость плана Дауэса обнаруживается здесь вполне конкретно,—нелепость, которая рано или поздно должна привести к крушению самого плана.

Впрочем, настоящий кризис делает мало вероятным, чтобы иностранцы предоставляли в дальнейшем сколько-нибудь крупные кредиты. Это означает, что в недалеком будущем Германия должна будет для покрытия своих долговых обязательств обратиться к девизному фонду рейхсбанка. Стало быть, на сцену неизбежно должна появиться снова валютная проблема, ибо как только начнется отлив девизов из рейхсбанка, так тотчас же ухудшится соотношение между выпуском банкнот и золотым и денежным фондом. Мы стоим перед угрозой, что деньги начнут выпускаться без соответствующего обеспечения. Новые кредиты могли бы только отсрочить, но не уничтожить эту опасность, покуда нет твердого активного торгового баланса. Однако, внутренняя связь между предоставлением кредитов и импортом едва ли позволит осуществиться мечтам германского капитала об активном торговом балансе.

Что нынешний кризис несет с собой угрозу для валюты, подтверждается и с другой стороны. А именно выяснилось, что разоряются далеко не один только технически-отсталые предприятия. Чисто денежные затруднения вызывают банкротства и в предприятиях высокого технического уровня. Германский рейхсбанк заметил эту опасность, и председатель банка, Шахт, считаясь с возможностью сокращения иностранных кредитов на время настоящего кризиса, решил увеличить отпуск кредитов технически-образцовым предприятиям из средств рейхсбанка. Это неизбежно приведет к увеличению банкнотного обращения, а в связи с угрозой отлива девизов из рейхсбанка такое увеличение еще ухудшит



положение валюты. Тем более, что количество находящихся в обращении банкнот возросло с июня 1924 г. на 700 милл., между тем как уровень производства именно теперь приблизился к тому же июньскому уровню, а может быть, уже и сравнялся с ним. Решение рейхсбанка вызывает опасения еще и потому, что как раз за последние недели можно уже было наблюдать отлив девизов из рейхсбанка. Впрочем, это наблюдается не в первый раз. Во время задержки иностранных кредитов в связи с выборами Гинденбурга имела место подобная же утечка девизов за границу. Тогда она составила в круглых цифрах 270 милл.; о величине теперешней утечки мы, к сожалению, еще не имеем точных данных.

Третьим моментом, осложняющим положение, является намерение агента по репарационным платежам начать операции по переводу, т.-е. приступить к обращению в иностранную валюту платежей Германии по репарационным счетам, внесенных ею, согласно принятому плану, в германских имперских марках. Это повлечет за собой усиленное предложение германской марки за границей и, стало быть, еще ухудшит положение германской валюты в такой момент, когда общее положение германского хозяйства и германской валюты и без того достаточно трудно.

Речь идет здесь, разумеется, только об основных тенденциях. Мы отнюдь не утверждаем, что крах германской валюты есть вопрос ближайших месяцев. Международный капитал еще располагает возможностями, которые позволят ему отдалить и эту катастрофу (соединение германских репарационных платежей с попытками стабилизации французского франка и т. д.). Едва ли можно ожидать смягчения настоящего кризиса и от борьбы германского капитала против высокого налогового обложения. Ибо, во-первых, небольшого ослабления налогового пресса теперь уже будет недостаточно для устранения или смягчения кризиса. А во-вторых, этот кризис автоматически влечет за собой такое сокращение налоговых поступлений, при котором предполагавшиеся излишки окажутся существующими только на бумаге, так что германское правительство не сможет допустить дальнейших послаблений

Перспективы развития торговых сношений Германии с другими капиталистическими странами также не сулят особенных выгод германскому капиталу. В области торговли с Англией может даже произойти ухудшение, потому что результаты усиленных протекционистских мероприятий Англии скажутся только через несколько месяцев. Затяжной кризис франка еще только увеличит избыток французского ввоза в Германию. Действительно улучшить положение сможет только стабилизация франка, которая, конечно, сильно затормозит массовый экспорт Франции. Но если, несомненно, что франк в конце-концов будет стабилизован, то вопрос о том, когда это произойдет, остается открытым, а несколько месяцев составляют для Германии, при нынешнем кризисе, весьма значительный срок. Из всего вышесказанного ясно, что план Дауэса является не только одной из причин настоящего кризиса, но что он усиливает также те тенденции, которые ведут к его дальнейшему обострению.

Есть, однако, и обратные тенденции, действующие в направлении преодоления или по крайней мере смягчения кризиса.

Такие тенденции мы находим, во-первых, в мерах по рационализаций германской промышленности; во-вторых, в попытках трестирования целых отраслей производства; и, в-третьих, в усиливающемся давлении на рабочий класс и в возрастающей агитации против плана Дауэса.

1) Стремление германского капитала к рационализации производства увенчалось наибольшим успехом в тяжелой и автомобильной промышленности, но успех этот все же ограничен вследствие недостатка капиталов. Особенно потому, что притекавший до сих пор в Германию капитал лишь в незначительной своей части мог быть использован в целях рационализации, в главной же своей массе шел на уплату долгов по импорту. В результате размеры рационализации так невелики, что она не оказала заметного влияния в смысле продотвращения кризиса даже в автомобильной промышленности. Кризис германской автомобильной промышленности резко выявлен и широко распространен: он охватил как отсталые, так и наилучшие предприятия, оборудованные по последнему слову техники.

2) Трестирование, являющееся тоже своего рода рационализацией, приобретает особенное значение потому, что, вследствие об'единения целых отраслей промышленности, чрезвычайно усиливается концентрация капиталов и суживается связь между банковским и промышленным капиталом, а также связь иностранного финансового капитала с об'единяемыми отраслями промышленности. Трестирование означает, далее, усиление позиции буржуазии против рабочего класса, что уже вполне явственно обнаружилось при некоторых стачках, например, при последней большой стачке в химической промышленности. Но если трестирование приводит к рационализации всего производственного и коммерческого аппарата об'единяемых отраслей, то оно заключает в себе в то же время тенденцию к созданию монопольных цен, что ослабляет или даже совсем уничтожает те моменты, которые могли бы задержать развитие кризиса.

3) Ограниченность сферы действия перечисленных мероприятий приводит к попытке усилить давление на рабочий класс, чтобы таким образом ликвидировать кризис посредством снижения цен. Эти попытки находят себе опору в том, что почти совсем прекратилось всякое движение в пользу поднятия зарплаты—факт, находящийся в теснейшей связи с ростом безработицы.

4) Параллельно с названными явлениями идет усиление пропаганды против плана Дауэса. Она ведется не только крайними националистическими элементами, но начинает прививаться и в таких промышленных кругах, которые до сих пор стояли в общем на почве германской народной партии, т.-е. Штреземана. Эта пропаганда встречает поддержку в течении, исходящим от некоторой части английского капитала и от некоторых кругов особенно заинтересованного в Германии американского капитала, так что вполне возможно, что с течением времени она будет иметь успех, тем более, что уже сейчас с американской стороны делается попытка урегулировать вопрос о почти всеобщей задолженности всех стран перед Америкой путем введения однообразия в порядок уплаты причитающихся процентов. Насколько это практически осуществимо, теперь еще нельзя сказать. Во всяком случае подобные попытки будут, вероятно, продолжаться.



**Заключение.**

При сравнительной оценке дальнейших тенденций нынешнего германского кризиса перевес оказывается на стороне таких моментов, которые заставляют считаться с возможностью длительной затяжки кризиса. В то же время следует, однако, подчеркнуть, что хотя настоящий кризис уже является кризисом стабилизации и, следовательно, кризисом самого плана Дауэса, все-таки в ближайшем будущем нельзя рассчитывать на крушение всего плана и германской валюты. Часто проводившаяся параллель между настоящим кризисом и октябрьским кризисом 1923 г. является поэтому несостоятельной. При оценке общего положения Германии приходится признать, что о каких-нибудь политических осложнениях сейчас не может быть и речи, и в течение ближайших месяцев едва ли можно ожидать появления подобных осложнений.

Тем не менее, было бы большой ошибкой недооценивать социальное значение нынешнего глубоко проникающего кризиса. Он создаст об'ективные предпосылки для обострения, с одной стороны, противоречий внутри буржуазии, а с другой—противоречия между определенно реформистскими кругами рабочего движения и приходящими в волнение подлинно пролетарскими массами Германии. Так, например, уже сейчас наблюдается сильное брожение среди чиновничества,—разумеется, в его низших слоях. К этим двум противоречиям присоединяется еще третье, весьма важное для развертывания классовой борьбы и революционного классового сознания в Германии: растущее противоречие между германской буржуазией, которую нынешний кризис все сильнее толкает к западной ориентации, и рабочим классом, который под влиянием того же кризиса все определеннее ориентируется на Восток. Все эти моменты, ведущие к обострению классовой борьбы, еще усилятся после неизбежного в конце концов вступления социал-демократии в буржуазное правительство. Но отличие этого нового коалиционного правительства от прежних будет заключаться именно в том, что на этот раз одновременно действуют все три перечисленные момента, дополняя и усиливая друг друга. И поэтому социальные последствия настоящего кризиса развернутся более широко, чем это обыкновенно бывает при кризисах, не ведущих прямо к катастрофе. Организационное же использование этих последствий должно быть делом германской коммунистической партии.

*Р. Вайсберг.*

# „Госкапитализм“, специалисты и наша критика.

«Основной хозяйственной формой явился государственный капитализм, известный больше под сокращенным названием нэп». Читатель, вероятно, подумает, что эти слова принадлежат товарищу Сафарову или Гладневу и что напечатаны они в «Ленинградской Правде» в тот период, когда эта газета была фракционной? Отнюдь нет. Приведенные нами слова принадлежат не коммунисту, но беспартийному. Автор их — старый почтенный профессор И. Г. Александров, который в свое время был видным представителем сменовеховского течения.

Запоздалый отклик сменовеховства нашел свое выражение в отдельной книжке «Основы хозяйственного районирования СССР»[1]. На стр. 18 этой книжки и написаны те слова, которые приведены нами вначале.

В этой книжке ставится знак равенства между новой экономической политикой и государственным капитализмом.

Критикуя свыше года тому назад слова Александрова, пишущий эти строки заметил: «Итак, государственный капитализм олицетворяется нэпом. Об'яснение гениальное и всеоб'емлющее, только оно немного с политграмотой расходится... Над этим самым нэпом господствуют такие силы, которые не дают возможности «восстанавливать хозяйство в той форме, как это было бы желательно» (слова Александрова. *Р. В.*). Виной тому просто то, что из гражданской войны «Россия» вышла «в значительной степени с новыми людьми во главе» (слова Александрова. *Р. В.*). Классы тут, конечно, не при чем»...[2].

Вообще «Основы» Александрова изобилуют рядом сомнительных и неверных положений. Естественно, что эта книжка, несмотря на ряд и достоинств была встречена не совсем дружелюбно. В ответ на ту критику, которую книжка Александрова нашла в «Большевике» и в «Плановом Хозяйстве»[3]) автор выступил недавно с письмом в редакцию[4]). В этом письме Александров, между прочим, настаивает на правильности своего понимания нашей экономической системы, как госкапиталистической. Считая неправильной мою критику его точки зрения,

---

[1]) См. Экономическая библиотека под редакцией проф. С. А. Фалькнера. Проф. И. Г. Александров, «Основы хозяйственного районирования СССР». Изд-во «Экономическая Жизнь». Москва,—Ленинград, 1924 г.

[2]) См. «Плановое хозяйство», № 1 за 1925 год, стр. 263—4.

[3]) «Большевик» № 5—6 за 1925 год и «Плановое хозяйство» № 1 и 3 за 1925 год.

[4]) См. «Плановое хозяйство» № 11 за 1925 год.



он пишет следующее: «Другой критик Ефимов[1]) обращается со мною несколько мягче... добавляя к моим грехам еще один — политическую безграмотность, так как я-де отождествляю новую экономическую политику с государственным капитализмом. Тут я думаю, что критик сам забыл политграмоту, пусть прочтет статью В. И. Ленина «О продналоге», а потом уже пишет рецензии»[2]).

Мы не будем здесь заниматься опровержением по существу точки зрения проф. Александрова на нэп и доказывать полную неосновательность его ссылок на брошюру «О продналоге». Случилось так, что партия совсем недавно разбирала эту точку зрения, защищавшуюся уже не проф. Александровым, а внутрипартийной оппозицией. Разоблачению ошибки в понимании нэпа, как госкапитализма, было посвящено очень много речей и статей, есть и решения партийного с'езда по этому вопросу.

Проф. Александров не член нашей партии, он не обязан считаться с решениями ее с'езда, но, с нашей точки зрения, повторять здесь против проф. Александрова еще и еще раз всем известные доводы не имеет смысла.

Что мы хотим отметить здесь, так это тот факт, что для подкрепления своих неправильных взглядов на госкапитализм и на другие вопросы советской действительности Александров ссылается на свои заслуги перед Советской властью. Так он упоминает, о том, что под его руководством был составлен доклад по районированию для III сессии ВЦИК, что в свое время даже тов. Ленин одобрил его тезисы и т. д. Всего этого мы не отрицаем. Более того, мы можем добавить, что заслуги проф. Александрова этим не исчерпываются. Он имеет несомненные и большие заслуги, особенно по вопросам районирования, и их, конечно, никто умалять не собирается. Но проф. Александров выражает горькую обиду за свою «личность». «Мои критики,— возмущается он,—раздваивают мою личность: сменовеховство— это я, а районирование, его теоретическая разработка,—это уже как будто и не я»[3]).

Да, уважаемый профессор Александров, «раздвоение» есть, но оно не является виной критики, которую вы, в припадке красноречия величаете, как «хлесткую и злобную ругань»[4]). Оно не является и вашей личной виной, а вашей бедой. Это беда человека, который перешел к пролетариату, строит вместе с ним и пытается мыслить вместе с рабочим классом, но время от времени еще впадает во власть отдельных буржуазных предрассудков. Это беда не индивидуальная, но социальная: беда целого общественного слоя, т. н. технической интеллигенции, которая строит социализм вместе с рабочим классом и его партией, но еще недостаточно опролетаризировалась идеологически и в отдельные моменты политически спотыкается.

Мы охотно соглашаемся с проф. Александровым, когда он говорит: «Не трудно видеть, что та постановка районирования, которую я проводил всегда и защищаю теперь, есть система, не-

---

[1]) Заметки по поводу книги Александрова в № 1 и 3 «Планового хозяйства» за 1925 год помещены мною за подписью «Р. Ефимов» (*Р. В*).

[2]) См. «Плановое хозяйство» № 11, стр. 299.

[3]) И. Г. Александров, „Письмо“. «Плановое хозяйство» № 11, стр. 300.

[4]) Там же, стр. 301.

свойственная никакому хозяйству, кроме социалистического или переходного к нему»[1]).

Октябрьская революция освободила производительные силы страны от капиталистических препон и открыла невиданные нигде еще общественные горизонты, при наличии которых и возможно свободное развитие производительных сил. Поэтому техническая интеллигенция (ее идейные элементы), преданная своему делу, не может не итти нога в ногу с пролетариатом, строящим новый мир. Она, помимо ряда других причин, именно потому сравнительно быстро примкнула к нам, что для развития техники больше всего возможностей открывает коммунистический строй, а как переход к нему созданные у нас в СССР общественные отношения. С другой стороны, и пролетариат заинтересован в дружной совместной работе с технической интеллигенцией. Наша партия неоднократно декларировала свое внимательное и бережное отношение к специалистам.

Выступая категорически и решительно против малейших попыток «спецеедства», партия не может, однако, вместе с тем замалчивать те идеологические вывихи, которые замечаются со стороны отдельных специалистов. Такое замалчивание было бы худшим видом оппортунизма, противоречащим духу и истории нашей партии.

Александров, не согласный с направленной против него критикой, заявляет, что «читающую и ищущую света массу от подобной критики надо тщательно оберечь»[2]).

Апелляция к интересам читательской массы—дело разумное и правильное. Но эти самые читательские интересы и требуют, чтобы критика разоблачала те неправильные взгляды, которые имеются в таких книжках, как книжка проф. Александрова.

Партийная критика выступала бы в роли предателя читательских интересов, если бы она не брала за ушко и не вытаскивала бы на солнышко рискованные и явно неправильные политические мысли, заключенные в издающихся нами книгах. Такие мысли в книжке проф. Александрова, правда, не сгруппированы в одной главе. Но это сути дела не меняет. Отсутствие у автора даже попытки дать специальную главку, увязывающую проблему районирования с основными вопросами советской политики, не делает чести даже его методологии. Если у Александрова и была предвзятая мысль о том, чтобы не «соваться в политику», то, она, во-первых, неправомерна с точки зрения избранной им темы, а, во-вторых, она ему не удалась. Поэтому и получилось, в конечном счете, что во многих местах Александровской книги некоторые перлы политической мудрости бросаются на лету, походя. А перлы эти, вкрапленные только «между прочим» в одних местах двусмысленны, а в других отдают антисоветским душком. А когда критика делает свое правильное дело, вскрывая такие (быть может невольные) ошибки авторов, то ей отвечают: а личность? а хорошее отношение к специалистам? а борьба со «спецеедством»?

В том-то и дело, что о хорошей личности проф. Александрова ничего неизвестно той широкой рабочей и интеллигентной чита-

[1]) Там же, стр. 200.
[2]) Там же, стр. 301.



ющей массе, о которой говорит Александров. А несовсем хорошая книжка, написанная хорошим человеком, идет в руки читателя. Спрашивается, о чем должна критика говорить читателю—о «личности», которую ни критик, ни читатель не знают, или о книжке, которую читатель получает и читает? Достаточно поставить вопрос под углом зрения общественных интересов, чтобы понять всю вздорность замалчивания ошибок книги во имя интересов «личности».

Есть ли в этом «спецеедство»? Ни на йоту. Это только ограждение пролетарской идеологии от классово-чуждых и фальшивых ноток, которые, быть может, помимо своей собственной воли, вносят люди, еще недостаточно освободившиеся от буржуазного образа мышления.

Борьба со «спецеедством» не может означать санкционирования борьбы с коммунистической идеологией. Сотрудничество со специалистами не может достигаться ценой идеологических уступок.

Помимо своих заслуг, Александров ищет своего оправдания в слабостях собственного литературного стиля.

«Причиной (т.-е. причиной некоторого «конфуза» с его книжкой. *Р. В.*)—говорит он—была может быть и форма изложения, так как, несмотря на свой небольшой об'ем, книжка совершенно не носит популярного характера и предназначена для совершенно грамотного в экономике читателя»[1]).

Мы не станем углубляться здесь в вопрос о том, в чем действительная причина такого печального явления: в шалостях литературного стиля или в том, что автор находится в некоторой степени под властью неизжитой сменовеховской идеологии? Мы не беремся отвечать на этот вопрос, ибо вовсе не хотим, чтобы уважаемый профессор приписывал нам в какой бы то ни было мере попытку «чтения в сердцах».

Но не лишнее, в связи с этим, показать читателю, что в тех случаях, когда Александров считает необходимым говорить ясным политическим языком, литературный стиль ему не изменяет. Мы приводим здесь один отрывок из «письма» Александрова—и позволим себе привести этот отрывок полностью,—ибо он представляет собою в высшей степени интересную «политическую декларацию» о сменовеховстве.

«Я хотел бы сказать дальше о сменовеховстве и о пользовании этим именем для разных определений,—пишет проф. Александров.—Ведь сменовеховство появилось у нас на сравнительно короткий период, как такое течение в публицистике, которое стремилось показать среднему интеллигенту, что в коммунизме для него ничего страшного не заключается. Работай добросовестно, а там история сама приведет большевиков к опасной пристани, произойдет их «обмирщение» по выражению проф. Устрялова, об'явятся все свободы и пр. Коммунистам сменовеховцы выставляли другое утешение: пусть все работают под знаменем советов, это ничего, что некоторые будут думать, что вы обмирщитесь, ведь это все ни к чему не обязывает и т. д.

«Такое наивное заигрывание не продолжалось и года, да и не могло продержаться, так как не было надобности в том,

[1]) Там же, стр. 298.

мелком влиянии, которое сменовеховство устраивало из политики, в серьезнейший исторический период».

«При нарастающем мировом катаклизме между трудом и капиталом мелочь сменовеховства не могла иметь успеха.

«Современная жизнь все меньше места оставляет среднему мнению, никакие временные успехи капитализма, которые сейчас можно наблюдать в Европе, не могут закрыть пропасти, которая нарастает в самых глубинах жизни. Нет середины,—или с революцией, или против нее. Колеблющиеся должны выбрать свой лагерь и больше нет пути не только у нас, но за пределами Союза. Самая ожесточенная борьба ведется сейчас за то, чтобы отвоевать побольше людей в среде малосознательных и средних слоев, но для этих слоев все же нет выбора в сторону сменовеховства—мирно дожидаться пока коммунизм обмякнет. Этого в настоящей исторической обстановке не может быть по совершенно об'ективным условиям, и это все хорошо знают.

«Можно, конечно, притворившись сторонником власти Советов, стараться извратить политику коммунистической партии, вводить ее в заблуждение, портить дело ловкими маневрами. Это, конечно, возможно, да и имеет место в жизни, но это уже не сменовеховство, а самая злостная борьба.

«Не только смешное сменовеховство, а и более умный меньшевизм не мог выдержать средней линии и либо лишился значительной части своих сторонников, либо ориентировался ярко против революции, а в рядах меньшевизма мы знали таких политиков, старых революционеров, людей добросовестных, как Мартов, Плеханов и др., но это не спасло от крушения, так как во время боя нельзя быть соглашателем нейтральным и вместе с тем играть роль в политике. Два мира стоят один против другого и нет середины»[1]).

Мы привели эту длинную выписку потому, что мы вовсе не намерены замалчивать и затушевывать то положительное, что имеется в «письме» проф. Александрова.

В высшей степени показательно то обстоятельство, что такие ясные, отчеканенные, политические мысли исходят от профессора Александрова, одного из виднейших представителей сменовеховства, этого «вышедшего из политического употребления течения».

Характеристику этой декларации мы находим в ответе редакции «Планового Хозяйства» на письмо Александрова.

Редакция пишет: «Не жалея красок, Александров бичует сменовеховскую политику, как «наивное заигрывание» и «мелкое влияние». Открещиваясь с некоторым запозданием (впрочем, лучше поздно, чем никогда) от «золотой» сменовеховской середины, Александров заявляет о том, что он видит для себя место на революционной стороне баррикады. Более того, он старается показать, что именно проблемы советского хозяйства, именно стремление понять нашу экономическую действительность заставляют его занять такую позицию. Правда, все это весьма мало похоже на то, что принято называть анализом общественно-политических отношений, анализом и характеристикой политических партий и течений. Однако, от человека, который проявил себя всего лишь год тому назад такой книгой, как «Основы хозяйственного районирования», мы не станем требовать, чтобы он давал марксистский анализ общественных отношений. Мы, наоборот, с удовлетворением принимаем те политические заявления (а в искренности их мы не сомневаемся), которые делает в «письме» своем профессор Александров. Они с категорической ясностью свидетельствуют, что автор их поднялся выше одной политической ступенью»[1]).

[1]) Там же, стр. 293—300 (курсив наш. *Р. В*).



Следует учесть, что такое ценное признание со стороны бывшего сменовеховца явилось в результате той беспощадной критики, которую встретили его ошибочные положения.

Не свидетельствует ли это о том, что правильная идейная марксистско-ленинская критика не отталкивает от нас ценных специалистов, не является «спецеедством», как ошибочно думают даже некоторые партийные товарищи, но, наоборот, способствует установлению общего языка между нами и той технической интеллигенцией, которая вчера еще всецело была во власти буржуазного миропонимания?

Общее миропонимание можно пытаться устанавливать двояким путем. Первый путь—покровительственное замалчивание тех буржуазных отрыжек, которые то и дело выпирают из разных углов нашей «спецовской» литературы. Это дает ложное представление и авторам и читателям о наших действительных взглядах. Второй: последовательное, коммунистически-выдержанное разоблачение невольных и вольных заблуждений тех беспартийных людей, которые работают с нами, упорное и длительное об'яснение того, что в каждом отдельном случае является правильным и неправильным с нашей точки зрения. Этот путь полезен и для авторов и для читателя.

Какой путь и честнее, и вернее? На этот счет вряд ли могут быть сомнения.

[1]) Там же, стр. 301.

# ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

*Н. Попов.*

## По поводу рецензии на мою книгу.

В № 3 «Большевика» помещена рецензия Эм. Газа на мою книгу «Очерк истории РКП». Так как эта рецензия построена отчасти на непонимании, отчасти на прямом извращении моих мыслей и поэтому может вызвать у читателя «Большевика» самое неправильное мнение о книге, я вынужден высказаться по существу рецензии.

Автор рецензии с места в карьер приписывает (или лучше сказать пришивает) мне взгляд на интеллигенцию как на «особую самодовлеющую силу (курсив мой. *Н. П.*), в борьбе за свои собственные интересы опирающуюся и использовывающую (использующую? *Н. П.*) то тот, то другой класс» («Большевик», № 3, стр. 97).

Что у отдельных групп интеллигенции могут быть «собственные групповые интересы», это разумеется, факт, но чтобы интеллигенция как целое представляла собой «особую самодовлеющую силу»—это мнение во всяком случае не мое, а скорее самого автора рецензии.

Ибо в конце 97-й страницы «Большевика», несколькими строками ниже только что цитированного места Эм. Газ заявляет:

> «Последнюю (интеллигенцию. *Н. П.*) нельзя рассматривать как нечто единое, а следует помнить, что в капиталистическом обществе, продуктом которого интеллигенция является, она политически выступает не столько как интеллигенция вообще (курсив мой. *Н. П.*), сколько как буржуазная, пролетарская и мелко-буржуазная интеллигенция».

В отличие от Эм. Газа я считаю, что в капиталистическом обществе интеллигенция не по большей части, не «постольку-поскольку», а всегда выступает как представительница или как часть определенного класса (классовой прослойки): крупной буржуазии, мелкой буржуазии, пролетариата.

Бесчисленное количество раз на страницах своей книги я называю интеллигенцию, как массовую участницу революционного движения 70-х, 80-х, 90-х годов в России, мелко-буржуазной. Одно из таких мест приводит сам Эм. Газ в своей рецензии.

> «Если с классовой точки зрения подойти к движению революционеров-народников 70-х годов, то мы увидим в этом движении определенные интересы мелко-буржуазной разночинной интеллигенции и только (курсив книги, стр. 26).



Таким образом, речь идет о мелко-буржуазной интеллигенции, а не об интеллигенции вообще. Правда, в этой цитате Эм. Газ пытается найти у меня другую погрешность, отрыв народничества 70-х годов от мелкого производителя, от крестьянства. Чтобы убедить меня в связи народничества 70-х годов с крестьянством, Эм. Газ приводит даже цитаты из Ленина. Но здесь он совершенно напрасно, хотя и вооруженный с ног до головы цитатами из Ленина, ломится в открытую дверь.

Ибо в самом начале книги на стр. 7 я говорю о представителях нашей народнической интеллигенции 70-х годов:

> «Они остаются плоть от плоти, кость от кости тех общественных слоев, откуда они вышли: мелкого мещанства, крестьянства (курсив мой. *Н. П.*), чувствовавших на себе всю тяжесть государственной, полицейской, бюрократической машины».

И на той же странице несколькими строками ниже:

> «Это одно (полуазиатский характер государственного строя. *Н. П.*) порождает среди развивающейся интеллигенции, частью связанной с растущей буржуазией, частью с освобожденным крестьянством (курсив мой. *Н. П.*) известное недовольство существующим строем».

Была ли мелко-буржуазная интеллигенция, связанная частью с крестьянством, частью с городским мещанством, частью с растущей буржуазией при наличности у отдельных своих групп специфических групповых интересов—была ли эта мелко-буржуазная интеллигенция основной силой революционного движения в России до начала 90-х годов, до начала широкого движения рабочего класса? Да, была.

Пыталась ли она (безуспешно) привлечь в сторону своей борьбы крестьянство, с которым часть ее была органически связана? Да, пыталась.

Имели ли место аналогичные попытки по отношению к рабочему классу в 90 годы, в года блаженной памяти экономизма и легального марксизма? Да, имели. Борьба легального марксизма с народничеством вовсе не была борьбой между интересами капитала и труда, как хочет нас убедить Эм. Газ [1]). Если бы мы стали на эту, более, чем странную, точку зрения, то пришлось бы признать, что Ленин и Плеханов, выступавшие одно время вместе с легальными марксистами против народников, защищали интересы капитала против интересов труда.

Борьба между легальным марксизмом и народничеством отражала крупные социальные процессы, происходившие в нашей стране и вместе с тем отражала пестрый разноцветный характер мелко-буржуазной интеллигенции. Та часть ее, которая представляла городское мещанство (связанное с буржуазией, с одной стороны, с пролетариатом—с другой), тяготела к легальному марксизму (и к экономизму) [2]), другая часть интеллигенции, свя-

[1]) Всякому известно —пишет Эм. Газ,—что марксизм Струве, Туган Барановского и т. д. занимал позицию, диаметрально противоположную народничеству. Первый исходил из интересов капитала (курсив автора рецензии), последнее из интересов труда (курсив его же), хотя плохо понятых и еще хуже защищаемых.

[2]) М. Н. Покровский говорит о легальном марксизме, как о попытке приспособить учение Маркса к запросам и потребностям массы русской интеллигенции (см. «Русская история в самом сжатом очерке», ч. 3, стр. 64). Разумеется, т. Покровский имеет в виду не всю интеллигенцию целиком.

занная с крестьянством (в том числе и с его верхушечными слоями), тяготела к народничеству.

Блок легальных марксистов с революционными имел место до тех пор и постольку, пока и поскольку речь шла о защите интересов экономического развития в целом, поднятия производительных сил, в котором заинтересованы как мелко-буржуазная интеллигенция, так и пролетариат. Потом внутри марксизма произошла дифференциация, некоторые из бывших легальных марксистов превратились в буржуазных либералов, перестав быть марксистами.

Так обстояло дело в действительности, а не по смехотворной схеме Эм. Газа, согласно которой легальные марксисты были простыми защитниками капитала.

Кстати, отметим, что народничество 90-х годов, зачисляемое Эм. Газом по ведомству «труда», вовсе уже не отличалось такой невинностью по отношению к капиталу, как это кажется Эм. Газу. Через верхушечные слои крестьянства оно связывалось с интересами капиталистического земледелия. Близость народников 90-х годов к либералам, защищавшим эти интересы, общеизвестна и неоднократно отмечалась т. Лениным. Достаточно вспомнить о «Русской Мысли» Гольцева, о «Русских Ведомостях», на страницах которых либеральные профессора (Каблуков, Чупров и др.) писали почти что в народническом духе.

Те два течения среди мелко-буржуазной интеллигенции (выделяемой мещанством и крестьянством), которые столкнулись между собой в 90-х годах в лице народничества и легального марксизма вылились (после превращения части легальных марксистов в либералов) в меньшевистскую партию, с одной стороны, и эсеровскую—с другой. Первой временами удавалось вести за собой часть пролетариата, вторая в дальнейшем связалась с крестьянством.

И там, и здесь мы имели перед собой попытки подчинить буржуазному руководящему влиянию рабочий класс и крестьянство.

Эм. Газ не имел ни малейшего основания приписывать мне «лавристский» взгляд на интеллигенцию, как на какую-то самодовлеющую, внеклассовую (ибо Лавров говорит о внеклассовой интеллигенции) силу. Эм. Газ обнаружил самое чудовищное представление о борьбе народничества с легальным марксизмом. Эм. Газ не связал концы с концами собственных взглядов на интеллигенцию.

Так обстоит дело с первым пунктом рецензии Эм. Газа.

Второй пункт касается отношения нашей партии к крестьянству, как оно изложено в моей книге.

«Здесь,—заявляет Эм. Газ,—мы принуждены констатировать, по меньшей мере, глубокую путаницу в изложении т. Попова. Методологическая ошибка нашего автора та же, что и отмеченная выше по вопросу об интеллигенции—сплошная постановка вопроса о крестьянстве, как целом, приводит т. Попова к неразличению «цветов» внутри этого, якобы единого, крестьянства. Между тем, различное отношение партии пролетариата к различным слоям крестьянства на различных этапах исторического развития всегда составляло характерную и отличительную черту большевизма. Мы говорим отличительную, так как именно это отличало большевизм в данном вопросе от меньшевиков, сплошь зачислявших крестьянство в лагерь реакции».



То, что меньшевики сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции (речь идет о революции 1905—06 г.г.), является, конечно, сплошным стопроцентным вздором. Известные реакционно-мещанские тенденции крестьянского движения (1905—06 г.г.) констатировали не только меньшевики, но и большевики. Меньшевики в отличие от большевиков **недооценивали** революционного значения крестьянского движения, считали, что крестьянство будет идти на буксире у либеральной буржуазии, у городской буржуазной демократии, всегда готовы были торговаться поэтому с либеральной буржуазией за счет крестьянства (их постоянный отказ от требования конфискации земли без выкупа), но сказать, что меньшевики сплошь зачисляли крестьянство в лагерь реакции, значит иметь очень туманное и путаное представление об истории нашей революции и нашей партии.

Это между прочим. Вернемся к основному обвинению автора этих строк Эм. Газом в сплошной постановке крестьянского вопроса (в частности, в главах о революции 1905—06 г.г.). Эм. Газ утверждает, что наша партия в 1905 году «умела четко разграничивать **революционные устремления** всего крестьянства от присущих некоторой его части мещански-реакционных тенденций». Что из этого следует? Не то ли, что даже сам Эм. Газ признает наличность в 1905 году «революционных устремлений всего крестьянства». Да и смешно бы было их отрицать даже Эм. Газу. Сотни раз Ленин говорил и писал в 1905 г. о революционности всего крестьянства по отношению к пережиткам крепостничества, к царизму, к помещичьему землевладению. Мог ли Ленин иначе ставить вопрос о демократической диктатуре пролетариата **и крестьянства** (сплошная постановка вопроса!). Почему тогда Эм. Газ не выступает против Ленина и чего ему, собственно, от меня нужно?

Эм. Газ, якобы в противовес мне, заявляет, что большевики «во всех случаях и при всех обстоятельствах подчеркивали необходимость самостоятельной организации сельского пролетариата». Очень приятно. Я это знаю сам нисколько не хуже Эм. Газа и говорю об этом на стр. 128 своей книги, касаясь IV с'езда. Что же дальше? Оказывается, в распоряжении Эм. Газа имеется самое решающее обвинение против меня. По его словам, я полагаю, что крестьянство в целом должно остаться союзником пролетариата и после доведения буржуазно-демократической революции до конца и после перерастания ее в революцию социалистическую.

Если бы я действительно держался такого взгляда и где-нибудь на страницах книги его высказал, Эм Газ был бы совершенно прав, обвиняя меня в отступлении от ленинской трактовки крестьянского вопроса. Но в том-то и беда Эм. Газа, что я этого нигде в книге не говорю, а говорю совершенно противоположное.

На стр. 91 (примечание) приводится следующая цитата из Ленина:

«При условии революционно-демократической диктатуры мы мобилизуем десятки миллионов городской и **дере-**

ве иской бедноты, мы сделаем из русской политической революции пролог европейского социалистического переворота».

На стр. 98-й приводится другая цитата, опять-таки из Ленина:

> «Когда фактом будет не только революция, а полная победа революции, тогда мы подменим лозунг демократической диктатуры лозунгом социалистической диктатуры пролетариата (курсив мой. *Н. П.*).

Эм. Газ не нашел другого способа доказательства приписанного им мне отступления от ленинизма, кроме открытой и прямой фальсификации цитаты (мы вынуждены называть факт его настоящим именем).

Не угодно ли полюбоваться? Эм. Газ выписывает такую «цитату» из моей книги:

> «В газете «Вперед» он (Ленин) поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным союзником пролетариата... потому что наша революция в случае своего успеха будет прологом революции социалистической».

«Это «потому что» прямо замечательно»,—восклицает Эм. Газ. Но, по нашему мнению, гораздо замечательнее то многоточие, которое стоит перед ним. Если читатель поинтересуется соответствующим местом книги (стр. 93), то цитата (без многоточия) примет следующий натуральный вид:

> «В газете «Вперед» он (Ленин) поместил ряд статей, в которых доказывал, что крестьянство в настоящей революции является самым надежным и верным союзником пролетариата, в то время, как либеральная буржуазия, заинтересованная в соглашении с царизмом, имеет все основания бояться доведения революции до конца, потому что наша революция в случае своего полного успеха будет прологом революции социалистической».

Курсивом набрано место, замененное Эм. Газом в своей рецензии многоточием. Если вставить его куда следует, получится полное расхождение с тем смыслом, который хочет приписать мне ловкий автор рецензии. Не потому крестьянство является надежным и верным союзником пролетариата, что наша революция является прологом революции социалистической (такой взгляд, приписываемый мне Эм. Газом, действительно не имел бы ничего общего с ленинизмом), а потому либеральная буржуазия имеет все основания бояться доведения революции до конца, что наша революция является прологом революции социалистической.

Бесподобнее всего тут восхищение, которое вырывается из-под пера Эм. Газа после проделанной им операции над цитатой. «Это замечательно»—действительно замечательно!

Признаться, очень нелегко вести дальнейшую полемику с Эм. Газом, допускающим приемы, от характеристики которых мы воздерживаемся только потому, что эту характеристику без



нас дадут сами читатели [1]). Но приходится бегло ответить еще на ряд его полемических красот.

Эм. Газ упрекает меня в том, что я свел роль комбедов в 1918 году к выкачиванию хлеба, не указавши, что они одновременно занимались экспроприацией орудий производства, земли и т. д. Сам Эм. Газ называет комбеды «органами социалистической революции и диктатуры пролетариата в деревне». Мне кажется, что называть их так теперь не годится, хотя это можно было делать в 1918 году. Из такого определения кое-кто сделает заключение, что с роспуском комбедов социалистическая революция и диктатура пролетариата в деревне не имеют больше места. Точнее и правильнее назвать комбеды орудием экспроприации кулачества, кулацких излишков (разумеется, не только хлеба, под излишками всегда подразумевалась также земля и инвентарь). Так я и называл комбеды на стр. 242-й книги. Эм. Газ почему-то не привел этой цитаты и ограничился другой, в которой речь шла только о хлебе. Разумеется, по сравнению с тем фокусом, который он проделал с многоточием—это несущественная мелочь.

О расслоении крестьянства после революции 1905 года, о классовой борьбе в деревне в последующие периоды, о нашем «различном отношении к различным слоям крестьянства» в книге моей имеется так много мест, что было бы скучно их все приводить (см. стр. 138, 140, 234, 238, 243, 244 и т. д., и т. д., и т. д.).

Я могу теперь оставить основную часть рецензии Эм. Газа, которая говорит об «основных ошибках тов. Попова». Какова ее ценность, читатель может судить сам.

Эм. Газ обвиняет меня дальше в неверной трактовке нэпа и чуть ли не в защите точки зрения новой оппозиции на нэп. Само собой разумеется, если бы моя книга была сдана в печать после XIV с'езда или даже накануне с'езда, пришлось бы заострить и дополнить многие ее формулировки не только насчет нэпа. Но, как известно, каждому державшему в руках книгу, она составилась из лекций, читанных автором еще в 1924 и начале 1925 года. Сдана в набор книга 10 августа 1925 года, что видно из даты предисловия. Но то, что есть в книге, нисколько не противоречит точке зрения партии на нэп. Что партия считает теперь нэп единственно правильной тактикой захватившего власть рабочего класса не только в отсталых странах, но и в странах капиталистически развитых—святая истина. Однако, к такому взгляду мы пришли только к концу 1922 года, к IV Конгрессу Коминтерна. В моей книге не дается общая оценка нэпа, а говорится, как мы пришли к нэпу, что толкнуло партию отступить от законченной системы военного коммунизма, после ликвидации последних остатков свободной торговли, накануне уже об'явленного упразднения денег. У меня в книге сказано, что причиной перехода партии от военного коммунизма к нэпу был кризис Советской власти, хозяйственные затруднения. Были ли связаны они с затяжкой международной революции? Разумеется, были. Так это понимала и осязала

---

[1]) Нет никакой возможности об'яснить «извращение» цитаты случайным «пропуском». Предательское многоточие осталось на «месте преступления» и выдает его автора с головой.

в свое время вся партия. Так говорил Ленин на X с'езде в докладе о продналоге, когда мы еще не видели ближайших перспектив новой экономической политики, не знали, в какие формы она отольется и, разумеется, не могли оценить полностью ее значения в интернациональном масштабе.

> «Мы знаем,—говорил тогда Ленин,—что только соглашение с крестьянством может спасти социалистическую революцию в России, пока не наступила революция в других странах».

Видеть в простой констатации того факта, что нас в конкретной обстановке к новой экономической политике непосредственно принудили в начале 1921 года хозяйственные трудности, связанные с затяжкой международной революции, какую-то связь с точкой зрения новой оппозиции, считающей, что нэп является отступлением при всех условиях и допустим только в отсталой крестьянской стране, значит проявлять догматический кретинизм в самом лучшем случае.

Несколько слов о варшавском поражении. Эм. Газу кажется неправильным, что я ставлю варшавское поражение в связь с затяжкой международной революции. Этим случаем Эм. Газ пользуется, чтобы выкинуть новый фортель.

> «Как курьез отметим, — пишет он, — что несколькими страницами раньше тов. Попов, обсуждая вопрос о причинах поражения под Варшавой, категорически заявлял, что это поражение было основано на «большой ошибке военного ведомства», на «грубом преувеличении наших сил и недооценке сил и техники противника».

Эм. Газ весело иронизирует над тем, что же в конце концов является причиной варшавского поражения—затяжка ли международной революции, или «грубая ошибка военного ведомства». В этом месте своей рецензии Эм. Газ поднимается на максимальную высоту совершенно безнадежного непонимания и извращения мыслей рецензируемого им автора.

Начать с того, что в моей книге нет ни одного места, в котором бы я об'являл затяжку международной революции или «грубую ошибку военного ведомства» причинами варшавского поражения. В специальной главе, помещенной на стр. 256 книги и называемой «Причины варшавского поражения», в качестве таких причин указывается слабость организации, снабжения и вооружения нашей армии, об'ясняющаяся в свою очередь отчаянным экономическим положением страны. По какому поводу упоминается грубая ошибка военного ведомства, и в чем я ее усматриваю? Как известно, в конце июля 1920 года, когда наши войска стояли на границе этнографической Польши, подойдя к западному Бугу, польское и английское правительства предлагали нам перемирие. Перед нами стоял вопрос—принимать ли это предложение, или итти дальше, ставя ставку на полный разгром белой Польши. Известно, что ЦК нашей партии принял последнее решение, известно также, что кое-кто из членов ЦК высказывался против него, считая по политическим мотивам невозможным наступление на чисто польской территории. Впоследствии была сделана попытка, раздувши варшавскую ошибку до размеров брестской, этим бросить некоторую тень на ЦК и на тов. Ленина. Вот почему я счел нужным отметить в книге, что **политически** наступление на Варшаву было совершенно правильно, вопрос же о том,—нужно или не нужно было его вести при конкретных условиях, был вопрос чисто стратегический. Военное ведомство сообщило ЦК, что наших сил вполне достаточно для взятия Варшавы. При таких обстоятельствах было бы смешно отказываться от наступления из доктринерских соображений. Но как потом оказалось, военное ведомство не знало толком ни наших сил, ни сил противника.

Вот что я хотел сказать, а Эм. Газ ровно ничевошеньки не понял и наговорил вздор насчет моего категорического (?) заявления, будто «поражение было основано на большой ошибке» военного ведомства.

Поражение было основано на гораздо более серьезных и глубоких причинах, выше мною указанных, грубая же ошибка военного ведомства лежала в основе не поражения, а известного политического решения нашего ЦК (не взирая на мирные предложения, на которые Польша шла, чтобы выиграть время для организации армии), наступать дальше к Варшаве.

Что касается до затяжки мировой революции в связи с варшавским поражением, то об этом я говорю по другому поводу, несколькими страницами ниже, но говорю только о **связи**, а вовсе не о том, что затяжка международной революции была причиной варшавского поражения. Связь и причина две вещи совершенно разные. Зачем Эм. Газу и здесь понадобилось безбожно путать и искажать, трудно сказать.

А что варшавское поражение находилось в известной связи с затяжкой международной революции, нам кажется, не приходится доказывать читателю «Большевика».

Эм. Газ оспаривает мое утверждение, что Иваново-Вознесенский совет рабочих депутатов, существовавший в июне 1905 года, не может рассматриваться, как первый совет революции 1905 года, поскольку он не был органом политической борьбы, а простым стачечным комитетом.

Эм. Газ ссылается на то, что Ленин в брошюре «Победа кадетов и задачи рабочей партии» ставил железнодорожные стачечные комитеты на юге наравне с советами рабочих депутатов. Эм. Газ забыл об одном: в октябре—декабре 1905 года железнодорожные стачечные комитеты руководили не экономическими, а **политическими** забастовками и восстаниями.

Целая страница, которую Эм. Газ посвящает методу ленинизма, делая вид, что он, якобы, отстаивает правильное понимание ленинского метода против меня, представляет собой совершенно непроизводительную трату бумаги, чернил и умственной энергии автора. Дело в том, что я нигде в книге не ставил своей задачей дать полное, исчерпывающее определение ленинизма или ленинского метода. Случайное и неправильное по форме замечание, брошенное по частному поводу, относительно действенно-конкретного характера ленинизма не имело ничего общего с этой задачей. Что Ленин не только прилагал к жизни и конкретизировал идеи Маркса, но что он дополнил идейную сокровищницу марксизма целым рядом новых идей, об этом я говорю в главе о мировой империалистической войне. И, наконец, с определением, что ленинизм есть современный марксизм, марксизм эпохи империализма и пролетарских рево-

люций, которое Эм. Газ приводит без кавычек, но которое на самом деле принадлежит т. Сталину. Совершенно согласен.

Теперь последний пункт. Эм. Газ нашел в моей книге фактическую неточность. Я отмечал, что на IV с'езде была принята меньшевистская резолюция о профсоюзах. Меньшевики считали, что профессиональные союзы должны быть нейтральными и совершенно независимыми от партии. Приводя это место из моей книги, Эм. Газ замечает с ученым видом знатока:

«Как известно, на IV с'езде этой точки зрения (т.-е. нейтральности. *И. П.*) держались и большевики. Резолюция о профсоюзах, внесенная комиссией, куда входили представители обоих фракций, была принята с'ездом единогласно. Только на Лондонском с'езде наша партия становится на точку зрения «теснейшего сближения союзов с партией».

Так и хочется сказать по адресу Эм. Газа словами древне-греческого поэта:

«Муж многоопытный, губит тебя твоя храбрость».

На Стокгольмском с'езде, выходит у Эм. Газа, большевики стояли за нейтральность союзов и только на Лондонском они перешли на точку зрения «теснейшего сближения союзов и партии». Во-первых, нейтральность и независимость союзов от партии может совсем не противоречить их «теснейшему сближению». В Германии союзы весьма близки к социал-демократической партии и тем не менее партия союзами не руководит. Германские социал-демократы стояли и стоят за равноправность и равноценность партии и союзов, как двух самостоятельных ветвей рабочего движения. На этой же точке зрения стояли и наши меньшевики. Для них нейтральность означала категорическое отрицание партийного руководства союзами.

Стояли ли большевики, как фракция, во время IV (Стокгольмского) с'езда на позиции нейтральности, как пытается уверить читателей «Большевика» Эм. Газ? Цитирую заключительную часть проекта резолюции, предложенной большевиками Стокгольмскому с'езду:

«Партия всеми мерами должна стремиться к тому, чтобы воспитывать участвующих в профсоюзах рабочих в духе широкого понимания классовой борьбы и социалистических задач пролетариата, чтобы *завоевывать своей деятельностью фактически руководящую роль в таких союзах, и, наконец, чтобы эти союзы могли при известных условиях прямо примыкать к партии*[1], отнюдь, однако, не исключая из своего состава непартийных членов» (см. сочинения Ленина, т. IV, ч. 2, прилож. стр. 176).

Хорошая нейтральность!

Разумеется, комиссия Стокгольмского с'езда категорически отвергла эту резолюцию и положила в основу меньшевистскую, в которой о руководящей роли партии, конечно, не было сказано ни слова. Большевики, добившись некоторых второстепенных улучшений резолюции, от которых она не переставала

[1]) Курсив мой.



быть меньшевистской, и, находясь в безнадежном меньшинстве, решили не давать боя по этому вопросу (не имевшему еще в то время острого практического значения), и не выступать против резолюции на с'езде. Только поэтому она и была принята с'ездом единогласно, а вовсе не потому, что большевики, как фракция в 1906 году являлись сторонниками нейтральности союзов, хотя сторонники нейтральности в рядах фракции и были.

Читатель видит теперь, кто впал в фактическую неточность — я или Эм. Газ.

Всем написанным я отнюдь не хочу сказать, что книга, о которой идет речь, безгрешна. В предисловии я ссылаюсь на условия, в которых она «делалась», заявляю о полном отсутствии каких бы то ни было претензий со стороны автора. В книге, охватывающей такой огромный период, несомненно, есть фактические ошибки. Благодаря недостаточной литературной обработанности книги, там при внимательном чтении можно найти много неточных корявых выражений, нуждающихся в исправлениях. Последние главы скомканы. Автор будет только благодарен за деловую серьезную критику. Однако, такая критика требует двух необходимых качеств, у тех людей, которые за нее берутся: знания предмета и добросовестности.

# КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

## К вопросу об эволюции самодержавия.

*(По поводу книги М. Н. Покровского „Марксизм и особенности исторического развития России". „Прибой". 1925 г.).*

В лице т. Покровского мы имеем одного из крупнейших наших ученых и виднейшего из русских историков. В особой аттестации произведения тов. Покровского не нуждаются. Всякая его книжка есть поистине литературное событие. Интерес со стороны читателя заранее обеспечен каждой его новой работе. И в последней работе т. Покровского ряд проблем поставлен и освещен со свойственным ему мастерством. Но в книге вместе с тем содержится, по нашему мнению, несколько неверных положений, на которых мы, главным образом, и остановимся.

Книга т. Покровского представляет сборник его статей за 1922—1925 г.г. Сборник открывается статьей: «Плеханов, как историк».

На анализе введения к «Истории русской общественной мысли» («Очерк развития русских общественных отношений») т. Покровский выясняет плехановское понимание русского исторического процесса и высказывает остроумное предположение о том, что сторонником буржуазной теории внеклассового происхождения русского самодержавия Плеханов сделался в целях обоснования своей оригинальной идеи, по которой «ход развития всякого данного общества, разделенного на классы, определяется ходом развития этих классов, и их взаимными отношениями, т. е., во-первых, их в з а и м н о й  б о р ь б о й там, где дело касается их внутреннего общественного устройства, и, во-вторых, их более или менее д р у ж н ы м  с о т р у д н и ч е с т в о м там, где заходит речь о з а щ и т е страны о т  в н е ш н и х  н а п а д е н и й» [1]). Эта «оборонческая» идея и привела Плеханова, по мнению т. Покровского, в социал-шовинистический лагерь в начале империалистической войны 1914 г.

Законное вообще стремление п р о с л е д и т ь пути теоретических заблуждений Плеханова заставило т. Покровского сделать необоснованный упрек по адресу основоположника русского марксизма.

Тов. Покровский приводит сжатую схему исторического процесса, данную Плехановым в «Основных вопросах марксизма».

«Если бы,—писал Плеханов,—мы захотели кратко выразить взгляд Маркса—Энгельса на отношение знаменитого теперь «о с н о в а н и я» к не менее знаменитой н а д с т р о й к е, то у нас получилось бы вот что:

1. С о с т о я н и е  п р о и з в о д и т е л ь н ы х  с и л.
2. Обусловленные им э к о н о м и ч е с к и е  о т н о ш е н и я.
3. С о ц и а л ь н о-п о л и т и ч е с к и й  с т р о й, выросший на данной экономической основе.
4. Определяемая частью непосредственно экономикой, а частью всем выросшим на ней социально-политическим строем, п с и х и к а  о б щ е с т в е н н о г о  ч е л о в е к а.

[1]) Всюду, где не оговорено, подчеркнуто нами. *Г. М.*



5. Различные и д е о л о г и и, отражающие в себе свойства этой психики».

«Тут,—заканчивает т. Покровский,—есть кое-что н о в о е—и это новое, без сомнения, замеченное уже читателем, заключается в несомненной попытке сколь возможно эмансипировать п о л и т и ч е с к и й (подчеркнуто т. Покровским. *Г. М.*) момент из-под влияния производительных сил».

Обвинение Плеханова в попытке «э м а н с и п и р о в а т ь» политический момент нельзя признать справедливым со стороны т. Покровского: грех «эмансипации» должен разделить с Плехановым и сам творец научного социализма и его ученики.

В введении к «Критике политической экономики» М а р к с тоже выступает в роли подобного «эмансипатора», когда м е ж д у производительными силами и социально-политическим строем «помещает» экономическую структуру общества. «Совокупность... производственных отношений образует экономическую структуру общества, реальное основание, и а  к о т о р о м возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания».

В таком же духе высказывается и Л е н и н: «Политические учреждения являются надстройкой над экономическим основанием» (см. Л е н и н, «Маркс. Энгельс. Марксизм». Изд. 1925 г., стр. 43).

Упрек Плеханову в «э м а н с и п а ц и и» «политического момента из-под влияния производительных сил» нужно, таким образом, отвести.

Спорной является также квалификация Плеханова (после 1905 г.), как идеолога технической интеллигенции.

В четырех следующих статьях т. Покровский полемизирует с тов. Т р о ц к и м на тему о возникновении самодержавия в России. В этом споре истина, несомненно, на стороне тов. Покровского. Методологические ошибки т. Троцкого вскрыты им превосходно.

Тов. Троцкий действительно пытался «эмансипировать» самодержавие от его социального основания, действительно пытался доказывать, что самодержавное государство носило в известной степени «надклассовый» характер. Тов. Покровскому вполне удалось установить, что тов. Троцкий тоже в известной мере вслед за Плехановым сделался жертвой буржуазного понимания русского исторического процесса. И это, конечно, войдет в столь богатый научно-литературный актив т. Покровского.

Далее идет статья: «Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия».

Автор выясняет, что отцом этой теории был Борис Николаевич Ч и ч е р и н—«главный противник русского социализма во второй половине XIX столетия». Классу помещиков, который стремился мирно провести ограбление крестьян, известное под названием «реформы 1861 г.», нужно было иметь доказательства силы правительственной власти и слабости крестьянства. «Философия истории тамбовского полукрепостника», как кратко определяет т. Покровский теорию Чичерина, и должна была дать подобные доказательства.

Живучесть и огромную популярность п о м е щ и ч ь е й теории, созданной в эпоху «освобождения» крестьян, нужно искать, во-первых, в ее связи с обще-европейскими идейными течениями (с философией Гегеля, которая отводила такую исключительную роль государству), и, во-вторых, в тех выводах, которые из нее были сделаны буржуазией главным образом для внешней политики.

В окончательном виде теория была сформулирована Ключевским, который синтезировал теорию закрепощения Чичерина с теорией борьбы

со степью Соловьева. От Ключевского теория была заимствована Милюковым.

Анализ вопроса о происхождении самодержавия, а также анализ теорий, об'ясняющих это происхождение, выполнен т. Покровским блестяще. Написанное им на эту тему является оригинальнейшим и выдающимся применением историко-материалистического метода и представляет собой исключительную ценность.

Бесспорно верна данная т. Покровским характеристика складывающегося московского самодержавия, как политической организации купеческого капитала и торгового дворянства.

Однако, на ряду с этим у т. Покровского сказывается тенденция об'единить помещиков и купцов в одну и ту же социальную категорию, тенденция недостаточно точно разграничивать, дифференцировать оба социально-экономических слоя. Нам кажется, что тов. Покровский неправ, об'единяя помещика и купца в одну и ту же социальную категорию, изображая и того и другого, как торговых капиталистов.

Различная роль в производственном процессе принадлежит купцу и помещику. Различны поэтому и источники их доходов.

Борьба между двумя этими социальными группами за влияние на государственную власть носила порой резкий характер. Эта борьба определенно дает себя знать и при преемниках Грозного, и при Петре, и при Екатерине. В исторических работах самого т. Покровского мы встречаемся с мастерским анализом этой борьбы.

Совершенно нельзя согласиться с т. Покровским, когда свою характеристику самодержавия (как аппарата купеческого капитала и торгового дворянства), вполне правильную для эпохи его возникновения, он переносит на самодержавие XX века, самодержавие эпохи финансового капитала.

В заключительной статье сборника тов. Покровский пытается «обосновать классовый характер самодержавия накануне его падения»— пункт, по его мнению, вызывающий наибольшие сомнения и колебания в нашей литературе, хотя, в сущности, теоретически он до конца был выяснен еще тов. Лениным, подчеркнувшим и необычайную архаичность этого учреждения, «невероятную застарелость и устарелость царизма».

Тов. Покровский прав, считая, что в нашей литературе особенно много сомневающихся и колеблющихся по интересующему нас вопросу. Прав он также, указывая, что теоретически вопрос выяснен еще т. Лениным. И то и другое бесспорно.

И все-таки, мы полагаем, что точка зрения Ленина совершенно не совместима с точкой зрения нашего историка.

Это мы сейчас постараемся показать.

Тов. Покровский с полным основанием отмечает связь двух вопросов: вопроса о социальной природе царизма с вопросом о гегемонии пролетариата в русской революции.

Как известно, отношение к государству вообще, к самодержавному государству в частности и в особенности, резко ограничивало большевиков от меньшевиков.

Одни меньшевики считали самодержавное государство «надклассовой» организацией, независимой от классовой структуры российского общества (см. ст. Дана в сборнике «Общественное движение в России в начале XX века»).

Другие характеризовали самодержавие, как плутократическую монархию, прямо противопоставляя эту характеристику большевистской. «Мы солидарны и с предложением кавказцев,—писал меньшевистский орган,—говорить о русской монархии не как о «буржуазной», а как о «плутократической», ибо эта поправка отрицает в корне неверное утверждение большевистской резолюции, будто русский царизм начинает выражать классовые интересы буржуазии» (см. «Голос Социал-Демократа», 1909 г., март, № 12, стр. 15. Редакционное примечание к заметке «По поводу конференции Р. С.-Д. Р. П.»).



Меньшевики той и другой манеры делали из их различных характеристик самодержавия один и тот же вывод, о революционности нашей буржуазии и шли с проповедью соглашательства в рабочие массы. Большевики же брали самодержавие в его социально-классовой динамике, они беспощадно разоблачали «надклассовый» миф меньшевиков. Оценивая самодержавие в основном, как помещичью организацию, они обращали внимание на капиталистическое перерождение самодержавного государства. они видели все учащающиеся случаи блока помещика с буржуазией, все более увеличивавшийся контакт царизма с русской буржуазией—контакт. обусловивший ее нереволюционность, — и тем решительнее отстаивали гегемонию пролетариата.

Вполне понятно, что большевистская литература не оставила без определенного ответа вопрос о социальных корнях самодержавия.

Незадолго до выхода в свет меньшевистского сборника «Общественное движение» была выпущена брошюра Никитина и Степанова «Деятельность второй Государственной Думы».

В брошюре т. Степанов с замечательной четкостью осветил вопрос о сущности самодержавия. Вот что он писал:

«Уже тогда (в 1861 году. *Г. М.*) носителями государственной власти были не чистые крепостники, а дворяне, втянутые в капиталистический оборот, вынужденные считаться с требованиями буржуазного развития, в известной степени обуржуазившиеся помещики». Дальше т. Степанов указывает две причины, обусловившие это «обуржуазивание».

«Крепостническое сословие,—продолжает он,—встретившись с развивающимися капиталистическими методами присвоения, не могло не вкусить от древа плодов капитализма, признало их сладкими и постаралось сочетать крепостнические, феодальные способы эксплоатации с капиталистическими буржуазными и таким образом утратило первобытную крепостническую чистоту и невинность».

«Точно так же крепостническое государство с развивающимися буржуазными отношениями, поставленное в мир капиталистических международных отношений, неизбежно должно было внести буржуазные элементы в свою деятельность. Таким образом, об'ективные условия, требовавшие несколько иного содержания от государственной деятельности, слагались одновременно с суб'ективными условиями такой перемены,— с преобразованиями в психике дворянского сословия, носителя государственной власти» (цит. по сб. статей «От революции к революции», ГИЗ. 1925 г., стр. 167).

Не тактика, а именно некоторая эволюция самодержавия выражалась в его отношениях к буржуазным элементам—вот в чем, по нашему мнению, суть большевистских воззрений на самодержавие.

Тов. Покровский считает невозможным сочетать идею гегемонии пролетариата с таким взглядом на сущность царизма и подвергает критике идею о медленном, но несомненном социальном перерождении самодержавия.

Первый аргумент против «перерождения» таков: Грозный и Николай II применяли одинаковые «методы действия». «Быть может, это сохранение методов (подчеркнуто т. Покровским), не только методов выражаться, но и методов действия, самое характерное изо всего.

Почитайте у Штадена описание методов действия опричнины Ивана Грозного: это—погром. (Подчеркнуто т. Покровским). Кому бы пришло в голову, что в начале XX века это будет все еще любимый метод действия абсолютизма в борьбе с противниками! И при этом так же пытали, так же вешали. Правда, не сажали на кол и не жарили на сковороде. Но к этому только и сводилась вся «динамика социального содержания» русского абсолютизма. В остальном на протяжении 4 веков он оставался верен себе» (стр. 96).

Громил Иван Грозный, громил Николай Кровавый, следовательно,—заключает тов. Покровский,—и тот и другой представляли торговый капитал. Но ведь громит и Муссолини, и Цанков. Погром—«любимый метод действия» современного фашизма (см. «Мировой фашизм», сборник под редакцией И. Мещерякова. ГИЗ. 1923).

Громит фашистская организация Америки Ку-Клукс-Клан. Организация эта поддерживается правительством С.-А. С. Ш. Вот как описывает Ку-Клукс-Клан один современный наблюдатель: «Его методы—волчьи: индивидуальный, а если можно, то и массовый погром. Погром антикатолический, т.-е. направленный прежде всего против итальянских рабочих, публики весьма революционной. Погром негритянский, т.-е. направленный против беднейших крестьян-арендаторов, батраков и непривилегированных рабочих. Этих не подкупишь полутораста долларами в месяц, у этих нет автомобилей. Для них есть—Ку-Клукс-Клан».

«Он существует, впрочем, против революционных рабочих вообще. С предшествующего он только начинает, как Крушеван и Пуришкевич начинали с еврейских погромов и ритуальных легенд, тоже пахнувших ватерклозетом. Конец в обоих случаях по идее один: антипролетарский погром... Ку-Клукс-Клан присоединяет и антисемитизм к арсеналу своих идей и лозунгов, особенно в новейшее время, так что достиг полного расцвета в своем погромном совершенстве» (см. «Правда» № 269, 25/XI—25 г., ст. Н. Поморского «Еще об Америке»).

Сохранение методов «самое характерное изо всего»,—утверждает т. Покровский. Неужели на этом основании Муссолини и лидеры Ку-Клукс-Клана будут признаны им за политических представителей «старых, допромышленных форм капитализма».

Здесь мы вынуждены напомнить несколько трюизмов, которыми т. Покровский в данном случае неизвестно почему пренебрег.

Никто из марксистов вопрос о «методах действия» государства не считал «самым характерным» для определения его социальной физиономии. Наоборот, вопрос о классовом, социально-экономическом содержании государственной власти всегда был решающим для марксиста.

Желая определить социальную сущность царизма последнего периода, мы должны прежде всего анализировать воплощенные им социальные связи, исследовать классовый смысл его политических мероприятий.

Тогда без большого труда будет понятно, что «применение» погрома, скажем, опричниками Грозного имеет одно функционально-классовое значение, а «применение» погрома агентами американских миллиардеров из Ку-Клукс-Клана—другое. В первом случае погром служит целям блока средне-поместного дворянства и торговых-капиталистов против феодализма. (Этот мотив великолепно развит в I томе «Истории» т. Покровского). Во втором—погром «совершается» в интересах класса крупно-капиталистической буржуазии против пролетариата.



Конечно, если рассматривать диктатуру, как форму государства, то во всякой диктатуре, независимо от ее классового содержания, мы найдем кое-какие общие черты.

«Диктатура есть власть, опирающаяся непосредственно на насилие, не связанная никакими законами» (Ленин).

Применение насилия в самых острых формах есть черта, которая обща, как диктатуре буржуазии, так и диктатуре пролетариата. У той и у другой диктатуры есть сходные «методы действия», говоря в терминах т. Покровского.

Но, разумеется, никто из нас не стал бы на основании сходства «методов действия» диктатуры пролетариата и диктатуры буржуазии заключать о «тождественности» и их социального содержания. Всякий из нас понимает то, что за одной и той же формальной оболочкой («методы насилия») нельзя упускать из виду диаметрально-противоположной сущности явлений. Нельзя проглядывать основного, решающего. Нельзя останавливаться на анализе формы, забывая о классовом содержании.

Не вправе ли мы после этого указать именно на т. Покровского, как на виновника полной Umwälzung der Wissenschaft, именуемой русской историей в марксистском понимании, в каковом Umwälzung'е т. Покровский совершенно, необоснованно, как нам кажется, обвиняет т. Слепкова.

Продолжая дальше свое исследование, т. Покровский стремится свести к нулю влияние промышленного капитала на государственную власть царской России. «Обзор «всеподданнейших» докладных записок русских министров финансов 1880 годов,—пишет т. Покровский,—привел недавно одного молодого исследователя к выводу, что эти министры смотрели на таможенные пошлины только с фискальной (подчеркнуто т. Покровским) точки зрения... В такой форме это утверждение, конечно, неверно... Но в такую ошибку легко попасть: так мало звучали интересы промышленного капитала в русской финансовой политике последней четверти XIX века (стр. 100).

Итак, в финансовой политике самодержавия почти совершенно не учитывались интересы промышленного капитала. Так ли это?

Откроем стр. 69 этой же книжки т. Покровского, там мы прочтем «наше финансовое законодательство было такой же реализацией пожеланий промышленных с'ездов, как законодательство Екатерины II—реализацией пожеланий дворянства в 1760 годах».

Одно не согласуется с другим. В первом случае финансовое законодательство царизма трактуется тов. Покровским, как почти совсем не считающееся с интересами промышленного капитала. Во втором случае то же самое финансовое законодательство рассматривается им, как целиком совпадающее с пожеланиями промышленной буржуазии. Первое неверно. Второе верно с рядом оговорок.

Выше мы видели, что для определения классовой сущности самодержавия т. Покровский выдвинул такой неудовлетворительный с точки зрения марксизма критерий, как «методы действия» государственной власти.

Этот неудачный критерий т. Покровский еще раз применил для обоснования своей точки зрения. Теперь для решения вопроса о социальной подоплеке романовской монархии т. Покровский решил остановиться на «методах действия» царизма в области колониальной политики.

«На протяжении трех четвертей столетия,—пишет он,—методы действия эволюционировали так мало, что было бы смешным педантством

искать здесь какого-либо «социального перерождения». При Николае II, как и при Александре I, непосредственной целью русской колониальной политики было то же, что являлось такой же целью для португальцев или голландцев XVII века—прямой грабеж, и было бы в высшей степени странно, если бы эти типические приемы «первоначального накопления» руководились властью более современного типа, чем европейский абсолютизм XVI—XVII столетий» (стр. 118).

Сначала насчет «прямого грабежа». Итак, «прямой грабеж» был целью колониальной политики Николая II—это сказано на 118 стр., а на 111 говорится, что в это время Россия использовала свои колонии, как источники промышленного сырья, и указывается на Кавказ, который в 1901 г. дал для «империи» больше нефти, чем имело какое-либо государство мира «и Среднюю Азию, которая перед войной покрывала 50% всей потребности России в хлопке».

Разве, помня о «прямом грабеже» нефтеносных земель на Кавказе, можно забывать о создании здесь нефтяной промышленности? Разве можно отождествлять «колониальное хозяйство» голландцев XVII века с капиталистической крупнейшей в мире нефтяной индустрией XX века?

Сейчас речь шла о «методах действия» во время использования царской Россией своих колоний. Здесь «методы действия» не укрепляют позицию т. Покровского. Может быть, они укрепят ее, когда мы остановимся на вопросе: в каких формах Россия захватывала колонии? Сейчас увидим.

«В расцвет захвата колониальных владений в Америке и Азии, в XVI—XVII в.в.,—пишет т. Покровский,—колонии просто грабили, (подчеркнуто т. Покровским), просто отнимали у населения, что было поценнее, а при малейшем сопротивлении, население истребляли».

«Колониальный грабеж был неразрывной частью первоначального накопления (подчеркнуто т. Покровским). История голландского колониального хозяйства,—говорит Маркс,—а Голландия была образцовой капиталистической страной XVII века—развертывает бесподобную картину предательств, подкупов, убийств и подлостей».

«Возьмем ли мы завоевание Закавказья в 1820 годах, или Средней Азии—в 1860-х, эта характеристика Маркса будет бесподобной фотографией того, что проделывала в названных местах... царская Россия» (стр. 112).

«...Чеченцы могли рассказать о случаях, когда за убийство одного казака истреблялись до последнего жители целого аула» (113 стр.).

При вторичном взятии Самарканда, сначала подчинившегося при первом приближении русских войск и потом вновь «отпавшего», когда русский отряд ушел дальше—«Город был жестоко наказан за свое непостоянство: между прочим, сожжен был огромный самаркандский базар, разгромлены мечети, минаретами которых пользовались нападающие во время осады цитадели... начальство... ко всему прочему, разрешило солдатам в течение нескольких дней грабить город, не разбирая уже ни правого, ни виноватого» (стр. 115).

Царизм при завоевании колоний совершал грабежи, предательства, подкупы, убийства и подлости, следовательно, он олицетворял торговый капитализм, сродни существовавшему в Голландии в XVI веке.

Англия и Франция, где господство промышленного капитала в XIX веке никем не оспаривалось, должны в своей колониальной политике отказаться от таких «методов действия», как «грабежи, подкупы, убийства и подлости». Колониальная политика названных держав должна как небо от земли отличаться от колониальной политики романовской монархии. Между английскими и французскими колонизаторами, с одной стороны, и их русскими «собратьями», с другой, не должно быть никаких точек соприкосновения. Таковы выводы, которые сами собой напрашиваются из положений т. Покровского.



Отвечают ли они действительности?

В 1840—42 г.г. Англия вела с Китаем, так называемую, опиумную войну. Во время войны англичане разгромили ряд китайских городов, истребили тысячи китайцев. Нанкинский договор 1842 г. открыл им для торговли опиумом пять портов, в том числе Шанхай и Кантон. Но этого мало, они содрали с китайцев огромную контрибуцию и оккупировали остров Гонгконг.

В 1856 г. началась вторая опиумная война. Теперь уже англичане действовали в кооперации с французами.

Эта война точно так же сопровождалась сожжением городов и грабежами. Дело кончилось тем, что союзники пробили себе штыками дорогу в Пекин, где разграбили, а потом сожгли императорский дворец. Вновь была взята большая контрибуция (см. Ходоров, «Мировой империализм и Китай»).

Интересно, что расправа англо-французов с Китаем происходила почти одновременно с «насаждением цивилизации», русскими завоевателями в Средней Азии.

Маркс, как известно, считал опиумные войны с Китаем составной частью процесса первоначального накопления.

Указания об этом содержатся там же, откуда т. Покровский взял цитату о «голландском колониальном хозяйстве» (см. «Капитал», т. I, стр. 712, перевод Базарова и Степанова, Москва, 1909 г.).

Тов. Покровский не обратил внимания на столь существенное для его темы место из Маркса. А ведь сравнение опиумных войн с войнами России с Средней Азией так и напрашивается. Сравнение это помогло бы тов. Покровскому избежать некоторых неправильных выводов, которые он допускает.

В 1900 году европейцы подавляли восстание боксеров в Китае. Русские и японские войска тоже принимали участие в экспедиции. После падения Пекина последовало разграбление города, в котором братски соединились как «представители» «торгового», так и—«промышленного» капитала (см. Ходоров и Павлович, «Китай в борьбе за независимость»).

Во время покорения Францией Марокко, этот уголок земли подвергается страшному опустошению и разорению. Французы сжигают посевы и деревни. Война ведется на истребление. Целые районы превращаются в безлюдные пустыни (см. М. Мирский, «Европейские цивилизаторы и Марокко», изд. «Военный Вестник», 1925 г.).

История захвата Египта показывает, что «предательства, подкупы, убийства и подлости» были в значительной мере «методами действия» британского империализма в этой стране (см. Ротштейн, «Захват и закабаление Египта», Гиз., 1925 г.).

Что же, можем мы возвести непроходимую стену между колониальными «методами действия» английской монархии и французской республики, с одной стороны, и российского самодержавия, с другой? Как мы видим, никакого основания для такого заключения не имеется. На ряду с различием в колониальных «методах действия» между царской Россией и, скажем, Англией было и разительное сходство. Провести между теми и другими резкую демаркационную линию не представляется возможным.

Еще раз приходится констатировать, что критерий «методов действия» вторично потерпел неудачу. Приняв этот критерий, нам при-

шлось бы поставить знак равенства между «политической верхушкой» России и «политической верхушкой», скажем, Франции.

Но едва ли кто отважится утверждать, что Франция Пуанкаре и Россия Николая II, имели одну и ту же социальную базу. Третья республика выражала господство *промышленного* капитала. В государстве Романовых, накануне его падения, играл *первую скрипку помещик*.

Но, с другой стороны, отождествление голландского абсолютизма XVII в. с русским самодержавием XX века точно так же представляет ошибку. Государство голландцев XVII века было политическим выражением господства *торгового капитала*. Государство Николая II уже выражало в известной мере и интересы *промышленного* капитала [1]).

Таким образом, попытку обосновать классовую сущность самодержавия накануне его гибели аргументацией от «методов действия» в области колониальной политики нужно признать точно так же неудавшейся.

Монархия Николая II была своеобразным государством переходного типа. «Переходный период» романовского государства затянулся. Процесс перерождения происходил в исключительно противоречивых формах. Ряд внутренних и международных факторов обусловил невозможность *завершения* этого процесса. Романовский режим был сметен революцией.

Для покрепления своей формулы «самодержавие—политически организованный торговый капитализм» тов. Покровский в конце своей книжки предпринимает довольно подробный анализ эры Витте и приходит к выводу, что Витте был ярким представителем торгового капитализма. В начале 1900-х годов,—пишет т. Покровский,—произошло образование «рядом двух правительств»: «ведомственного»—с Витте, Куропаткиным, Ламздорфом и т. д.,—и «вневедомственного» во главе с Николаем и Безобразовым. Оба отражали интересы *торгового* капитала, но двух его различных фаз» (стр. 130, подчеркнуто т. Покровским).

Но «сделав» Витте представителем торгового капитала, т. Покровский вступил в явное противоречие с самим собой. Совсем недавно он писал о Витте нечто другое. Разрешим себе привести несколько цитат из книги т. Покровского «Очерки русского революционного движения XIX—XX в.в.» (Москва, «Красная Новь», 1924 г.).

«Буржуазия того времени (90-х годов. *Г. М.*) жила с царским правительством в необыкновенно добрососедских отношениях и признаком этих добрососедских отношений является тот режим Витте, который фактически был *диктатурой промышленной* и финансовой буржуазии в России».

«...Русский предприниматель не имел никаких оснований быть особенно ярым радикалом в 90-х годах, ибо у власти стоял *его* человек, стоял Витте, который фактически был представителем интересов русского капитализма».

«В девяностых годах, как я вам сказал, у нас утвердилась временно в лице Витте *гегемония промышленного капитала*. Наиболее ярким моментом, чтобы не приводить других и не затруднять вас слишком большим отступлением в сторону,—наиболее ярким моментом эры Витте

---

[1]) «Если главной опорой трона служило «благородное дворянское сословие», то *промышленная буржуазия* лишь отчасти *касалась* власти. Только одна ее фракция, а именно та, которая была теснейшим образом связана с казенными заказами и финансовыми операциями правительства, которая, несмотря на свою техническую отсталость, процветала благодаря совместному с государственной машиной разворовыванию «национального достояния»—только эта фракция буржуазии *входила составной частью в аппарат управления страной*» (Н. *Бухарин*, «Классовая борьба и революция в России», изд. «Коммунист», 1918 г. стр. 8).



было у нас введение золотой валюты. Это была совершенно определенная *победа промышленного капитала* над капиталом торговым» (стр. 122—123, 124—125).

В первом случае т. Покровский трактует эру Витте, как господство торгового капитала, во втором случае—как диктатуру промышленного капитала. Нам думается, что во втором случае точка зрения т. Покровского ближе к действительности.

Несомненно, режим Витте был таким периодом нашей истории, когда воздействие русского промышленного капитала на государственную власть достигло наибольших размеров.

Мы рассмотрели главнейшие аргументы, которые т. Покровский приводит в защиту своего положения, что «самодержавие—политический аппарат торгового капитала». Мы видим, что с аргументами т. Покровского едва ли можно согласиться: некоторые из них неправильны методологически, некоторые недостаточно обоснованы исторически. Таким образом, основное положение, которое защищает т. Покровский, нельзя признать доказанным.

Приведем теперь несколько выписок из Ленина, показывающих как оценивал самодержавие основоположник большевистской теории.

«Развитие русского *государственного строя* за последние три века показывает нам, что он *переменил свой классовый характер*, в одном направлении. Монархия XVII века с боярской думой не *похожа* на чиновничье-дворянскую монархию XVIII в.».

«Монархия первой половины XIX века—*не то*, что монархия 1861—1904 годов. В 1908—10 г.г. явственно обрисовалась новая полоса, знаменующая *еще один шаг* в том же направлении, которое можно назвать *направлением к буржуазной* монархии».

«В тесной связи с этим шагом стоит и III Дума и наша современная аграрная политика. Новая полоса, таким образом, не случайность, а своеобразная ступень в капиталистической эволюции страны» (*Ленин*, т. XI, ч. 2, стр. 201).

Когда эта цитата была приведена (см. «Большевик» № 9—10—1925 г.), чтобы показать, как смотрел Ленин на вопрос об эволюции самодержавия, тов. Покровский попытался так своеобразно интерпретировать ленинскую точку зрения.

Тов. Покровский возражал: «Спор идет о том, представляло ли русское *самодержавие* (а не русское *государство*, тов. Слепков, это две вещи разные) в конце XIX в. *промышленный* капитализм или же *нет*, а *промышленный* капитализм в системе, именуемой «русское государство» представлялся не самодержавием, а силами ему враждебными (напр., в 1910—14 г.г. *оппозиционными* партиями государственной думы—которая, конечно, была такой же составной частью «русского государства», как и боярская дума XVII века, о которой говорил Ленин)» (подчеркнуто всюду тов. Покровским).

Во-первых, заметим здесь, что тов. Покровский неправильно изобразил точку зрения тов. Слепкова, приписывая последнему взгляд, согласно которому самодержавие последних лет представляло организацию промышленного капитала: тов. Слепков утверждал, что «во второй половине XIX века *происходит* (а не произошло, что вещи действительно разные) социальное перерождение самодержавия».

Во-вторых, *враждебность* оппозиционных партий самодержавию была «*враждебностью*». Это была весьма условная и весьма относительная враждебность. В таких решающих областях как борьба против рабочего класса, внешняя политика и империалистическая война, самодержавие и его оппозиция действовали рука об руку.

Конечно, у буржуазии были известные противоречия с самодержавием. Но резко рвать с ним, выступить против него в решительную борьбу буржуазия не решалась, надеясь добиться уступок мирным путем.

Если же, в конце концов, буржуазия и решилась организовать заговор против самодержавия, то это в значительной мере потому, что ее подхлестывала нарастающая революция. Заговор должен был предупредить революцию, в которой российский капитализм предчувствовал, и вполне основательно, свое крушение. Характерно, что на путь заговора вступили и некоторые совсем родственные самодержавию круги.

Вот что по этому поводу мы находим в книге ген. А. И. Деникина «Очерки русской смуты», том I:

«В состав образовавшихся кружков (заговорщицких. *Г. М.*) входили некоторые члены правых и либеральных кругов Государственной Думы, прогрессивного блока, члены императорской фамилии и офицерство. Активным действиям должно было предшествовать последнее обращение к государю одного из великих князей. В случае неуспеха, в первой половине марта предполагалось вооруженной силой остановить императорский поезд во время следования из Ставки в Петроград. Далее должно было последовать предложение государю отречься от престола, а в случае несогласия физическое его устранение» [1] (подчеркнуто т. Покровским).

Таким образом, косвенную поддержку оказывали самодержавию до самого последнего момента даже те силы, которые т. Покровский изображает, как ему враждебные.

Нельзя также принять то противопоставление, которое тов. Покровский делает между русским дореволюционным государством и самодержавием. Это все равно, если бы мы стали в наших теперешних условиях противопоставлять власть советов пролетарской диктатуре.

Самодержавие было такой же формой дореволюционного государства, как советская власть является сейчас формой пролетарского государства в нашей стране.

Оспаривать эти положения тем более бесполезно, что никто иной как Ленин поставил знак равенства между русским дореволюционным государством, с одной стороны, и самодержавием—с другой.

Ту же самую мысль об эволюции русского государственного строя Ленин так выражает в другом месте:

«На самом деле и самодержавие, и конституционная монархия, и республика суть лишь разные формы классовой борьбы, при чем диалектика истории такова, что, с одной стороны, каждая из этих форм проходит через различные этапы развития ее классового содержания, а с другой стороны, переход от одной формы к другой нисколько не устраняет (сам по себе) господства эксплоататорских классов при иной оболочке. Например, русское самодержавие XVII в. с боярской думой и боярской аристократией—не похоже на самодержавие XVIII века с его бюрократией, служилыми сословиями, с отдельными периодами «просвещенного абсолютизма», и от обоих резко отличается самодержавие XIX века, вынужденное «сверху» освобождать крестьян, разоряя их, открывая дорогу капитализму, вводя начало местных представительных учреждений буржуазии. К XX веку и эта последняя форма полуфеодального, полупатриархального самодержавия изжила себя. Переход к представительным учреждениям национального масштаба

[1]) Цит. по статье т. Покровского, „Мемуары царя Андрона", «Печать и революция», 1922 г., книга II, стр. 21.



стал необходимостью под влиянием роста капитализма, усиления буржуазии и т. п. Революционная борьба 1905 года обострилась особенно из-за того, кто и как соберет первое всероссийское представительное учреждение. Декабрьское поражение решило этот вопрос в пользу старой монархии, а при таких условиях иной конституции, кроме черносотенно-октябристской и быть не могло» (Ленин, т. XI, ч. 1, стр. 203).

Всякий заметит разницу в оценке самодержавия у тов. Покровского и у Ленина.

У тов. Покровского самодержавие на всем протяжении своего трехвекового существования одно и то же. Оно все время есть «политическая организация торгового капитализма».

У Ленина «Самодержавие XVII века... не похоже на самодержавие XVIII века..., и от обоих резко отличается самодержавие XIX века».

У тов. Покровского «сложившееся в XVI—XVII в.в. русское самодержавие» закоченело «почти без перемен до XX столетия».

У Ленина «русский государственный строй за последние три века изменил свой классовый характер».

У тов. Покровского «вся» динамика социального содержания русского абсолютизма» «сводилась только к тому», что при Николае II «не сажали на кол и не жарили на сковороде», как при Иоанне Грозном. «В остальном на протяжении 4-х веков он (абсолютизм. *Г. М.*) оставался верен себе».

У Ленина русское самодержавие «проходит через различные этапы развития его классового содержания».

«Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика знаменует новый этап разложения старого полупатриархального, полукрепостнического царизма, новый шаг по пути превращения его в буржуазную монархию».

Что перед нами две различных постановки вопроса о самодержавии,—это вне сомнения. Какая из них диалектическая—читателю ясно.

Наличие некоторых несомненных перерожденческих тенденций в самодержавии и тот парадоксальный факт, что буржуазия была заинтересована в сохранении помещичьего землевладения (весьма значительная часть помещичьих земель была заложена в буржуазных банках), об'ясняют нам контр-революционные позиции буржуазии в русской буржуазной революции. Из определенной оценки взаимоотношений самодержавия и буржуазии вытекал большевистский взгляд на русскую буржуазную революцию, как на революцию буржуазно-крестьянскую.

Отвергая взгляд на самодержавие как на организацию, в которой происходили некоторые явления перерожденческого характера, мы закрываем перед собой путь для понимания тактики большевизма в буржуазной революции. Без признания некоторой эволюции самодержавия трудно понять и гегемонию пролетариата, и лозунг революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Мы подробнее останавливались на тех положениях т. Покровского, которые вызывают возражения. В общем же последняя работа тов. Покровского представляет выдающееся явление. В освещении ряда вопросов глубина непревзойденного по мастерству анализа сочетается с блеском изложения одного из лучших современных стилистов. Книга должна возбудить и возбудит у читателей большой интерес.

**Григ. Марецкий.**

# О „Библиотеке марксиста".

*(Под редакцией Д. Б. Рязанова. Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. ГИЗ, 1926 г. М. Л.).*

1. **К. Маркс и Ф. Энгельс.** «Коммунистический манифест», стр. 141, ц. 50 к., тир. 30.000.
2. **Ф. Энгельс.** «Развитие социализма от утопии к науке», стр. 166, ц. 70 к., тир. 10.000.
3. **Он же.** «Крестьянская война в Германии», стр. 159, ц. 70 к., тир. 10.000.
4. **Сборник статей.** «Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер», стр. 174, ц. 80 к., тир. 10.000.
5. **Поль Лафарг.** «Томас Кампанелла», стр. 102, ц. 50 к., тир. 10.000.
6. **Г. В. Плеханов.** «Основные вопросы марксизма», стр. 134, ц. 60 к., тир. 10.000.

«Институт К. Маркса и Ф. Энгельса»—это единственное в мире учреждение, систематически занимающееся изучением неопубликованного литературного наследства основоположников марксизма,—успел в течение своей пятилетней деятельности подарить русскому читателю ряд ценнейших работ, частью совершенно не видевших света, частью, благодаря цензуре и другим условиям—неизвестных в России. Издание сочинений Маркса и Энгельса, издание сочинений Плеханова, Каутского, Лафарга, выпуск «Библиотеки материализма», двух книг «Архива» с их бесценными «Немецкой идеологией» и «Диалектикой природы»,—вот основные этапы деятельности института.

До последнего времени институт занимался изданием того, что требовалось для высококвалифицированной части нашего актива: он выпускал так наз. «тяжелую» литературу. Этим создавалась известная опасность удариться в своеобразный марксистский академизм, связанный с забвением потребностей широких слоев пролетариата, жадно тянущихся к серьезной, но популярной и недорогой теоретической книжке. Учитывая эти потребности, институт выпускает в свет настоящую «Библиотеку марксиста», предназначенную не столько для высококвалифицированных читателей, сколько для тех, кто заполняет сейчас комвузы, совпартшколы, марксистские кружки и т. д. Издания «Библиотеки» снабжены вступительными статьями и примечаниями. Недорогая по цене, небольшая по об'ему, каждая книжка этой серии, несомненно, найдет пути в самую толщу партийной массы и рабочего актива и поможет им как преодолеть искажающую вопрос популярщину, так и привыкнуть к серьезной, теоретически-выдержанной литературе.

Перед нами лежат шесть первых выпусков «Библиотеки марксиста». Когда сравниваешь условия, в которых эти книги впервые увидели свет, с нашей обстановкой, то невольно вспоминаешь известные слова «Интернационала»: «Кто был ничем, тот станет всем». Это относится не только к рабочему классу, но и к его теории—к марксизму. Каких-нибудь 70—80 лет тому назад Союз, который обнародовал свой «Коммунистический Манифест», представлял из себя сравнительно небольшую группу, а Маркс и Энгельс—авторы манифеста—вместе со своими друзьями казались стороннему наблюдателю лишь крошечной сектой среди других бесчисленных сект социалистов.

И вот, теперь мы пришли к диктатуре пролетариата, к осуществлению того, о чем писали гиганты социализма—Маркс и Энгельс—еще в своем «Коммунистическом Манифесте», что дополнил и развил их гениальнейший продолжатель—Ленин.



Социализм стал признанной наукой. Этому, как впрочем и всякому другому общераспространенному положению, грозит известное опошление, если мы не будем отдавать себе отчета в причинах и ходе развития социализма от утопии к науке. Путаница и непонимание в этой области рано или поздно скажется и на практике, в форме упрощения стоящих перед пролетариатом задач, смазывания всей их сложности и принижения размаха нашей работы.

Откровенным извратителям и благожелательным «друзьям» необходимо со всей силой противопоставить толкование этого вопроса, исходящее от самих основоположников научного социализма.

Что говорит об этом Энгельс? «Научный социализм по существу представляет немецкий продукт и мог возникнуть только у народа, классическая философия которого живо сохранила традицию сознательной диалектики — в Германии. Материалистическое понимание истории и его специальное приложение к современной классовой борьбе возможно только при помощи диалектики... мы, немецкие социалисты, гордимся тем, что мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (II, 137. Курсив всюду мой) [1]. «Материалистическое понимание истории возможно только при помощи диалектики». Как бесконечно далеко стоит это от точки зрения всяких современных «героев оговорочки», «поправочки» и «упрощения»!

Здесь уместно привести еще более резкую формулировку, данную Энгельсом в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» (я намеренно пользуюсь только тем, что есть в «Библиотеке марксиста»). Энгельс говорит: «Если бы немецкому научному социализму не предшествовала немецкая философия, в особенности философия Гегеля, то немецкий социализм,—единственный научный социализм, который когда-либо существовал,—никогда не мог бы сложиться» (III, 26).

Но социализм только тогда превращается в подлинную науку, когда он определяет собою политику классовой борьбы пролетариата, этим самым почти превращенную в науку. Что говорит об этом Ленин? В своей замечательной статье «Карл Маркс» (в библиотеке она приведена под названием «Марксизм», см. IV, стр. 69—95) Ленин обрисовывает учение Маркса, на первое место ставя философский материализм и диалектику, очевидно, потому, что они, с его точки зрения, определяют все остальное. Говоря специально о политике, Ленин формулирует такую мысль: «Основную задачу политики пролетариата Маркс определял в строгом соответствии со всеми посылками своего материалистически-диалектического миросозерцания». «На каждой ступени развития, в каждый момент политика пролетариата должна учитывать... об'ективно неизбежную диалектику человеческой истории...» (IV, 91). Эти слова Ленина кладут предел антидиалектическому извращению марксизма, так как совершенно отчетливо устанавливают, что марксизм и политика пролетариата, неизбежно вытекающая из теории,—все это спаяно воедино и пронизано единым диалектико-материалистическим методом.

Поэтому нельзя лучше характеризовать вновь выпущенные работы Маркса и Энгельса, как приведя слова Ленина, сказанные им по поводу переписки этих двух учителей социализма. «Если попытаться,—говорит Ленин,—одним словом определить, так сказать, фокус всей переписки, тот

[1] Римскими цифрами обозначаются номера выпусков библиотеки.

центральный пункт, к которому сходится вся сеть высказываемых и обсуждаемых идей, то это слово будет диалектика. Применение материалистической диалектики к переработке всей политической экономии, с оснований ее,—к истории, к естествознанию, к философии, к политике и тактике рабочего класса,—вот что более всего интересует Маркса и Энгельса, вот во что они вносят наиболее существенное и наиболее новое, вот в чем их гениальный шаг вперед в истории революционной мысли» [1]).

На самом деле. «Коммунистический Манифест», «Развитие социализма от утопии к науке», «Крестьянская война в Германии»,—вся грандиозная сила их покоится на этих двух китах: на материализме и диалектике.

Это красной нитью проходит от первой фразы «Манифеста», что «история всего предшествующего общества есть история борьбы классов», вплоть до той абсолютно верной мысли, что в коммунистической революции пролетарии теряют свои цепи и приобретают целый мир. Мир приобретают те, кто прежде был «подонками» этого мира. Материалистической диалектикой насыщено учение Маркса и Энгельса о коммунистической партии, о ее отношениях к своему классу и к другим партиям. Диалектика пронизывает марксистское учение о революции и диктатуре пролетариата, столь яркими штрихами набросанное в «Манифесте». Каждая фраза здесь дышет диалектикой, отражая тем самым действительные отношения. «Вы возмущаетесь тем,—говорит Маркс, обращаясь к буржуазии,—что мы хотим уничтожить частную собственность. Но в вашем теперешнем обществе она уничтожена уже для девяти десятых населения. Она существует именно потому, что не существует для этих девяти десятых» (I,47). Пусть попробует кто-нибудь отрицать диалектичность и научную правильность этой мысли.

Энгельсовское «Развитие социализма», этот блестящий очерк, кратко излагающий соответствующие части «Анти-Дюринга», долго будет являться образцом как самой материалистической диалектики, так и научной (хотя и популярной) ее трактовки. Вторая глава специально посвящена выяснению того, что «мы ведем свое происхождение не только от Сен-Симона, Фурье и Оуэна, но также и от Канта, Фихте и Гегеля» (II, 13). Революционная материалистическая диалектика составляет «фокус» и других глав книжки. «Революция пролетариата»: «разрешение противоречия: пролетариат овладевает общественной властью и обращает с помощью этой власти отнятые у буржуазии общественные средства производства в общественную собственность»... «Люди, ставшие, наконец, господами своих общественных отношений, становятся, вследствие этого, господами природы и самих себя, т.-е. достигают свободы» (II, 80). И здесь жизненная диалектика и поэтому научное предвосхищение действительного процесса развития.

Вопрос о крестьянстве, вопрос, на котором больше всего грешили люди, не умеющие использовать марксистской диалектики: что говорит о нем Энгельс, не изменил ли он здесь своему методу? Судите сами. Говоря о так наз. «марке»—древне-германской общине,—Энгельс указывает крестьянам такой путь выхода из современной помещичье-капиталистической эксплоатации: «Путем возрождения марки, но не в ее старой, пережившей себя, а в омоложенной форме, путем такого обновления общинного землевладения, чтобы последнее обеспечило мелко-крестьянским товариществам не только все выгоды крупного хозяйства и применения сельско-хозяйственных машин, но и доставило им средства наряду с земледелием организовать и крупную промышленность с помощью силы пара или воды и за счет не капиталистов, а всей общины» (II, 97). Если к этому прибавить еще и то, что говорит Энгельс в своем предисловии в «Крестьянской войне в Германии» (III, 19—20) по поводу различного отношения партии к различным слоям крестьянства, то взгляды Энгельса на крестьянский вопрос никак нельзя будет упрекнуть в отсутствии диалектики.

[1]) В. И. Ленин, «Маркс. Энгельс. Марксизм», Институт Ленина. ГИЗ. 1925 г. Л. Стр. 89—90. Курсив Ленина.



Этим самым Энгельс предвосхищает и ленинскую постановку того же вопроса, постановку, насыщенную пониманием, с одной стороны, возможностей крестьянства итти по пути к социализму, и с другой—особых по сравнению с пролетариатом путей этого перехода. Это особенно ярко вырисовывается перед нами, если вспомнить, что меньшевизм,—по определению Ленина, не понявший «решающего в марксизме—его революционной диалектики»—сплошь и рядом преувеличивал размеры расслоения крестьянства, считая, что только через сельско-хозяйственный пролетариат, деревня и может участвовать в пролетарской революции. Конечно, в формулировке Энгельса многое устарело: не пар и вода, а только электричество уничтожит «идиотизм деревенской жизни». Конечно, формула Ленина о строе цивилизованных кооператоров значительно более развита и полна, чем слова Энгельса о «марке». И однако, это не может служить основой для какого бы то ни было противопоставления Ленина Энгельсу и Марксу. Для своего времени Энгельс дал единственно возможную формулу, правильно намечающую общую постановку вопроса—вовлечение крестьянина в строительство социализма через «общину»—в наших условиях через кооперацию.

Вся работа Энгельса о крестьянской войне—образец диалектического анализа «конкретной ситуации», и вместе с тем, эта работа важна, как характеристика крестьянского движения, выступающего самостоятельно, дающая ряд существеннейших указаний и для нашей политики. Теоретическое и практическое значение этой работы, как и всех других, огромно.

---

Три последних выпуска «Библиотеки марксиста» дают нам некоторые работы наиболее крупных последователей Маркса и Энгельса.

Брошюра «Карл Маркс. Мыслитель, человек, революционер»—в ряде очерков и речей рисует образ того, после чьей смерти человечество действительно «стало ниже на целую голову» (Энгельс). «Маркс был прежде всего революционером. Содействовать тем или иным способом падению капиталистического общества и созданных им государственных учреждений, содействовать делу освобождения современного пролетариата, в который он впервые вдохнул сознание своего положения и своих потребностей, сознание условий своего освобождения,—таково было его действительное призвание. Борьба была его стихией. И он боролся со страстью, с упорством, с успехом, как немногие» (Энгельс, речь на могиле; IV, 28). Не менее ценные характеристики находим мы и у остальных авторов, вошедших в книжку. Из прочтения их статей становится совершенно ясным, что сказка о Марксе только как о теоретике, не знавшем практической борьбы,—надумана и неверна. Соединение теории и практики в их диалектическом единстве,—таков Маркс во всех его характеристиках, таков и был действительный Маркс, гигант науки и революционного дела.

Из ряда статей наибольшее внимание обращает на себя речи самого Маркса (IV, 38—47), статьи Энгельса, Ленина (где он дает краткий, но исчерпывающий анализ марксизма) и покойного Тимирязева, устанавливающего точки соприкосновения Маркса с Дарвином. Однако, и остальной материал также интересен и ценен.

Очерк Лафарга—«Томас Кампанелла»—посвящен выяснению одной из ранних утопических систем социализма, и в этом смысле является дополнением к энгельсовскому «Развитию социализма от утопии к науке».

Последний из вышедших в настоящее время выпусков (IV)—общеизвестная работа Плеханова—«Основные вопросы марксизма». В краткой рецензии трудно оценить ее достоинства полностью (как и все цитированные прежде сочинения). Вещь эта, написанная с громадной эрудицией, долгое время была и долгое время будет одним из лучших произведений, систематически излагающих марксизм, как «целое миросозерцание» (IV, 11). Ее, так же как и «Комм. Манифест», вместе с «Развитием социализма», можно причислить к классическим произведениям марксизма.

Исходя из той не потерявшей еще и сейчас своего значения мысли, что «теперь чрезвычайно мало распространены, во-первых, знание гегелевой философии, без которого трудно усвоить метод Маркса, во-вторых, знакомство с историей материализма»... (VI, 14. Курсив автора), Плеханов кратко набрасывает основы диалектического материализма, чтобы перейти затем к более детальному изложению того, что обычно именуется материалистическим пониманием истории. К брошюре приложены превосходные отрывки—«О «скачках» в природе и истории» и «Диалектика и логика», и по-сейчас являющаяся чуть ли не единственной в марксистской литературе детальной критикой формализма.

* * *

Редакционная сторона издания—в общем и целом вполне удовлетворительна.

Все выпуски т. Д. Б. Рязановым снабжены предисловиями, которые обрисовывают условия появления данной работы, ориентируют в вопросе, нередко исправляют отдельные неточности и, в отдельных случаях, указывают соответствующую литературу. Подробные пояснения и примечания, составленные т. Рязановым (выпуски I и VI), И. Луппалом и Г. Зайделем (II и V) и Ц. Фридляндом (III), вводят в курс дела и этим самым делают «Библиотеку» доступной для товарищей с небольшими сравнительно знаниями.

К сожалению, допущен, однако, ряд относительно небольших шероховатостей и неточностей. Автор предисловия и пояснений к «Комм. Манифесту» (одновременно и редактор всей серии) совершенно правильно поступает, когда, употребляя тот или иной термин тут же об'ясняет его. Этого нет, к сожалению, в других выпусках, где остаются не об'ясненными иногда встречающиеся латинские фразы (напр., II, 36), не говоря уж об иностранных словах. Затем, в выпуске VI не помещена статья «О роли личности в истории», хотя в предисловии редактора она указана (VI, 7). На читателя всей серии неприятно действует также и то, что в одном случае примечания расположены в алфавитном порядке (II и V), в другом (III и VI)—в порядке нумерации.

К несомненным достоинствам издания принадлежат: снабжение всех выпусков, кроме VI, портретами авторов или иллюстрациями. Особенно ценны и интересны иллюстрации к «Комм. Манифесту», взятые из архивов института. Печатаемые работы дополнены соответствующими предисловиями авторов и материалами, относящимися к вопросу. Из них можно назвать: полный текст предисловия Энгельса к английскому изданию «Развития социализма» (в таком виде оно не было еще на русском языке), ряд неизвестных русскому читателю примечаний Плеханова к «Основным вопросам», статья Энгельса о «Марксе» и—что особенно заинтересует



некоторых—«Основные и справедливые тезисы всего крестьянства и всех подвассалов духовных и светских властей, от которых они терпят тягости» (III, 127—135).

Таким образом, «Библиотека», преследуя цели популяризации марксизма, выполняет эту задачу вполне научно.

Техническая сторона поставлена недурно, хотя можно было бы требовать от ГИЗ'а значительно лучшей брошюровки книжки. Пора этим заняться и в производстве рабочих библиотек.

Энгельс еще в 1874 г. сказал: «Долг вождей—все более и более уяснять себе все теоретические вопросы, все более и более освобождать себя от влияния традиционных, принадлежащих старому миросозерцанию фраз и все время иметь в виду, что к социализму, после того как он стал наукой, необходимо относиться так же, как к науке, т.-е. его необходимо изучать» (III, 28). В 1926 году в СССР подобное обращение должно быть направлено не только к вождям, но и к широкой партийной и рабочей массе.

«Библиотека марксиста» много поможет в этом нужном сейчас деле.

**К. Милонов.**

# СОДЕРЖАНИЕ:



---

№ 6

МАРТА

1 9 2 6

МОСКВА